

СФ(КФ)
К22

КАРЕЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРЗАВОДСК 1949

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

К.

КАРЕЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР

НОВЫЕ ЗАПИСИ

Вступительная статья, подготовка текстов и примечания
ВИКТОРА ЕВСЕЕВА

Под редакцией проф. В. Я. ПРОППА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1949

ПРЕДИСЛОВИЕ

В феврале 1949 года исполняется 100 лет со дня выхода в свет полного издания карело-финского эпоса «Калевала» — замечательного памятника мировой культуры.

Народный эпос «Калевала» остается и в наши дни неповторимым и неуязвимым творением поэтического гения карело-финского народа, воплотившим в себе его силу и доблесть, мудрость и огромные творческие возможности. Нам дорога прекрасная легенда о чудесной самомолке Сампо, приносящей счастье, о котором веками мечтал наш народ. Мы видим, как мечта о Сампо становится действительностью в дни великой сталинской эпохи.

«Калевала» является созданием широких трудовых масс карельского народа. «Мощь коллективного творчества, — писал А. М. Горький, — всего ярче доказывается тем, что на протяжении сотен веков индивидуальное творчество не создало ничего равного «Илиаде» или «Калевале» и что индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне коего не лежало бы народное творчество». Карело-финский народ гордится высокой оценкой, данной гениальным пролетарским писателем «Калевале».

В памяти лучших сказителей К-ФССР и поныне хранятся руны, повествующие о подвигах легендарных героев «Калевалы». Наш сборник открывается избранными рунами на сюжеты «Калевалы», записанными в советское время.

Знаменитые руны, легшие в основу «Калевалы», — только один из видов поэзии карело-финского народа, обладающего богатейшей поэтической культурой. Задача настоящей книги — ознакомить читателя и с другими важнейшими видами устного творчества карело-финского народа и, прежде всего, с современными фольклорными произведениями, воспевающими вождей советского народа Лени

и Сталина, подвиги героев гражданской и Великой Отечественной войн и изображающими грандиозный размах социалистического строительства в Карелии в годы сталинских пятилеток.

Территория Карело-Финской ССР издавна была заселена как карелами, так и русскими. Этим определялась близость карельской и русской культуры, общность интересов и исторических судеб обоих народов, о чем так красноречиво свидетельствуют некоторые карело-финские исторические песни. Расселение карел, будучи исторически обусловлено, определило собой и специфику карельского фольклора: его двуязычный характер, близость к русскому фольклору и связь с финской народной поэзией.

Не только в борьбе с внешними врагами, но и в своей трудовой деятельности на протяжении многих веков карелы соприкасались с русскими и выступали под их руководством. Среди олонечких пашенных солдат, охранявших русские рубежи на севере несколько столетий тому назад и в мирное время занимавшихся земледелием, были и карелы и русские. Те и другие рука об руку принимали участие в строительстве древних русских крепостей на северо-западных рубежах нашей Родины. Рядом с русскими карелы работали на крепостных мануфактурах — Олонечких железных заводах — и добывали железную руду из карельских озер и болот для этих заводов. Вместе с русскими отдельные группы карел восстали при Екатерине II против царившей на заводах кабалы крепостников-горнозаводчиков. В исторических актах отмечается участие карел наряду с русскими в работах по строительству Москвы после пожара 1812 года.

Под руководством братского русского народа боролся карельский народ с белогвардейцами и интервентами в годы революции и гражданской войны. В условиях советской действительности дружба карел и русских не только окрепла, но и приобрела совершенно новые черты, она превратилась в дружбу двух народов, стремящихся к одной цели — к построению коммунистического общества. Бок о бок с русскими выступают карелы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенном восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства.

Под руководством партии большевиков за 25 лет своего существования Карело-Финская ССР добилась значительных успехов во всех областях экономики и культуры. Крупнейшие достижения республики были отмечены руководителем карело-финских большевиков Г. Н. Куприяновым в докладе на юбилейной сессии Верховного Совета республики 25 июля 1948 года.

Участие карел на протяжении столетий в трудовых деяниях и боевых подвигах русского народа наложило отпечаток своеобраз-

ной общности фольклорных мотивов устного русского и карельского народного творчества. На протяжении многих веков не прерывался процесс взаимного обмена поэтическими богатствами. Результатом этого, в частности, является отмеченное как в XIX, так и в XX веке бытование русских былин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Чуриле Пленковиче в сказочном изложении среди карел различных районов нашей республики. Отдельные былинные богатыри, как например Самсон Колыванович, Иван Годилович, имеют своих тезок в карельском и вообще прибалтийско-финском эпосе.

Историческая дружба карел и русских обусловила и обратное явление: так, известный русский сказочник-орденоносец Коргуев под нам новый вариант карельской руны о Вейнемейнене. Такие явления в фольклоре характерны прежде всего для братской семьи народов СССР. В советское время общность русского и карельского фольклора стала необходимым признаком фольклорных процессов, творившихся в К-ФССР, и выразилась в общности идей, основных героев и тем народного творчества.

Но если, с одной стороны, мы можем говорить о прочных многовековых связях карельского фольклора с русским фольклором, то, с другой стороны, необходимо отметить его национальное своеобразие.

Трудно определить характер древнекарельского устного народного творчества. Безусловно лишь то, что древнейшее состояние карельской устной народной поэзии отвечало тем социально-экономическим условиям, в которых проходил процесс образования карельской народности, сопутствовавший становлению великого русского народа. Анализ общественных явлений, отразившихся в карельском фольклоре, не является темой нашего краткого предисловия. Такой анализ завел бы нас далеко в сторону от поставленной перед нами задачи. Отметим лишь то, что все основные ступени развития карельского народа нашли свое отражение в карельском фольклоре. Вместе с тем в нем отражена совместная борьба прибалтийско-финских племен и восточных славян против их внешних врагов, Новгородский и Московский периоды истории Карелии, успешные военные действия против немецких рыцарей и свейских «немцев», борьба за Карельский перешеек и Выборг при Иване Грозном и Петре Первом, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война с немецко-фашистскими захватчиками.

В наши дни устное творчество приобретает новый характер и новое содержание. Сказители стали сознательными творцами нового советского фольклора, идейное содержание которого коренным

образом отличается от старого фольклора. Беззаветная преданность делу социализма и вождям советского государства, высокие идеи советского патриотизма и революционной героики, пронизывающей жизнь советских людей, стали основными темами карельского советского фольклора, который развивается в теснейшем контакте с советской литературой. Таким образом, разобщенность фольклора и литературы все больше становится фактом прошлого, поскольку советский народ творит единую культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию

В карельском фольклоре отражено не только историческое прошлое и великое настоящее карельского народа, его многовековая дружба с русским народом, но и его быт, материальная культура. Отобрана карельским фольклором и экономика местного края. В фольклорных произведениях новой записи мы видим изображения давно ушедшей из жизни арханчной курной избы, подсечной обработки земли и рядом — современный колхозный клуб и стальные кони — тракторы и т. д.

Одним из основных занятий жителей Карелии, и в частности карельских сказителей, является рыбная ловля и охота. Таким страстным охотником, рыбаком и мастером, искусно изготовлявшим лодки, был карельский певец рун Шемейкка, памятник которому воздвигнут в г. Сортавала. Немало было среди карельских сказителей и кузнецов. И все эти сказители, являющиеся страстными рыболовами, прекрасными охотниками, отличными кузнецами, в то же время оставались крестьянами, пахавшими землю и выполнявшими другие виды сельскохозяйственных работ. Этот круг деятельности широких масс карельского народа, и в частности сказителей, не мог не отразиться в карело-финских сказках, песнях, рунах. Рыболовством, охотой, кузнечеством, земледелием занимаются и герои карельского фольклора. В Карело-Финской республике имеют большое значение лесозаготовки и сплав леса, и это нашло отражение в произведениях устного карело-финского народного творчества. Отражена в некоторых фольклорных произведениях и та обстановка, в которой они исполняются. Имеются сведения об исполнении рун и рассказывании сказок во время рыбной ловли и охоты, и не случайно в связи с этим герои рун нередко также поют во время рыбной ловли и охоты. Иногда сказитель-пастух при встрече с собеседниками рассказывал сказки и исполнял длинные руны, в которых герои рун и сказок, пастухи, не только играют на рожке, но и поют песни, оказывающие свое воздействие на окружающую природу. Исполнялись фольклорные произведения и при всевозможных работах, «помочах»: рассказывал сказки и пел песни сказитель-пахарь у себя в поле, пел сказитель-кузнец у себя в кузнице, и подчас они повествовали

о том, как герои рун — пахари и кузнецы — своими песнями пытались облегчить свой труд в поле и кузнице. Наконец, не реже, а пожалуй и чаще, пелись и поются руны и рассказываются сказки по время отдыха, долгими зимними вечерами, на свадьбах, во время праздников и при других подобных обстоятельствах.

Очень близки к эпическим произведениям по своей ритмической структуре и другие песенные жанры. В основе их лежит стих «Каленалы» — четырехстопный хорей. На основании этого чисто внешнего признака некоторые исследователи утверждали, что карельский фольклор не имеет строго дифференцированных жанров. Это грубая ошибка. Несмотря на внешнее ритмическое сходство, народ отличает эпос от лирической песни, заговора и т. д.

О художественных достоинствах карельских эпических песен мы уже говорили. Красочность языка, образное богатство карельской народной лирики говорят о талантливости народа-творца и почителя этих фольклорных произведений. В этих старинных лирических песнях, распеваемых карельскими сказителями, отразилась не только безотрадная жизнь народа до революции, эти произведения карело-финской народной лирики пронизаны твердой верой народа в счастливое будущее. Чаяния и ожидания народа нашли в них свое выражение. В этих песнях читатель найдет и чрезвычайно красочные зарисовки по-своему разнообразной и богатой природы Карелии.

Идейно и эстетически содержательными и высокохудожественными следует признать и карельские сказки. В сюжетном отношении многие из них сходны с русской сказкой и сказками других народов, в то же время характер разработки сюжетов в них, равно как отдельные мотивы, придают им национальный характер, характеризуют и отражая специфические черты быта и психологии карело-финского народа.

Какой бы жанр карельского фольклора мы ни взяли, во всех случаях лучшие образцы относящихся к этим жанрам произведений устного народного творчества отличаются высокими художественными качествами, в достижении которых свою роль сыграли многие поколения карело-финских сказителей.

В краткой вступительной статье нет возможности всесторонне осветить творческое лицо сказителей, произведения которых составляют сборник карельского фольклора. Однако уже при беглом сопоставлении биографий сказителей с их песнями, плачами, сказками и сказами, помещенными в сборнике, читатель заметит то особенное, что характеризует карельского певца-сказочника, тематику его произведений. Это прежде всего видно в выборе фольклорного жанра тем или иным сказителем. Если знаменитый певец рун

XIX века Архип Перттунен отдавал предпочтение эпической и заговорной песне, то Ларин Параске в основном прославилась благодаря своим лирическим песням.

В устной карельской народной поэзии отражаются индивидуальные особенности и творческое лицо сказителей, поскольку, несмотря на существование определенных рамок традиционной поэтики, у каждого талантливого сказителя при исполнении рун, рассказывании сказок, или в процессе импровизации причитаний остаются широкие возможности для индивидуального творчества.

Творческая индивидуальность карело-финских сказителей проявляется не только в подборе репертуара и в особой трактовке того или иного образа руны или сказки, не только в наделении героев фольклорных произведений теми или иными психологическими чертами, но иногда и в изменении отдельных моментов в самом содержании сказок, песен или причитаний.

Карелия чрезвычайно богата певцами и сказителями, владевшими высоким мастерством исполнения рун, сказок, причитаний.

Из современных нам карельских сказителей — певцов рун особенно талантливы М. Ремшу, М. Хотеева, М. Михеева, Т. Перттунен, А. Никифорова, К. Анипина, Е. Гаврилова, А. Исаков и другие колхозники и колхозницы.

Современные нам сказители не только хранят старые традиционные эпические песни, но и создают новые, откликаясь на важнейшие события нашей жизни. В устах этих сказителей произведения советского фольклора приобретают новое, качественно отличное от произведений традиционного фольклора, звучание. Сковавший Сампо карельский кузнец Ильмойллине попрежнему живет в творческом воображении народа. Он сопровождает великого Сталина на Царицынский фронт. Когда враги ломают на пути козанные санки, Ильмойллине кует другие сани, поездка продолжается, и враг оказывается разбитым. Эта эпическая песня записана уже от двух разных сказительниц в двух вариантах, поэтому можно говорить о ее бытовании. Таким же образом начинают бытовать среди современных карельских сказителей варианты других новых эпических песен о Сталине, Ленине, об Антикайнесе, о Советской Конституции. Иногда и дети перенимают эти произведения от старших, время от времени выступающих с этими песнями в колхозных клубах, в колхозном хоре, в коллективах художественной самодеятельности, по радио.

Отдельные произведения советского фольклора (например, у М. Ремшу песня о поездке в Москву) носят прямо автобиографический характер. Иногда события и происшествия, очевидцами или участниками которых были наши сказители, художественно пре-

ломляются в созданных ими произведениях. Зверства белобандитов во время гражданской войны, которые наблюдала А. Никифорова в южной Карелии, нашли свое отражение в ее песне о гражданской войне. Направленный по инициативе товарища Сталина десант в Видлицы воспет очевидицей этого события — сказительницей Е. Гавриловой, песня же об этом событии в записи от А. Никифоровой является самостоятельным вариантом песни, записанной от Е. Гавриловой. Если в новой сказке, сложенной А. Исаковым, говорится о поимке шпиона, то тут не могло не отразиться то, что сам сказитель награжден за поимку нарушителя границы. Иногда сказители не были непосредственными участниками или очевидцами событий, но их встречи с народными героями, определившими ход этих событий, вдохновляли сказителей на создание соответствующих новых фольклорных произведений. Так, встреча и беседа сказительницы А. Никифоровой с легендарным героем Т. Антикайнеом дали ей повод для создания песни о лыжном рейде Т. Антикайнена к Кимасозеру.

Наконец, в процессе сложения новых фольклорных произведений на советскую тематику некоторую роль играют старинные народные песни и сказки, откуда народный сказитель черпает отдельные наиболее яркие образы для своих новых песен и сказок, разумеется, творчески их переосмысляя. Примеры такой трансформации фольклорных образов имеются в изобилии у М. Михеевой и у А. Никифоровой. Первая почти без изменений вносит в свои новообразования отдельные стихи из исполняемых ею старинных рун. Вторая сказительница использует в своих новых песнях устно перенятые от своего отца руны о кузнеце Ильмойллане, Хийси и другие произведения устной народной поэзии.

Так, карельские народные певцы и сказочники, сохраняя в своей памяти традиционные руны «Калсвалы», народные песни и сказки, продолжают в наши дни на новой основе создавать новые произведения о нашей советской действительности.

Выдающиеся певцы и сказочники карело-финского народа пользуются заслуженным почетом и уважением трудящихся своей республики. Многие из них за сохранение устно-поэтической традиции и создание новых произведений на советскую тематику награждены Почетными грамотами Верховного Совета Карело-Финской ССР. Сказители, нашедшие свое место в сборнике, активно участвовали в конференциях сказителей, собиравшихся в Москве, Петрозаводске и в с. Ухте. Неоднократные поездки этих сказителей в культурные центры нашей страны значительно расширили их кругозор и воодушевляли их на создание новых фольклорных произведений.

Шагая в ногу с современностью, наши сказители создают новые песни и сказы о Ленине, Сталине, гражданской войне и социалистическом строительстве в Карелии, Отечественной войне с гитлеровской Германией.

Наряду с крупными сказителями в сборнике выступают и некоторые рядовые певцы рун и сказочники.

В результате систематического собирания в фольклорном архиве Института истории, языка и литературы Карело-финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР сосредоточено свыше десяти тысяч вариантов записей произведений разных жанров карельского фольклора. Советские фольклористы выступают не посторонними наблюдателями творческой жизни сказителей, но и проводят среди них политико-воспитательную работу, помогают им искать новые формы творчества, способные со всей полнотой отразить жизнь нашей Родины.

Один из первых советских собирателей Г. Х. Богданов в 1926 году записал в северной Карелии несколько десятков вариантов рун, обрядовых песен, сказок и других жанров фольклора. Экспедиция 1934 года, произведенная под руководством В. Евсеева в северной Карелии, выявила и записала руны и сказки нескольких крупных сказителей, в том числе М. А. Ремшу. В том же 1934 году В. Евсеев возобновил запись южнокарельских рун. За несколько лет советскими собирателями записано во много раз больше вариантов южнокарельских рун, чем финляндскими собирателями за 100 лет по той же, в языковом отношении, обособленной от районов собственно-карельской речи «олонецкой» южной Карелии.

Сотни вариантов карельских народных песен, плачей и произведений других жанров фольклора записаны собирателями Е. Каллио, Э. Гран, П. Куйкка, Ф. Фомкиным, О. Пергамент, Я. Руговым.

Значительных результатов достигли за последнее десятилетие и в деле собирания карельских сказок, записи которых составляют больше тысячи вариантов. Выявлен целый ряд крупных сказочников, в частности, от одной только М. Михеевой фольклористка Э. Гуттари записала около 100 разных сказок.

В Советском Союзе за последнее десятилетие вышло из печати несколько книг карельских сказок, записанных и подготовленных К. Беловой, П. Куйкка и И. Пажлаковым. Карельская лирика дана в сборнике избранных старинных песен, составленном Титковой и Степниевой.

Но наиболее интенсивно публиковались в советской Карелии карельские эпические песни. Изданный в 1929 году Академией наук СССР «Карельский сборник» содержит в себе публикации целого ряда рун, записанных Г. Х. Богдановым. Руны в нем печатались

без какой бы то ни было языковой обработки со стороны собирателя, но в последующих публикациях рун, появившихся как в журналах, так и отдельными книгами, карельские руны даются в значительной обработке, например, в издании рун, подготовленном в 1939 году сотрудником Карельского научно-исследовательского института культуры И. Пажлаковым.

Научно-популяризаторская задача была поставлена и перед появившимся в переводе на русский язык сборником карело-финских эпических песен, подготовленным В. Боковым, сводом карельского эпоса «Сампо», составленным В. Евсеевым в 1939 году, и перед увидевшими свет в 1946—1948 годах сборниками «Руны и исторические песни» и «Избранные руны Архипа Перттунена» того же составителя.

Подготовленный Институтом истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии наук СССР в связи со 100-летием полного издания «Калевалы» сборник вариантов карельских эпических песен будет осуществлен, как строго научная публикация.

Настоящий сборник карельского фольклора ставит перед собой задачу ознакомить советского читателя с избранными произведениями основных жанров народного творчества в записи от лучших современных сказителей-карел. Разумеется, не все жанры фольклора целесообразно было представить в сборнике одинаковым количеством образцов. Сборник состоит преимущественно из эпических и лирических песен и пародных сказок. Наряду с этими основными жанрами фольклора в сборник вошли обрядовые и заговорные песни, сказы, предания. Отдельные сказители выступают в сборнике только со своими сказками или песнями, но многие из них представлены как носители всех основных традиционных жанров фольклора.

Несколько слов о языке использованных в нашем сборнике произведений карельского фольклора и особенностях публикуемых в сборнике переводов. Переводы плачей, эпических, лирических и обрядовых песен, помещенных в сборнике, в основном отвечают поэтическим особенностям карельских фольклорных текстов и стремятся сохранить художественные качества соответствующих карельских текстов.

В заключение можно выразить надежду, что впервые публикуемый сборник избранных текстов карельского фольклора новой записи в переводах на русский язык представит определенный интерес для значительных кругов советских читателей и послужит делу коммунистического воспитания молодежи.

ТРАДИЦИОННЫЙ
ФОЛЬКЛОР

1. СВАТОВСТВО КУЗНЕЦА ИЛЬМОЙЛЛИНЕ

«Ой, кузнец ты Ильмойллине,¹
Ты куда, сынок, собрался?»
— «Я идти собрался сватать».
— «Где, кого ты сватать будешь?»
— «Краснощекую девицу,
Ту Хермандо Пунапана.
Вягивуарову внучку
И большого Хийто дочку».²
— «Не ходи туда, сыночек,
Слушай, выношенный мною:
Там на улице сто кольев,
Головы на всех надеты,
Лишь один стоит порожний —
Для твоей головки буйной».
— «Мать, меня не унимай ты,
Не держи дитя родное.
Принеси-ка мне умыться,
Чтоб, как лен, блестели кудри,
Будто зеркальца — два глаза,
Шею вымыть мне почище, —
И пойду тогда я сватом».

¹ Ильмойллине — мифический кузнец, герой рун Калевалы.

² Хермандо — внучка Вягивуары (букв. «Сильной горы»), дочь злого духа Хийто.

И пошел тут Ильмойллине
Прямо к Хийто под окошко.
Лают Хийтовы собаки,
Подошел к окошку Хийто.
«Что, готова ли невеста?
Я смотрел ее два года
И уже три года сватал».
— «Не готова та невеста.
Коль кузнец ты Ильмойллине,
То змеиное ты поле
Вспашешь огненной сохою,
С необутыми ногами,
Вспашешь голыми руками,
С головою непокрытой
И без пояса на теле».
Вот змеиное он поле
Огненной вспахал сохою,
С необутыми ногами,
Голыми вспахал руками,
С головою непокрытой
И без пояса на теле.
Под окно он к Хийто въехал,
Подошел к окошку Хийто.
«Что, готова ли невеста?
Я смотрел ее два года
И уже три года сватал».
— «Не готова та невеста.
Низведи-ка град железный —
Головы поменьше конской,
Головы твоей побольше».
И пошел тут Ильмойллине
Прямо к берегу морскому,
Долго там молил и плакал.
Вот плывет на запад туча,
На восток плывет другая, —
И пошел тут град железный
Головы поменьше конской
И побольше человечей.
Стал кузнец под окна Хийто.
Лают Хийтовы собаки,
Подошла к окну хозяйка.
«Что, готова ли невеста?
Я смотрел ее два года

13970K

И уже три года сватал». — «Не готова та невеста. Принеси от щуки печень, От живой, — и дочь получишь». И пошел тут Ильмойллине Прямо к берегу морскому, Там нашел себе он лодку, И когда грести он начал, — Щука лодку проглотила. Он отрезал печень щуки. «Отпусти меня ты, щука, Голове не дай погибнуть!» Щука отпустила мужа. Въехал он под окна Хийто. Лают Хийтовы собаки, Подошла к окну хозяйка. «Что, готова ли невеста? Я смотрел ее два года И уже три года сватал». Баба сбросила девицу. В путь пустился Ильмойллине. По пути погосты были Без попов, дома без окон. Прожил он с женой три года, Родились у них три сына, Только не было имен им. «Ой, кузнец ты Ильмойллине, Имена им дать какие?» — «Одному дам — Сулки Струна, А другому — Риван Сунна, Третий будет — Сын Домашний». — «Ой, кузнец ты Ильмойллине, Им какую дать работу?» — «Мы подарим Сулке Струне Из костей утиных дудки, И дадим мы Риван Сунне Кантеле из рыбьей кости,¹ А Домашний Сын получит Колокольчики из корня». Сулки Струна как возьмется

¹ Кантеле — карельский национальный музыкальный инструмент.

На костях играть утиных, —
Так прекрасные девицы
Оставляют хороводы.
Заиграет лишь у Сунны
Кантеле из рыбьей кости —
Оставляют молодицы
Все белье некипяченным.
А Домашний Сын как тронет
Колокольчики-звоночки —
Рыбы в море засыпают.

2. КУЗНЕЦ И СМЕРТЬ

А кователь Ильмойллине,
Выковавший свод небесный,
Как всегда, на смерть сердился,
Гневался он очень сильно —
Смерть его родных морила.
Думает кузнец, гадает:
«Не дает мне смерть покоя!»
Вот кует тот Ильмойллине,
Выковавший свод небесный,
Сундучок кует железный,
Гроб железный для той смерти,
Замыкающийся гробик.
К кузнецу та смерть приходит
Ильмойллинена съестъ хочет.
Задаёт ему вопросы:
«Сундучок зачем ты сделал?»
Ильмойллине отвечает:
«Для того сундук я сделал,
Чтобы отдохнуть с работы».
Вот кузнец тот Ильмойллине
Начинает гостью дразнить:
«Надо отдохнуть теперь мне,
Прежде чем здесь смерть наступит!»
Начинает Ильмойллине
Залезать в сундук железный.
Смерть же кузнецу сказала:
«Подожди-ка, я сначала
Отдохну в том сундучишке!»
В сундучок тут смерть залезла,
А кузнец-то Ильмойллине

Смерть закрыл в сундук железный,
На замки замкнул скорее.
Ночью сундучок отнес он
Прямо на средину моря,
Сундучок тот бросил в полночь
В море черное, большое.
И когда тонула гостья,
То обрадовались духи,
Водяные закричали:
«Слышали мы в черном море,
Как вода лишь всколыхнулась!»
Так он сундучок тот бросил,
Чтобы люди не узнали,
Чтоб никто не мог проведать,
Смерть негодная где скрыта.
Вот уж триста лет минуло,
В сундуке том смерть томится,
И нигде не умирают,
И нигде не знают смерти,
Целых триста лет живут все.
Вот уж весь народ на свете,
Люди все осведомлялись,
И у месяца спросили:
«Где бедняжка-смерть укрыта?»
Знает месяц, но не скажет,
К солнцу всех он посылает,
Пусть-ка лучше спросят солнце.
Солнце праведное молвит:
«В черном море посредине,
Лишь обрадовались духи,
Водяные закричали,
А вода-то всколыхнулась!
Там, на середине моря, —
В сундуке железном гостья!»
Целых триста лет искали
На морском дне смерть-бедняжку,
И никто не умирает.
Вот уж стали на повозках
Старых вывозить под горку;
И тогда нашли тот ларчик
В черном море, посредине,
Извлекли сундук из моря,
Подняли на берег моря.

Смерть тут грозно закричала
И велела гроб открыть ей,
Крышку пеструю откинуть.
Смерть ту выпустил мужчина, —
Смерть мужчину погубила,
Сотни три мужчин убила,
Женщин также триста съела,
Ильмойллиненна избила.
Смерть с тех пер светить на землю
Солнцу днем лишь позволяла,
Месяцу же — только ночью.
А сама теперь лишь тайно
Пожирать людей ходила,
Ночью выходить решалась
И дразнила светлый месяцу.

3. КИЛЛЕРВО

Киллерво, сынок Каллервы,¹
Затрубил, идя по лесу.
Затряслись земля, болото.
И идет он дальше бором,
Чей-то лоб в лесу мелькает,
А в траве подол чуть виден:
В чаще девушка бродила,
По лесам она гуляла,
На лугу она рыдала,
В камышах роняла слезы.
«Что ты плачешь, молодуха,
Или батюшка обидел?»
— «Батюшка — родной отец мне!»
— «Что же плачешь, молодуха,
Или матушка ругала?»
— «Матушка — родная мать мне!»
Киллерво, сынок Каллервы,
Затрубил, идя по лесу,
Затряслись земля, болото.
И идет он дальше бором.
Чей-то лоб в лесу мелькает,
А в траве подол чуть виден:

¹ Киллерво, сын Каллервы — он же Куллерво, пастух-сирота, герой рун «Калевалы».

В чаще девушка бродила,
По лесам она гуляла,
На лугу она рыдала,
В камышах роняла слезы.
«Что ты плачешь, молодуха,
Или муж тебя обидел?»
— «Это муж — такой гадюка,
Парит в баенке холодной,
Он жену без хлеба держит
И содержит без одежды,
И без обуви зимою,
И кнугом меня он учит!»

4. ВЫКУП ДЕВУШКИ

Плачет девушка, рыдает,
В можжевельнике тоскует,
На лужайке причитает,
В камышах роняет слезы.
Посмотрела: солнце встало,
Лодка к деде подплывает;
Кто гребет в далекой лодке?
Это батюшкин челночек.
«Ты, мой батюшка родимый,
Ты возьми меня с собою».
— «Не осталось места в лодке:
Сети русские везу я,
Продаю я рыб карельских
И иду войной на шведов».
Плачет девушка, рыдает,
В можжевельнике тоскует,
На лужайке причитает,
В камышах роняет слезы.
Посмотрела: солнце встало,
Лодка к деде подплывает.
Кто гребет в далекой лодке?
Это братец подъезжает.
«О, мой брат, мой брат любимый.
Ты возьми меня с собою».
— «Не осталось места в лодке:
Сети русские везу я,
Продаю я рыб карельских
И иду войной на шведов».

Плачет девушка, рыдает,
В можжевельнике тоскует,
На лужайке причитает,
В камышах роняет слезы.
Смотрит вверх — там солнце встало,
Смотрит — лодка подплывает.
Кто гребет в далекой лодке?
Там жених в челнок уселся.
«О, жених мой ненаглядный,
Ты возьми меня с собою!»
И тогда жених в той лодке
Усадил свою невесту.

5. ВЕЙНЕМЕЙНЕН И КАКОМЬЕЛИ¹

Сын единственный у бабки
Собирается жениться.
День гребет водой болотной,
День другой — речной водою,
Третий день гребет озерком.
Он к своей сестре подъехал,
Что одежду полоскала,
Выколачивала крепко.
И сестра его спросила:
«Отвечай-ка, Вейнемейнен,
Ты куда собрался ехать?»
— «Рыбу я ловить собрался
В лодке, что полна сетями,
Что снаряжена снастями!»
Но сестра тут возражает:
«Ведь не так отец мой раньше
Собирался рыбу удить!..
Слушай, братец Вейнемейнен,
Встретишь ты в пути три смерти!»
— «О, сестра, сестра родная,
Смерть мне первую поведай!»
— «Смертью первой мужу будет
Водопад в огне кипящий,
Огненный орел в нем виден,
Ночью он скрипит зубами,

¹ Какомьели — он же Каукомьели, Кауко — герой рун Калевалы типа Лемминкяйнена.

Днем свои он когти точит,
Чтобы голову снять с мужа!»
— «Это — смерть не для мужчины,
Не геройская та гибель!
О, сестра, сестрица Анни,
Смерть вторую мне поведай!»
— «Изгородь там из железа
На земле стоит до неба,
Ящериц на ней — в избытке,
Скреплена она змеями,
Жала тянутся к герою,
Чтобы в голову ужалить!»
— «О, сестра, сестра родная,
Третью смерть скорей поведай!»
— «Третья смерть тебя настигнет
При твоём паденьи в море.
И появится яичко
На твоём, герой, колене.
Из желтка яйца возникнет
Солнышко на небосводе.
И тогда ты будешь плакать
Так, что в Похьоле старуха,
Старая хозяйка Похьи
Скажет: «То — не детский лепет,
Бородатые так плачут!»
Подметет она избушку,
Мусор относить собравшись,
Спустит лодочку на волны,
Подплывет на ней к герою...»
Греб с ней Вейнсме на берег.
Приходил к ней Вейнмейнен
И сказал: «Хочу жениться!
А на свадьбу всех зовите,
Одного лишь Какомьели
Не зовите; пусть слепые
И хромы приезжают,
Лишь не надо Какомьели!»
Старец Похьи со старухой,
Старую хозяйкой Похьи,
Пива преподносят Вейне.
Пиво пеной все покрылось
Сверху, в середине, снизу.
Вот незванным на пирушке

Появился Какомьели.
Заявляет Вейнемейнен:
«Ты зачем же, Какомьели,
Здесь незванным появился?»
Какомьели отвечает:
«Лишь собака зову внемлет,
Птица же летит незваной;
Званный гость великолепен,
Но незванный в сто раз лучше.
Будем биться, Вейнемейнен!»
Согласился Вейнемейнен:
«Что ж, побьемся, Какомьели!»
Состязаться начинают.
Какомьели заявляет:
«Начинай же, Вейнемейнен!»
Возражает Вейнемейнен:
«А начни ты, Какомьели!»
С пояса снимает ножик —
Нож железный Какомьели.
Ударяет он крест-на-крест,
К счастью, никого не ранил.
Предлагает Какомьели:
«Твой черед ударить, Вейне!»
Ударяет Вейнемейнен, —
Это был известный знахарь, —
Но удар пришелся в камень.
Вновь ударил Какомьели,
Голову он тем ударом
Срезал, как ботву у репы.
Так свершился поединок;
Какомьели же женился.

6. РАНЕНИЕ КОЛЕНА

Песню на уста наложим,
Мы потрудимся над песней,
Мать моя так раньше пела
И меня петь научила.
Старый верный Вейнемейнен
На горе готовил лодку,
На скале ее он делал.
Не похож топор на камень,

Не скалы топор коснулся,
Он ударил по суставам,
По колену песнопевца...
Круг серебряный вертелся,
Закружился круг железный
По земле и по болоту.
Десять деревень проехал
И в десятую деревню
Вейнемейнен тут заехал,
Под окном он вопрошает:
«Есть ли в этом вашем доме,
Кто уймет мне боль в колене,
Кто мне кровь в нем остановит?»
Там старуха отвечала:
«Нет такого в этом доме,
Кто унял бы боль в колене,
Кто бы излечил ту рану!»
Круг серебряный вертелся,
Вновь кружился круг железный
По земле и по болоту.
Девять деревень проехал
И в десятую деревню
Вейнемейнен тут заехал.
Под окном он вопрошает:
«Есть ли в этом вашем доме
Кто уймет мне боль в колене,
Кто мне кровь в нем остановит?»
И старик там отвечает:
«Раны худшие, чем эта,
Я излечивал бывало!»
Сеть железную тот старец
Через озеро раскинул,
Окуней в ту сеть ловил он.

7. ИГРА НА КАНТЕЛЕ

Жил-был старый Вейнемейни,
Прорицатель вековечный,
В поколеньи лучший мастер.
Лошадей искать умел он,
Звуки парусника слушать.
Ищет день, другой день ищет,
В третий день уже услышал:

Громко жалуется лодка,
Горько парусник рыдает.
Сам тут старый Вейнемейни
Вымолвил слова такие:
«Что ты, парусник, рыдаешь,
Лодка прочная, что хочешь?»
— «Вот о чем я горько плачу,
Вот чего хочу я, лодка:
В бой другие лодки ходят
И добра привозят груды,
Я же здесь гнию на щепках,
На своих досках валяюсь.
Отвратительные птицы
И противнейшие черви
В голове моей гнездятся
И живут в моей обшивке».
Сам тут старый Вейнемейни
Сделал веник с медной ручкой,
Веник с ручкой оловянной.
Чисто парусник он вымел,
Вытер плачущую лодку.
Он пошел в просторы света,
Тот корабль спустил на волны,
Прыгнул на нос золоченый,
Сам он на корме уселся,
Оперся на руль на медный,
Стариков грести заставил —
Старики гребут — трясутся.
Молодым доверил греблю —
Те гребут — и гнутся весла,
Клохчут все скамьи тетеркой,
Стонет нос, как будто лебедь,
И корма шумит порогом.
День, другой спускали лодку,
Лишь когда настал день третий,
Попадает лодка в воду,
В волны парусник спустился.
Сам тут старый Вейнемейни
Вкруг оглядываться начал,
В обе стороны он глянул,
С двух сторон ладью проверил:
Камень, дерево ль помехой,
Иль хребет огромной щуки,

Кости твердые той рыбы?
Не на камне, не в корягах,
А на щуке лодка стала,
На хребте костистом щуки.
Сам тут старый Вейнемейни
Вынул удочку поспешно,
Он достал крючок из сумки
И ножом железо вынул.
Поднял лосося он в лодку,
Поворачивает, смотрит,
Как бы тут обед готовить,
Как ножом разрезать рыбу,
На кусочки лососину.
В море вдруг шмыгнула рыба,
Ускользнул тот пестрый лосось,
Поднял голову из моря,
На водовороте пятом,
На шестом ребре волнистом,
На хребте волны девятой:

«Я к тебе не приходила
Лососиной для обеда,
Чтобы ты меня разрезал.
Для того к тебе пришла я,
Чтобы вечной быть супругой,
Что готовит изголовье,
Сапоги тебе снимает,
Для тебя постель готовит».

Опустился в море лосось.
Сам тут старый Вейнемейни
К кузнецам пошел на кузню:

«Ты, кузнец, мой милый братец,
Скуй железные мне грабли,
Скуй зубцы длиной в сто сажен.
Ручку сделай в двести сажен,
Я пойду искать девицу».
День другой водил граблями,
ц, уже на третий,
Камыша нашел кусочек
И осколок рыбьей кости.

«Что из этого всего бы
Сделать мог хороший мастер?
Можно ль музыку устроить?»
Инструмент тут взял он в руки,

Кантеле в свои взял пальцы.
Целый день играл, другой день,
И когда настал день третий,—
Из земли повышли твари,
И сама воды хозяйка
В новых синеньких чулочках
И в красивых красных петлях
Поднялася на березу,
На изгиб ольхи уселась,
Чтобы песню ту послушать.

8. СМЕРТЬ И БОЛЕЗНЬ

Смерть шагала по болоту,
А болезнь — дорогой зимней.
Думали они, шагая,
По дороге размышляли:
«Коль хозяина уьем мы,—
Все хозяйство распадется;
Если погубить хозяйку,—
Пропадут тогда коровы;
Сын хозяйский также нужен,
Без него топор исчезнет;
Коль уьем мы дочь хозяйки,—
Сгинут свадебные яства.
Лучше взять у них невестку,—
Пусть найдут они другую
И найдут получше прежней.

9. ПОГОНЯ ЗА ЛОСЕМ

Люсмико был лыжный мастер,
Капо, мастер лыжных палок;
Осенью готовит лыжи,
А зимой стругает палки.
Изготовил лыжи мастер,
Скоро палки изготовил.
Он на снег забросил лыжи,
Лыжные воткнул он палки
Рядом с лыжами своими.
Первый раз он лыжей двинул,—
С глаз он очень скоро скрылся,
Двинул лыжей во второй раз,—

И его не стало слышно.
С третьим разом у героя
Лыжа длинная споткнулась,
Палка лыжная уткнулась
В плечевые кости лося.
Тут-то старый Вейнемейнен
По спине ударил лося,
Зверя по спине похлопал.
«Хорошо бы тут мне было
С молодой девицей вместе,
Рядом с курочкой растущей.
Но не знал, что будет шкура
Для жены моей любезной,—
Лосья шкура для девицы!»

10. СОСТЯЗАНИЕ ЖЕНИХОВ

Дева, Анникки прозваньем,
У мостка белье стирала,
Выподаскивала платья,
Колотушкой выбивала
У мостка, у вод холодных.
Что-то на море чернеет,
На волнах морских синеет.
«Коли там лишь птичья стая —
Пусть та стая разлетится,
Коли там поднялась рыба —
Пусть те рыбы уплывают,
Коли там подводный камень —
Пусть вода покроет сверху,
Коли в лодке Вейнемейне —
Пусть сюда он подплывает
Побеседовать со мною!»
Вот уж Анни вопрошает,
С грудью, оловом покрытой:
«Ты куда собрался, Вейне,
Ты куда, жених с Сувандо?»¹
— «Лосося ловить поехал
Из реки Туони черной,

¹ Сувандо — местность Карельского перешейка.

Из пучин Маналы мрачной».¹
— «Вижу ложь в твоём ответе,
Замечаю, что ты лжешь мне:
Иначе отец мой раньше
И не так родитель старый
Лосося ловить здесь ездил
В лодке, что полна сетями,
В лодке, что полна снастями,
Снаряженной острогами».
Снова Анни вопрошает,
С грудью, оловом покрытой:
«Ты куда собрался, Вейне,
Ты куда, жених с Сувандо?»
— «Лебедей ловить поехал
Из реки Туони темной,
Из пучин Маналы мрачной!»
— «Вижу ложь в твоём ответе,
Замечаю, что ты лжешь мне:
Иначе отец мой раньше,
Иначе родитель старый
Лебедей ловить здесь ездил, —
На цепи держал собаку,
Лук тугой он брал с собою!»
Снова Анни вопрошает,
С грудью, оловом покрытой:
«Ты куда собрался, Вейне,
Ты куда, жених с Сувандо?»
— «Девушку смотреть поехал.
Подрастающую деву,
Уведу из Табиолы,
Из Похьолы² вечно темной!»
Дочь единственная, Анни
В горсть подол свой подобрала,
По крутым горам помчалась,
Пробежала по низинам,
В кузницу вбежала Анни:
«Ты, кузнец, мой милый братец,
Вековечный ты кователь,

¹ Туони и Манала — подземный мир в карело-финской мифологии.

² Табиола и Похьола — страны леса и севера.

Уведут твою невесту,
Взяв из сумрачной Похьолы,
Взяв из темной Табиолы!»
Клещи выпали на землю,
Молот выбросил кователь.
Жеребца кузнец выводит,
В сани красные впрягает.
Жеребца прутom ударил,
Он кнутом с жемчужной ручкой.
Жеребец бежал дорогой,
И дорога сокращалась.
Вот собака стала лаять,
Молвит в Похьоле старуха:
«Посмотреть иди, служанка!»
— «Некогда смотреть, хозяйка,
Жернова верчу большие,
Мелкую муку мелю я!»
Молвит в Похьоле старуха:
«Ты иди смотреть, работник,
Что там тьякает собака,
Городской что пес там лает!
Ведь недаром пес там лает,
Сторож острова — собака.
Ты иди смотреть, служанка,
У порога в щель взгляни ты,
Посмотри из щели узкой!»
Девушка смотреть подходит,
Посмотрела в щель снаружи,
В щелку узкую смотрела.
Был один там — Вейнемейне,
И второй был — Ильмойллине,
Вековечный он кователь.
Шли они смотреть девицу,
Подрастающую деву.
Молвил им старик Похьолы,
Молвила старуха Похьи:
«Лишь тогда дадим девицу,
Коли сделаете Сампо!»
И кузнец тот Ильмойллине,
Вековечный тот кователь, —
Он ковал один день, два дня,
И на третий уж денечек
К вечеру оно готово,

Было выковано Сампо.¹
Но девицу не дают им,
Анникки не отпускают.
Старый верный Вейнемейне
Так на это отвечает:
Начал петь свои он песни.
Пел он день и пел второй день,
Третий день он пел те песни.
К вечеру он усыпляет
Старика Похьолы мрачной
И старуху той Похьолы,—
Всю Похьолу силой песни.
И спустя три дня таких же
Та старуха Похьолайне,
Та слепая Улмолайне,²
Просыпается и видит:
Анникки у них исчезла,
Нет единственной их дочки!
Вот старуха полетела.
День летела, два дня целых,
И на третий день в полете,
Вечером крыло старухи
Вейнемейнена коснулось.
Старый верный Вейнемейне
Быстро выхватил огниво,
Взял скорее кремень в руки,
И огонь небесный старец
Вейнемейне высекает,
Три пера взяв от орлицы,
Пять раз искру высекает.
Пала огненная искра
И прошла сквозь твердь земную,
Сквозь три пестрых крышки тверди,
Сквозь отверстие для дыма
И сквозь люльку для ребенка.
Грудь обжег огонь девице,
Матери спалил сосочки.
В Ману девушка собралась,
Но не время ей в Маналу.

¹ Сампо — мельница-самоходка, мифический источник народного счастья.

² Улмолайне — другое имя хозяйки Севера.

«А куда огонь пошлем мы,
Пламя белое запрячем?»
Вот огонь бросали в море,
Пламя белое на волны.

11. СОСТЯЗАНИЕ В ПЕНИИ

Отрок юный Евкахайне
И мудрейший Вейнемейне
Друг на друга наезжали.
И дуга с дугой сцепились,
И гужи переплетались, —
Из дуги той кровь струилась,
Из гужей тут жир закапал.
Молвил юный Евкахайне:
«Эй ты, старый Вейнемейне,
Кто из нас поменьше знает,
Тот дорогу пусть уступит».
Отвечает Вейнемейне
И такое слово молвит:
«Хоть и знаю я не много,
Все же ведаю маленько:
Это я взрыхлил здесь землю,
Выкопал озера рыбам,
Свод небесный я наладил,
Много слов здесь приобрел я,
Слов тех много тысяч кучек».
Вот уж старый Вейнемейне
Евкахайнена младого
Погрузил до плеч в болото,
До затылка в луг болотный,
До подмышек в землю бора.
Молвил юный Евкахайне:
«Эй ты, старый Вейнемейне,
Возврати слова святые,
Ты сними с меня заклятья,
Трудно здесь мне находиться,
И меня уж в жар бросает».
— «Что за это мне подаришь?»
— «Дам я злата, сколько хочешь,
Серебра мешочек полный».
— «В золоте я не нуждаюсь,
Серебра я не желаю, —

Тускло золото у шведов,
Серебро у немцев тускло».
Молвил юный Евкахайне:
«Возврати слова святые,
Ты возьми назад заклатья,
Трудно мне здесь находиться,
И меня уж в жар бросает».
— «Что подаришь мне за это?»
— «Жеребца дам племенного».
— «Жеребца я сам имею, —
Он красивее в два раза,
В пять раз более известен.
Воду пить бежит он, резвый,
И бегом спешит обратно.
На хребте вода струится,
На спине блесит озерко.
Травку кушает повсюду
И из облака пьет воду».
Молвил юный Евкахайне:
«Возврати слова святые,
Ты сними с меня заклатья,
Трудно мне здесь находиться,
И меня уж в жар бросает».
— «Что подаришь мне за это?»
— «Дам любимую сестрицу,
Выдам матери дочурку
В жены старцу Вейнемейне,
Замуж за тебя, дрожащий,
И под старость на утеху».
Старый верный Вейнемейне
Евкахайнена младого
Поднял силой двух ладошек.
Поднял силой песнопевца.
Евкахайне в путь пустился,
Едет-поспешает юный,
Голову склонив печально.
Мать сидела у окошка,
У сына она спросила:
«Что же ты, сыночек милый,
Голову склонил печально?»
— «Потому, моя родная,
Голову склонил я низко,
Что любимую сестрицу

И твою я дочку выдал
В жены старцу Вейнемейне,
И дрожащему в подруги,
И под старость на утеху».
— «Ах, давно, я ожидала
Вейнемейнена к нам зятем,
В род мой витязя большого,
Песнопевца нашим детям».

12. МЕСТЬ КУЛЛЕРВО

Куллерво, сынок Каллервы,
Шел искать себе работу.
К богатею в дом заходит.
У хозяина он хочет —
У главы семьи — наняться.
И хозяин отвечает:
«Для раба найду работу,
По труду тебе заплатят».
Лес рубить его послали.
Два-три дерева он рубит,
А затем на пень садится:
«Здесь доколь мой голос слышен,
До тех мест пусть лес валится».
Что теперь ему прикажут
И за что ему заплатят?
Тут он был поставлен нянькой.
Он ребенка ослепляет,
Сам он ест, дитя он кормит,
Люльку он в огонь бросает,
А белье полощет в речке.
Что теперь ему прикажут
И за что ему заплатят?
С неводом грести он послан.
«Применить при гребле силу,
Или же слегка грести мне?»
Рулевой Пелонен молвил:
«Или у тебя нет силы,
Раз слегка гребешь, Куллерво?»
И тогда сломал он весла,
И уключины, и дуги,
И всю лодку у вдовицы,
Невод разорвал он в клочья,

Рыбу всю смешал он с грязью,
Воду замутил, как кашу.
Что теперь ему прикажуг
И за что ему заплатят?
Пастухом он был поставлен.
И в лесу он сел на кочку,
Взял еду он из котомки;
Стал ножом он резать хлебец, —
Нож о камень тут сломался.
«О, хозяйка, злая ведьма,
Запекла в мой хлебец камень,
Целую скалу — в ковригу.
Чем отвечу за насмешку?
Этот нож один остался —
Нож железный и любимый,
От отца в наследство сыну,
От родителя на память.
И волков зловещим словом
Напустил он на хозяйку.
И тогда она взмолилась:
«Раб, смени своей гнев на милость,
Наградить тебя хочу я,
Искуплю свою вину я!»
— «Слов не отменю зловещих
И награды не хочу я».
Раб пошел своей дорогой,
Два денька в лесу скрывался,
Третий день ходил, скигался.
Он поймал на елке белку,
На сосне зверька он ловит,
Он берет еловых шишек,
И сухих, и свежих шишек;
Стал варить он эти шишки,
В кашу ту овса прибавил.
Так он промышлял на свете
Ровно целых три години.
Раздувать он стал горнило —
И на третий день он видит:
Конь из горна выбегает,
Конь с хвостом и гривой толстой,
Со спиной широкой, гладкой,
Конь осанистый, огромный,
Конь с копытами большими,

Что в болоте не увязнут,
На земле следы оставят.
Куллерво хомут готовит,
Взяв дугой ребро медведя,
Коновала стал искать он,
Что коней всем оскোпляет.
Два денька верхом он едет
По полянам Калевалы.
Лизу Липпа он встречает
С огненной саженой палкой,
Этот шест с ножом проткнула
Между бедер лошадиных;
Конь его заржал тоскливо,
Задрожал прекрасный мерин.
«Может, мерина сменяешь?
За коня отдам оленя
И в придачу дам немножко;
В сделке ты не прогадаешь!»
Взяв за мерина оленя,
Куллерво на нем поехал
По полянам Калевалы,
Тут наехал он на камень,
На скалу герой взлетает,
Размозжил об камень череп
Ровно в тысячу осколков.

13. АНТЕРВО ВИПУНЕН

Старый верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Ищет мудрости народной,
Он за песнями поехал.
В песнях Випунен скончался,
Антерво исчез со света,¹
Под горой Туони мрачной,
На берегах реки Маналы.
Уж покрылся лоб сосною,
И из плеч поднялись ели.
Вот в могилу Вейнемейнен
Заклинатель опустил.

¹ Антерво Випунен — мифическое существо, олицетворяющее умерших предков.

Випунен, герой Антерво,
Проглотил тут старца Вейне,
Песнопевца удалого;
Старый верный Вейнемейнен
В чреве думает, гадает:
«Как я мог попасть, бедняга,
В чрево мертвого героя,
В тело белое Антерво?»
Начал лодку мастерить он
И ковать челнок в том чреве.
Как без кузницы кует он?
Есть колени у героя,
Те колени — наковальня.
И кует без молотков он,
Он молотит кулаками.
Так он лодку изготовил, —
Шесть досок у этой лодки, —
И по жилам в лодке этой
Проплывает Вейнемейнен;
День и два плывет он в подке,
А на третий день он выплыл.
Показался он из чрева,
Из утробы великана.
«Долго же я был без вести,
Долго был в холодных жилах,
В легких мертвеца большого,
В печени у исполина.
Старый верный Вейнемейнен
Сам слова такие молвил:
«И теперь гребу я в лодке
По реке большой и светлой».

14. ПОХИЩЕНИЕ СОЛНЦА И САМПО

Скрылось солнце из Похьолы,
И с горы скатился месяц.
Старый верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Думу думает, гадает,
Кто бы мог похитить солнце,
Кто украл сребристый месяц;
Надо поискать нам солнце,
Место, где укрыт наш месяц.

Видно, Похьолы хозяйка,
Та старуха Сариолы,¹
Скрыла солнце золотое,
Спрятала сребристый месяц;
Похьолу настигла темень,
Там без месяца скучают.
Надо знать, где Сампо светит,
И отнять его от Аhti.
Старый верный Вейнемейнен,
Он пошел искать, где Сампо.
Отнимать его от Аhti.
Синим морем он несется,
В Похьолу он путь свой держит,
Ищет Похьолы хозяйку,
Ту старуху Сариолы.
У нее нашел он Сампо;
Паруса он поднимает,
День и два несется морем,
А на третий день он видит:
Мчится Похьолы хозяйка,
Та старуха Сариолы.
Вслед за старым песнопевцем
И за Сампо ухватилась;
Старый верный Вейнемейнен
Поднимал весло из моря
И по Сампо им ударил,
Крышку пеструю разбил он;
Тут из самой сердцевины,
Из-под пестрой крышки Сампо,
Солнце снова засияло,
И поднялся светлый месяц.

15. ЛЕММИНКЕЙНЕ НА ВОЙНЕ

То был хитрый Лемминкейне,
Сам слова такие молвил:
«Слушай, мать моя родная,
Ты небесное создание,
Я на пир Пяйвелы еду,
На попойку знатной рати,
Слушай, мать моя родная,

¹ Сариола — другое название Похьолы, страны севера.

Припаси в мешочек пищи,
Заверни муки в платочек,
На войну я собираюсь,
Я сражаться направляюсь!»
— «О, ты, хитрый Лемминкейне,
Не ходи-ка ты сражаться,
На войну не собирайся,
Много напастей собралось
Лемминкейнену на гибель!»
— «Это смерть не для мужчины,
Не препятствие герою,
Это — детская погибель,
Так не гибнет бородатый!»
Мать опять предупреждает.
Говорит такие речи:
«Знаю первую погибель, —
Как пройдешь пути немного,
Лишь немного ты проедешь,
Огненный порог ты встретишь,
Огненный утес — в пороге,
И березка — на утесе,
И орел на той березке,
У орла язык предлинный,
Крылья в семь ладей длиною,
Птичьи зубы из железа,
Когти у орла из цепи,
Ночью он скрипит зубами,
Днем свои он когти точит
Лемминкейнену на гибель!»
— «Это смерть не для мужчины,
Так не гибнет бородатый,
Слушай, мать моя родная.
Меч мне огненный неси-ка,
Ты стальной клинок подай мне,
Что носил отец мой раньше,
На войну когда ходил он
В темный край Похьолы мрачной,
В Тапиолу направлялся,
В села, где мужей съедают.
Где героев толят люди!»
Огненный клинок берет он,
Меч стальной он принимает,
Им подрубит он березку,

Им он дерево повалит,
Чтоб орел в порог упал бы
Головою, чтоб разбился
И дорогу уступил бы
В бой идущему герою.
Жеребца уже запряг он,
Он взнуздал коня лихого.
Меч свой острый принимает,
Он клинок к ножне скрепляет,
Чтоб сразить орла навеки.

16. КУЛЛЕРВО И ЕГО СЕСТРА

Куллерво, Каллервы отпрыск,
Малый в синеньких чулочках,
В сани пестрые уселся.
Вороного запрягает,
Жеребца впрягает в сани,
Отправляется в дорогу,
Едет по горам, болотам,
Пустырями проезжает.
По лесным дорогам ехал;
И девицу молодую
По пути герой встречает.
Куллерво, Каллервы отпрыск,
Сам слова такие молвит:
«Ты садись, девица, в сани,
Рядышком со мной усядься!»
Но девица отвечает,
С гордостью, с презреньем молвит:
«Наплевать на твои сани,
В них лишь высморкаться можно!»
Куллерво, Каллервы отпрыск.
Очень сильно рассердился,
Усадил девицу в сани
И заигрывает с нею;
Едет, едет, поснешает,
Обнимает он девицу
И в руках он вожжи держит.
Куллерво, как пес, задумал
Овладеть девицей силой,
Снял с груди он украшенья.

Девушка бежать пустилась,
Убежала от красавца
И нырнула прямо в речку;
И река ее уносит,
Погребает под волнами,
И на черном иле дева
Стала жить сигам сестрицей,
Куллерво, Каллервы отпрыск.
Думает, герой, гадает:
«Плохо обошелся с девой,
С женщиной я был мерзавцем,
Соблазнил свою сестрицу,
Матери своей дочурку!»
И тогда поплыл он морем.
К Иордану он подъехал.
«Поищу свою сестрицу
В водах Ахти-водяного:
Это он ее взял в сестры.
Превратив ее в русалку».
К проруби он подъезжает
И бросается под лед он.
Так погиб герой бесславно,
Под водой исчез навеки.

17. ПОИСКИ СЫНА

Сверху ягодка кричала,
На горе в бору брусничка:
«Ты возьми меня, девица,
С медным поясом красotka
И с цепочкой оловянной!
Ты возьми меня, брусничку,
А то съест меня улитка,
Или черный червь проглотит;
Черный червь в земле ютится,
Волосатая личинка,
Пролезает он сквозь кочки,
У дубов сгрызает корни».
Девушка затяжелела;
В дом отца она заходит
И расчесывает косы.
На полу, под отчей кровлей,

Мерин ржал тогда у Хийси,¹
Конь противной той старухи:
«Сын исчез с твоих коленей,
С бедер отняли ребенка».
Тут девица стала плакать,
В путь-дорогу собралась,
В поиски пошла за сыном:
«Ты, дороженька-дорожка,
Ты, всевышнего создание,
Не видала ли сыночка,
Яблочко мое золотое?»
— «Видела, но не скажу я!»
— «Месяц, ты — творца создание,
Не видал ли ты сыночка,
Яблочко мое золотое,
Сына унесли с коленей,
С бедер отняли ребенка».
— «Видал, только не скажу я!»
— «Ты, всевышний наш кормилец,
Сотворил зачем меня ты,
Ночь ходить чтоб одинокой,
День страдать одной несчастной,
Бегать мне тут через горы,
И студить-морозить ноги?»
Так в пути девица плачет:
«Солнце, ты — творца создание,
Не видало ли сыночка,
Яблочко мое золотое?»
— «Знаю, только не скажу я,
Твой сыночек похоронен,
Сверху камнями завален».
— «Горячей свети ты, солнце,
Накали, светило, камни,
Сверху, над могилой сына,
Чтоб расплавились каменья,
По земле разлились пеной,
Видишь ты, как я, бедняжка,
Здесь, несчастная, страдаю.
На колени дай мне сына,
Возврати на грудь ребенка».

¹ Хийси — злое существо, то же что Хийто.

18. ПОРТНОЙ И ТКАЧИХА

На Руси родился братец,
Рос в Карелии ребенок,
До двенадцати лет вырос,
Проживая в своем доме,
На отцовском мягком хлебе.
Скоро сам он стал кормиться,
Нянькой был, качал ребенка,
Напевал у люльки песни,
Летом он с росой дружился,
На дворе он спал полгода
И хотел он стать лисицей,
Год ходил, второй он ходит,
Вот и третий год проходит:
Тут лисица в дом заходит,
На него Мария смотрит,
Жемчугом глаза сияют:
«Кто пришел, такой нарядный,
Что за дело к нам у гостя?»
— «Я — портной, приличный мастер,
Пиджаки искусно шью я,
Что умеешь ты, Мария?»
— «Я — ткачиха мастерица,
Тку прекрасные полотна!»
— «О, тогда мы будем пара».
Вот приносят сверток ткани,
Что нести им было в пору.
Ножницы взяла лисица,
И разрежала те ткани
На две равных половины.
Раскроила на кусочки.
Слово молвила Мария:
«Ты разрежала те ткани,
Раскроила на кусочки,
Борт один неделю шила,
Долго рукава кропала,
Подойдет уж праздник скоро.
А пиджак-то не успеет».

19. АНИККИ И МЫШКА

Анни, девица-красотка,
Во дворе коров доила.
Как доила — напевала,
Молоко несла — все пела.
Принесла, на пень убрала,
Мышка выпила немножко,
А другая все разлила.
Стала девица тут плакать,
Выловила Анни мышку,
Шкурку с мышки той содрала,
Натянула на мизинчик,
Принесла ту шкурку в Выборг
Анни — к городским воротам;
Продала за сотню марок,
Там жеребчика купила,
Жеребца мышинной масти,
Что бежал по льду морскому.

20. СЕСТРЫ НА ЧУЖБИНЕ

Аннушка идет на берег
И спешит на длинный мостик.
Воду черпает ведерком.
Смотрит вверх — там греет солнце,
Смотрит вниз — ладья подходит.
И она кричит той лодке:
«Чья ладья сюда подходит?»
Братец отвечает Анне:
«Брата твоего ладья та;
Он войной идет на шведов,
Сети русские везет он,
Рыб карельских продает он».
И еще брат Анне молвил:
«Гнулись весла золотые,
Весла медные согнулись,
Там, по тинистому ложу,
По морям передвигаясь».
Брат Гаврюша ей промолвил:
«Так придешь ли в лодку к брату?»
Тех увезенных сестричек

Никуда не отпускали,
Все боялись их побега.
Молвит Аннушка Агафье:
«Видела я лодку брата
Там, у красенькой осоки, —
В камышах красивых лодка.
Так пойдешь ли в лодку брата?»
— «Не могу, — твердит Агафья, —
У меня есть сын Ванюша!»
Брат их ломится уж в сени,
Увезти сестер он хочет.
Но Агафья вопрошает:
«А здорова ль мать-березка?»
Анни молвит: «Да, здорова,
Лишь весь сок ушел под землю!»
Про отца она знать хочет:
«А здоров ли наш родитель?»
— «Точно ель, здоров отец наш,
Лишь суки все высыхают».
Про родных всех вопрошает:
«А здоровы ли родные?»
— «И родные все здоровы,
Листья с них лишь выпадают».
Брат их ломится все в сени:
«Не стремись на запад, ветер,
Не тревожь нас, вихрь с отчизны.
Ведь хозяева здесь дома,
Ведь в избе здесь все мужчины.
Лишь тогда ломись ты ветром, —
В ригаче когда хозяин.
И когда снопы несет он,
И когда все шведы в риге!»
Вот пошла та Анни-дева
В ригачу с сестрой Агафьей.
И, покинув дочку Вассу,
С братом в край свой убежала.
А вторую-то сестрицу
Псы у шведов разорвали, —
Почему про то молчала.
Их, сестриц обеих этих,
Мучали там, на чужбине.
Били-били, не давали
И вздохнуть разок свободно.

21. ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ВЫБОРГЕ

Государь-царь Петр великий,
Добрый молодец московский,
Городской герой, карельский,
Спешно грамоту отправил
В хитроумный город Выборг.
«Много ли на складах мяса
И богат ли рыбой город,
Волвари¹ богат ли маслом?»
Выборга хозяин хитрый,
Властелин земли финляндской,
Отвечал Петру спесиво:
«В городе нехватит рыбы,
Там для вас не будет мяса,
Волвари откажет в масле.
Но у синего мосточка
Пала белая кобыла,
Изнурился черный мерин
Для гостей — всех вас — незваных!»
Государь-царь Петр великий,
Добрый молодец московский,
Городской герой, карельский.
Очень сильно рассердился,
Собирал большое войско,
Набирал он добровольцев,
Осаждать пошел он Выборг.
Года три стоял под градом
И под крепостью огромной.
Вот — на стены замка дева
В платье шелковом выходит,
Сзади же на ней — рогожа.
Государь-царь Петр великий,
Добрый молодец московский,
Городской герой, карельский,
Подстрелить хотел ту деву,
Разнести ее картёчью.
Добровольцы говорили.
Воины совет давали:
«Не стреляйте в ту девицу,

¹ Волвари — синонимическое название Выборга, связанное топонимикой Прибалтики.

Ничего здесь нет плохого,
Лишь добра она нам хочет:
Обойти нам надо замок,
Сзади нет в нем укреплений!»
Государь-царь Петр великий,
Добрый молодец московский,
Городской герой, карельский.
Воинов в обход отправил,
Добровольцев на разведку.
Обошли они ту крепость,
Сзади к замку подходили,
Где совсем нет укреплений.
Выборга хозяин хитрый,
Властелин земли финляндской.
Все ключи от замка подал
Государю; Петр великий,
Добрый молодец московский,
Городской герой, карельский,
Взял себе ключи от замка.
«В вашем масле не нуждаюсь,
Мяса вашего не надо,
Не хочу я вашей рыбы!»
Государь-царь Петр Великий,
Добрый молодец московский,
Городской герой, карельский,
Шел на финский полуостров.

22. СВАДЕБНЫЙ ПЛАЧ

Вы склоняйтесь-ко, силы вселенские, в две сторонушки,
Я попробую, горемычная, посмотреть на тех,
Кто сидят со сватами в красном, большом углу.
Не сидят ли там — в красном, большом углу —
Конюхи с уздечками для строптивых головушек?
Нет, это не люди с уздечками для головушек.
Так, может быть, теперь — дни лучших праздников?
Нет, это не праздничный народ здесь собирается.
Не могу я, недогадливая, никак объяснить себе,
Что за гости важные московские здесь собираются,
Что за люди с Шуньгской ярмарки¹ здесь появляются.
В лучших лавках их одежды приобретены,
Сквозь леса одежды те поблескивают...

Вот теперь-то я узнала, многобедная,
Вот теперь-то принесу я вести верные, —
С юга пришлые здесь остановились
Гости знатные в красном, большом углу,
Эти гости, девушка-невестушка,
У тебя отнимут волю девичью.

¹ Шуньгская ярмарка славилась по всей Карелии в продолжение нескольких веков.

Первым за столом сидит, супротив тебя,
Твой суженый муж, добрый молодец;
Приготовься же в путь-дороженьку, невестушка.
Тебя одаривают они белыми денежками,
Но не радуйся ты, девушка, тем денежкам.
Наступило время выдать замуж тебя, девушка,
И возьмут тебя эти мужчины с медовой речью,
Увезут к себе — в край с другими привычками.
И когда уедешь с ними ты, невестушка,
Так возьми с собой слова все свои ласковые,
И словами ласковыми на чужбине всех одаривай.

23. ПЛАЧ ПО МУЖУ-РЕКРУТУ

Когда пришла я, женщина шестнадцатилетняя,
К дому мужа пребольшому, бесконечному,
Пришлось мне там перед всеми быть послушною...
Четыре годика я в мужнем доме прожила,
И тогда до мужа моего добрались вести верные,
И вызвали его в Олопец на осмотр рекрутов.
И ходил он в рекрутах до четырех недель,
И все время выпивал он водушку веселую,
И прощался он со всеми-то соседями,
И разлучался он с роднею славною,
И не надеялись мы больше увидеть его.
Да и взяли муженька в стрелки военные,
Да и дали ему в руки саблю острую,
Да назначили родного в артиллерию,
Да обещали дорогому ложе каменное...
Лучше бы мне, многобедной женщине,
Потерять было мужа на веки-вечные,
Чем вдовою оставаться при живом муже.
Был ко мне он очень ласковый,
А теперь находится он на больших учениях,
И послали там его под железный град.
Когда он плохо знал командушку военную,
То за это ведь и розгами наказывали.
Не надеялся, что кончатся учения,
Да и хлеба нехватало многобедному;
Слезами своими он письмо писал.
И я, бедная, собралась то письмо читать.
И не заметила, как лучшие мои деньки текли,
И три года службы мужа моего

Мне казались длинными, как тридцать лет.
Замирало мое сердце многобедное,
Ожидая мужа своего да белоликого.
И всегда мне, бедной женщине, пришлось сидеть
И скучать у стен без окон в ожидании.
Думала я, бедная, что муженек умрет,
Что не вернется дорогой и ненаглядный мой.
И только через три года родимого
Уволили со скучного военного учения,
И как ушел из дому он неграмотным,
Так же и неграмотным вернулся он.

24. ПРИЛЕТЕЛ ОРЕЛ

(Свадебная)

Прилетел орел с востока,
Прилетел к стенам он замка,
На окно орел спустился,
На стену зеленоперый,
Сел на сруб орел могучий.
Во все стороны он смотрит,
Из большой он птичьей стаи
Лучшую там выбирает —
С волосом густым девицу,
Деву с косами густыми,
Кольцерику красотку.
«Как узнал орел про это,
Яблочко ты золотое,
Что здесь выросла девица,
Что красавица поднялась?»
— «Дым веревочкой крутился,
Дым густой здесь поднимался,
Над жилищем девы славной».
— «Говорила в эту осень,
И наказывала летом:
Сделаем тайник-избушку,
Избу с маленьким оконцем,
Где упрячем нашу деву,
Где бы курочку растили,
В тайной горенке росла бы.
Нежилась в холщевых тканях
И питалась свежим хлебом».

— Где узнал орел про это,
Яблочко ты золотое,
Что здесь выросла девица,
Что красавица поднялась?»
— «Громко лаяла собака
Там под лестницей высокой
В доме у девицы славной».
— «Что сидишь ты, сын хозяйский,
Старший брат, ты ожидаешь?
Хочешь видеть ты богатство,
Или красоту хозяйки,
Или чистый дом хозяйский?»
— «Нет, хочу я не богатство,
И не красоту хозяйки,
И не чистоту я в доме, —
А прекрасную девицу,
Стан красавицы чудесной».
— «Ждал ты долго, жди немного,
Скоро девицы дождешься,
Красоту ее увидишь,
Уже ножку ей обули,
И вторую обувают.
Ждал неделю, жди немного,
На руку рукав надет уж,
На вторую надевают.
Ждал ты долго, жди немного,
Косу заплели у девы,
И вторую заплетают.
Ждал неделю, жди немного,
Ручка девы в рукавице
И вторую надевзют».
Вот девица и готова,
Приготовилась красотка.
Уходите-ка, герои,
Те на двор, что подлиннее,
А на улицу — все гости.
Ты предстань перед народом
Проданная наша дева,
Раз охотно обручалась,
Жениха поцеловала.
На другой раз в отчем доме
Будет уж порог повынее.
На другой раз ты увидишь —

Будет лестница пошире.
В другой раз придешь, увидишь —
На межу и двор пошире.
А теперь смахни свои ты
Пригоршней девичьи слезы
На дворе отца родного.

Куковать устала сваха,
И язык кукушки высох.
Надо бы вина глоточек,
Или два глоточка пива,
Не поются песни даром,
Не поет язык без пенни;
Хоть немного ему надо,
Но на малое не складен, —
За слово всего копейку,
Полкопейки за полслова,
Гривны за куплет довольно.
Спела песню, знала руну,
Так и вырубилa сучья
И дорогу показала.
Вот и выслушана песня
Для людей всех в назиданье.

25. ЗЯТЬ ПРИЕХАЛ

(Свадебная)

То ли ветер буйный свищет,
Иль дрова свалились с шумом?
Или моря слышен грохот?
Не бушует ветер буйный,
Не дрова свалились с шумом,
И не моря слышен грохот.
Что за люди там толпятся?
Люди те пришли от зятя,
От проливов от немецких,
От просторов беломорских.
С ними зять идет ли первым,
Или он идет последним?
Не идет там зять мой первым,
Не идет мой зять последним:

Посреди толпы он едет
На коне могучем черном.
Вороной под ним жеребчик,
Словно солнца луч палящий.
Слушай, рослая служанка,
Что красивей всех наемниц,
Ты, за деньги нанятая,
Мне подвластная рабыня:
Разнуздай коня ты зятя
От его узды шелковой,
От серебряной уздечки,
От его упряжки медной
С оловянной той супонью.
Дай коню ты поваляться
На траве зеленой луга,
Чтобы шерстка не свалялась,
Не потерлась, не посекалась;
Напои коня ты зятя
Из ключа, что вечно полон,
Из ручья, который плещет
Под развесистою елкой,
Под красивой под сосною.
Привяжи коня ты зятя,
Привяжи к столбу покрепче,
Ко столбу с кольцом железным.
Накорми коня ты зятя
Ячменем, овсом отборным,
Растолченной мелко рожью.
Принеси коню ты сена,
Стебельков от травки нежной,
Что скосили жарким летом.
Слушай, рослая служанка,
Что наемниц всех красивей,
Принеси огня скорее
На трескучей на бересте,
Чтоб глаза мне видеть зятя,
Нет, огня нести не надо
На трескучей на бересты:
Затрешит огонь бересты,
Черный дым пойдет клубами,
Задымит глаза он зятю.
Принеси огня на свечке,
На свече — на воске белом!

Вот глаза я вижу зятя:
Не красны они, не сини,
А светлы они, как пена,
Как тростник морской — красивые.
Слушай, рослая служанка,
Что наемниц всех красивей,
Ты, за деньги нанятая,
Мне подвластная рабыня:
Приведи ты зятя в избу,
Не сломав стены передней,
Боковой стены не сдвинув,
Не поднявши также кровли.
Та стена — из кости Осма,¹
Боковая — кости Сирко,
Из костей ягненка — кровля,
Поголок — из жабер рыбы.
Посади мне зятя в избу
Ты спиною к стенке синей,
А лицом к хорошим людям.
Со столба бежало пиво,
Из гвоздя там мед струился,
Чтобы новый зять напился.
На Руси росла пшеница,
Рожь — у немцев на проливах,
Чтобы новый зять покушал.
Принеси на блюде семги
И нарежь куски свинины,
Чтобы новый зять наелся.

26. ПРИЕХАЛ БРАТЕЦ

(Свадебная)

Кто сказал теперь неправду,
Что ни с чем приехал братец?
Не один приехал братец,
Он везет с собою сани,
Сани тянет лошаденка,
Мчатся сани, вот уж слышен
Скрип березовых полозьев,
Писк березовых заверток.

¹ Осмо — прозвище медведя.

Медные звенят колечки,
Из дуги вода сочится,
Из гужей жиры стекают.
Поднимись одна, молодка,
И без помощи привстань ты.
Суженый твой слишком молод,
Юный твой еще помощник.
Ногу ты поставь на полоз,
Поперек ступи, молодка,
И шагай ты, словно лебедь,
Как чирок иди, красотка,
По дороге незнакомой,
Черной печени подобной;
Свиньи этот путь примяли,
Овцы путь перетоптали,
Поросята перерыли.
«Здравствуй, полный двор народа,
И народные герои,
Переполнившие сени,
Под березовую крышей!
Здравствуй, полный дом народа,
Под дощатой крышей дети!
Кто хозяин благородный,
Яблоко семьи всей славной?
Кто жилище тут воздвигнул,
И откуда эти бревна?»
— «С гор огромных эти бревна,
Мох с болот сырых доставлен,
Брусья с ягодного бора».
— «Как богат жених здесь в доме?»
— «Есть у жениха богатства,
Есть амбар на каждом поле,
Закрома у каждой речки».
— «А откуда эта сваха,
Что сосватала невесту?»
— «Эта сваха есть умает,
И свинью с щетиной съела,
С шерстью черную собаку.
Ягодка с земли поднялась,
Сено выросло на поле,
Вот откуда эта сваха.
Шапка у нее большая,
Словно облако с краями,

Рот красивенький у свахи,
Словно на челнок похожий.
А глаза у свахи остры,
Словно звездочки на небе».
— «Похвалили вдоволь сваху,
Похвалю теперь и свата.
Лучший сват во всей деревне,
Лучший он из всех учитель,
Сват в рубаше полотняной,
Из Шуньги¹ та ткань рубахи,
Тонкий холст тот из России.
В прядях бороды у свата
Золотой сияет волос,
Кудри выются золотые.
А под полбородком свата
Пуговица золотая,
В шесть рублей она ценою,
А на поясе у свата
Шерстяной кушак подвязан,
Изготовлен он из шерсти,
Из овечьей зимней шерсти.
На руках его надеты
Шерстяные рукавицы,
Разрисованные ярко.
Похвалила вдоволь свата,
Похвалю теперь народ я.
Все мужчины здесь в кафтанах,
Словно лес одетый снегом».
— «О, сестричка, ты — невеста,
Светлый дерева листочек,
По-иному в мужнем доме,
По-иному в чужих людях.
Не у матери ты в доме,
И не за отцом жить будешь,
Будто волк, здесь свекор ходит,
И медведицей свекровка.
У порога деверь смотрит,
И гвоздем торчит золовка.
Надо всех тебе бояться:
Деверя с холодным словом,

¹ Шуньга—населенный пункт на берегу Онежского озера, место ярмарки.

И недобрых слов золовки.
— «Обещал весною этой
Привести я в дом кукушку,
Красну ягоду — хозяйку.
Ведь сегодня утром рано
И корова тут мычала,
Со снопом поутру ждала
Все кормилицу пораньше.
Ведь сегодня утром рано
Громко ржала тут лошадка,
Ждала, кто подаст ей сено.
Ведь сегодня утром рано
Блеяла овца и ждала,
Кто подаст ей свежей травки.
Ведь сегодня утром рано
И изба здесь повернулась,
Подметальщицу все ждала.
Сени жалобно стонали,
Чтоб красotka их прибрала.
Ведь сегодня утром рано
Здесь скрипела ручка двери.
Ждала, кто ее закроет.
Ведь сегодня утром рано
Здесь порог приподнимался,
Ждал, когда придет невестка
В тонком и нарядном платье.
Ведь сегодня утром рано
Жаловались здесь ступеньки,
Ждали с веником невестку».
О, невестка дорогая,
Нежный дерева листочек!
По-иному в чуждом доме,
У чужих в гостях иначе,
Ниже надо наклоняться,
Голову держать пониже,
Как черемуха вершинку,
Как растущий в поле вереск,
Счет держать и ложкам строгий,
И посуде цену знай ты,
Чтобы не стащили кошки,
Чтоб не унесли и щепки.)
Вот и выслушана руна,
Спета песня для народа,

Как вершину я нагнула,
Словно сучья обрубила;
Но певица петь устала,
Не кукует и кукушка
Песни эти вам задаром,
Не поет она без денег.
Хоть немного с вас и надо,
По копейке мне за слово,
Половину за полслова,
А за стих довольно гривны.

27. МУЖ ПОЕХАЛ НА ОХОТУ

(Заклинательная)

Шлю я мужа на охоту,
На медведя шлю героя,
Лес, прими его достойно,
В чаще приюти героя...
Но откуда муж приходит,
Где раздались песни мужа?
Убери-ка свои лыжи,
Палки прибери подальше;
Чем обрадовала чаща,
Рысь ли там убил хозяин?
Рысь я весь свой век желала,
Шкурку рыси ожидала
На подарок от Тапио,
От хозяина лесного.
У окна сидела вечер,
Целый день я ожидала,
Утром в клеть я забегала,
На болоте я стояла;
Таяли земля, болото,
И несли там расплзались.
Здравствуй, рысь! Медведь, здорово!
Много ли в ладони меду?
Долго задержался в чаще,
Там и славился ты долго,
Бегая в края эстонцев
И берлоги покидая,
Пустовать их оставляя...
Но в тебя ведь не стреляли,
И с ружьем тебя не брали,

Сам пришел ты, косолапый,
С медным животом, Топтыгин!
На сосну забрось ты злобу,
А досаду — в можжевельник.
Ведь у нас стада прекрасны,
Хороши и все хозяйки.
Прочь с дороги все мальчишки,
Не мешайте и девицы
Заходить в избу медведю,
Что с мохнатыми ушами.
Вымыли избу девицы.
Выскоблили все скамейки,
Подмели и пол почище
Для большой медвежьей шкуры.

28. МЫ СПОЕМ С ТОБОЙ

Друг, давай свои мне руки,
Пальцы наши вместе сложим,
Песни славные споем мы,
Руны все мы перескажем.
Мы споем с тобою вместе,
Дорогой товарищ детства.
Я открою ларец песен,
Сундучок, словами полный,
На колени опираясь,
Чтобы петь прекрасно песни,
Лучшие слова сказаний.
Золотом украшу песню,
Серебром слова покрою.

29. ВСЕ СЛОВА В КЛУБОК

Не училась петь я песни,
Не училась на чужбине.
Много слов мы раздобыли,
Подбирали на дороге,
Собирали их мы в травах,
С вереска слова сломали
И с кустов их отломили.
Все слова в клубок смотали,
Их в одну связали связку.

30. ПЕЛИ И СЫНЫ СААМИ

Подадим друг другу руки,
Пальцы наши вместе сложим,
Соберемся петь мы песни,
Все друг другу перескажем.
Мы споем с тобою вместе,
Дорогой товарищ детства!
А о чем же петь мы будем,
О каких делах расскажем,
Или вслед за лопарями,
За сынами темной юрты,
Будем петь, что пел саами,
Напевал шаман из юрты?
Пели и сыны саами,
Веселились и лопарки,
Всю плотву с глазами съевши,
Выпивши воды из ламбы¹.
Как же будем мы без песни,
Ведь мы ели хлеб печеный
И водою ключевою
Ломти хлеба запивали,
Сидя на скамье сосновой,
На скамеечке усевшись.

31. ПРОХОДИ СКОРЕЕ, ВРЕМЯ!

День, пройди! Спешу, неделя!
Проходи скорее, время!
Я, бедняжечка, в пастушках
Целый день коров гоняю.
День прошел в бору сосновом,
В ельнике тот день кончался.
Солнце, скрытое за рощей,
Уведи домой пастушку,
Уведи к хозяйке доброй,
Чтобы голод не пришел к ней,
Чтоб пойти в чулан скорее
И, накушавшись там вдоволь,
Забежать в амбар богатый,
Где свинины очень много,
Где парезала б я хлеба
И помазала бы маслом!

¹ Ламба — лесное озерко.

32. ГОСТИ ЕДУТ

Третий день все гости едут,
И на пятый гости едут.
«Где же их встречать мы будем?»
— «Кудряву головушку — в избе,
А твоего братца — в сених,
А как моего милого дружка —
На улице да на улице».
— «Чем же гостей угощать будут?»
— «Кудряву головушку корою,
Твоего братца хлебцем,
А как моего милого дружка
Пшеничными пирогами».
— «А куда гостей спать уложат?»
— «Кудряву головушку в сени,
Твоего братца в избу,
А как моего милого дружка
В горницу да в горницу».
— «А что гостям под бок подложат?»
— «Кудрявой головушке солому,
Твоему братцу шкуру,
А как моему милому дружку
Перину да перину».
— «А чем же гостей укроют?»
— «Кудряву головушку кафтаном,
Твоего братца тканым одеялом,
А как моего милого дружка
Да пуховым одеялом».
— «А кого же им в товарищи дадут?»
— «Кудрявой головушке — Дарью,
Твоему братцу — Марью,
А как моему милому дружку —
Я сама да я сама!»

33. ДОЛГО НЫНЧЕ ДЕНЬ ТЯНУЛСЯ...

Долго нынче день тянулся,
Будто с годом вровень стал...
Я любимого просила,
Чтоб меня не забывал.
— «Я тебя не позабыл бы,
Только память не крепка».

Поднимусь на горку — нет ли
Златокудрого дружка.
Здесь прошел когда-то милый,
Вот следы его ступни.
Давний след покрыли листья,
И желтеют уж они...

34. НЕ УЧИЛИСЬ ПЕТЬ

Не учились петь мы в школе,
В синем море научились.
Эй-эй, эха-хай,
В синем море научились.
В синем море, на мысочке,
Огонек вдали виднелся.
Эй-эй, эха-хай,
Огонек вдали виднелся.
Ворон каркал на березке,
Птички только щебетали,
Эй эй, эха-хай,
Птички только щебетали.
Ласточка же невзличка
Хорошо поет-щебечет.
Эй-эй, эха-хай,
Хорошо поет-щебечет.
Птички трелью разливались
На мысочках Янисярви.
Эй-эй, эха-хай,
На мысочках Янисярви.
На мысочках Янисярви
И на склонах Соталахти.
Эй-эй, эха-хай,
И на склонах Соталахти.
На тех склонах Соталахти
Сто мужчин их слушали,
Эй-эй, эха-хай,
Сто мужчин их слушали.

35. ВОРОН, ПИЧУЖКА И ЛИСА

У пичужки гнездышко было на дереве. Пять птенцов в гнездышке сидело. Пришла лиса к корням того дерева и вертится вокруг него.

Птичка у нее спросила:

— Что это ты высматриваешь вокруг дерева?

— Я хочу, — говорит, — из него лыжи себе смастерить.

— Не срубай этого дерева, братец, на нем мои птенцы, моя семейка в гнездышке живет.

А лиса отвечает:

— Не срублю, если дашь мне одного птенца съесть.

Да так и отдала птичка одного птенца. Лиса съела его и ушла прочь.

Приходит лиса на другой день. Снова кругом дерево осматривает, языком облизывается, второго птенца хочет заполучить.

Пичужка опять спросила:

— Что это ты тут высматриваешь?

Лиса отвечает:

— Хорошие полозья для саней тут вышли бы, для того и срублю это дерево.

— Не срубай, братец, тут мои птенцы, моя семья; умрут они без гнезда.

— Если отдашь, — говорит, — еще одного птенца, так не буду срубать.

Пришлось отдать и второго.

Начала птичка плакать, плачет — надрывается. Прилетел ворон, птица большая.

— Что ты, кумушка, плачешь?

— Обидно мне, — говорит пичужка, — что лиса ходит каждый день и грозитя дерево срубить и унести моих птенцов; двух моих птенцов уже унесла лиса.

— А что она говорит, когда сюда прибегает?

— Да говорит, что она дерево срубит.

— А когда опять придет, так ты спроси, чем же она дерево срубит, когда у нее нет ни ножа, ни топора. Она скажет: «Хвостом», а ты скажи: «Да ведь хвост-то мягкий!»

Приходит лиса опять осматривать дерево. Пичужка спрашивает:

— Что это ты дерево осматриваешь?

— Срублю дерево, из него топорнице выйдет, — отвечает лиса.

— Чем же ты его рубить будешь, раз у тебя нет ни топора, ни ножа? — говорит пичужка.

— Кто тебя научил так рассуждать, ведь ты сама не очень-то умная? — отвечает лиса.

Птичка и говорит:

— Куманек мой, старый ворон научил.

Лиса думает, как бы ворона убить за то, что он научил пичужку уму-разуму. Идет лиса на скалу и прикидывается мертвой, лежит, раскинувшись на скале. Летел ворон и увидел — лиса подохла. Собирается ворон клевать мертвечину. А лиса ждет и думает: «Вот подлетишь ко мне, я тебя и схвачу!»

Подлетел ворон и только начал клевать, как лиса схватила ворона.

— Ах, ты, мошенник, это ты научил пичужку? Из-за тебя я не могу достать ее птенцов. Теперь я тебя самого за это с досады убью.

Ворон просит лису:

— Только не убивай меня так, как твоя бабушка мою бабушку убила.

— А как она её убила, ведь я ничего об этом не слышала, — любопытствует лиса.

— Убила она так, — отвечает ворон, — в бересту завернула мою бабушку да под горку ее спустила, так что где рука, где нога, а где и голова на откосе остались, да так она и умерла.

— Так я и тебя убью, — заявляет лиса.

Принесла лиса бересты, завернула ворона в нее и спустила под горюшку. Ворон из бересты вылетел и закаркал улетаая:

Пюхай же, кума, мой хвостик.

Ты с умом меня поймала,

Съестъ же толку нехватало.

Да так и улетел ворон, да на том и сказка кончается.

36. ПРОДАЖА ШКУР

Жили-были бедный и богатый брат. Богатый на ярмарку ездил. Приходит к нему бедный брат. Хочет цену узнать на разные товары.

— Что, брат, слышно на ярмарке? В какой цене наши крестьянские товары?

Отвечает богатый брат:

— Шкура падали дорого ценится, все равно лошадиная шкура или от какого другого животного.

Думает богатый брат, что у бедняка кляча еле дышит, так пусть уж совсем её уморит.

Несколько дней не кормил свою лошадь бедный брат, да так и сдохла кляча. Вытушил шкуру бедняк и отнес её на базар. Начал торговать. Никто не покупает. Все говорят:

— Есть в продаже шкуры и получше этой!

— Зачем ты такую шкуру продаешь, в тюрьму тебя надо посадить!

Растерялся бедняк и говорит, что богатый брат посоветовал ему продать шкуру падали. Идет он с базара домой, избушка навстречу попадается. «Зайду, — думает он, — поотдохну!» А шкура у него в кошеле за спиной. Вошел он в избушку, нет в ней никого. Нашел он там разной снеди, всего понемногу отведал и спрятался за печку.

Приходит домой хозяйка, затопила она печку и начала стряпать калитки, колобы,¹ пироги всевозможные. Варила мясо в печке, жарила рыбу, поставила молоко париться, потом сварила кислые щи. Приходит к хозяйке ее дружок позлобленный.

¹ Калитки, колобы — сканды, начиненные толокном, кашей или творогом — национальное кушанье.

Накормила она его и говорит:

— Приходи опять вечером, когда муж уйдет на работу, мы остальное съедим. Мужу я сварила кислые щи, сойдет ему. Уже много денег я припрятала в сундучок, да еще накоплю порядочно, а если ты придешь, когда меня не будет дома и потребуются тебе денег, так ты полезай в подиолье, и где увидишь бумажку, там в землю сундучок с деньгами закопан.

Любовник ушел, а хозяин пришел домой обедать. Тут и бедняк с печки спустился, увидел хозяина. Приказал хозяин угостить гостя, утомившегося в пути. Хозяйка ворчит:

— Чем я накормлю, коли и самим нечего есть.

Все же подала щей и сухих хлебных корок. Начали есть, бедняк на шкуру наступил, и шкура заскрипела.

— Молчи, — говорит бедняк, — это не для нас.

— Что там такое? — говорит хозяин.

— Видишь ли, — отвечает бедняк, — шкура в кошеле говорит, что в шкафу будто бы шаньги и калитки запрятаны, так ведь это не для нас.

Хозяин крикнул хозяйке:

— Что это у тебя в шкафу? Неси все на стол!

Рассердилась жена, выносит на стол шаньги и калитки. А шкура опять заскрипела.

— Молчи, не дадут нам этого, — уговаривает бедняк.

Хозяин опять спрашивает:

— Чего она теперь хочет?

— Да говорит, будто жаркое имеется в печке.

Снова хозяин приказывает жене поставить на стол жаркое. Так и пироги на столе появились.

Поговорил бедняк с хозяином после обеда о том, о сем и, проходя мимо кошеля, наступил на шкуру так, что шкура снова сильно заскрипела.

— Нет, уж этого-то нам не дадут, — говорит бедняк.

Хозяин опять спрашивает, чего шкура хочет.

— Говорит, будто денег в этом доме много.

— Спроси ее, — говорит хозяин, — где эти деньги?

Бедняк поскрипывает шкурой.

— Что она бормочет? — спрашивает хозяин.

— Да не хочет отвечать, пока не обещают нам половину.

— Получишь половину, — обещает хозяин.

Бедняк шкурой поскрипывает да отвечает:

— Говорит, будто бы в подполье зарыты деньги.

Заходят в подполье, и бедняк под бумажкою деньги нашел. Принесли деньги в избушку и поделили, и пошел бедняк домой богатым.

— Как ты стал богатым? — спрашивает его богатый брат.

— Да за эту шкуру заплатили, — отвечает бедняк.

Богатый брат заморил всех лошадей голодом, чтобы разбогатеть на шкурах падали. Когда он пришел торговать в город, так люди сразу же догадались, что он насмеялся над бедным братом. Посадили его в тюрьму и сказали:

— В другой раз не насмеяйся над неимущим.

37. ХЕ-ХЕ, ХЕТИВЕЙ

Жили раньше старик и старуха. Они были очень бедные. Старуха и говорит мужу:

— Иди, принеси что-нибудь поесть, а то у нас ничего не осталось.

Старик спрашивает:

— А где я достану еды, раз и денег-то у нас нет?

Старуха отвечает:

— Достань, где хочешь, но муки принеси!

Пошел старик в деревню и думает:

«Надо научиться врать, иначе ничего не достанешь».

Пришел старик во двор к купцу, у которого была хлебная лавка, говорит:

— Слушай, купец, не продашь ли ты мне мешок муки?

Купец спрашивает:

— А чем же ты заплатишь?

Отвечает старик:

— Огромный бык у меня есть, мог бы я его зарезать и мясом заплатить тебе.

Купец и говорит:

— Даже два мешка могу дать, если мясо за них принесешь.

Потом пошел старик в другую хлебную лавку.

— Не дашь ли ты, купец, муки мешок или два мешка мне в долг?

— А чем же ты заплатишь? — спрашивает купец.

— Есть у меня, — говорит, — огромный бык, я бы его зарезал и мясо принес тебе.

Опять получили он муки. Пришел старик в третью лавку и снова просит:

— Не дашь ли ты, купец, мне муки в долг?

— А чем же ты заплатишь?

Старик отвечает:

— У меня есть бык огромный ...—и опять мясо обещает.

Везет старик целый воз муки, едва лошадь тянет.

Приехал к своей старухе и говорит:

— Ну, старуха, не будет теперь у нас нужды в муке!

Потом идет он к судье и рассказывает:

— Ходил я за мукой к купцам, обещал им говядины, да не хочу я отдавать, сам я скушал бы мясо. Когда меня к суду привлекут купцы, так ты защищай меня, чтобы они не слишком уж обвинили меня.

Судья говорит:

— Как я могу защищать тебя, раз ты так много налгал? Ты дураком теперь прикинься. Когда я тебя спрошу: «Взял ли ты муку?», ты отвечай: «Хе-хе, хетивей!» И больше ничего не говори. Тогда я купцам скажу: «Кто вам велел дураку в долг давать?»

Приходит купец к судье, жалуется на старика. Судья старика допрашивает:

— Почему долг не платишь?

Старик отвечает:

— Хе-хе, хетивей!

— А кто тебе велел в долг дураку давать, — говорит судья купцу.

Приходит другой купец судье жаловаться.

Судья допрашивает старика:

— Брал ли ты у него муку в долг?

— Хе-хе, хетивей, — отвечает старик.

Приходит и третий купец, и он также жалуется:

— У меня он взял муку и обещал мясо принести.

Опять допрашивает судья старика:

— Брал ли ты в долг?

А тот знает свое:

— Хе-хе, хетивей!

Старик прикидывается дурачком, и судья говорит купцам:

— Уж раз вы дали в долг дураку, так сами на себя пеняйте, не могу я присудить его к платежу долга, раз он дурачок и разговаривать даже не умеет.

Ушли купцы, а судья старику говорит:

— Ведь я хорошо тебя судил, так принеси мне хоть бычачью голову, когда зарежешь быка, или окорок своему благодетелю дай.

Старик отвечает:

— Хе-хе, хетивей и тебе, советнику, скажу! Ведь у меня и быка-то не было.

Так бедный мужик потратил всю муку на свои бедняцкие нужды да на том и сказка кончается.

38. РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА

Жили-были бедный и богатый брат. Подходило рождество. И бедный брат пошел к богатому взять мяса в долг на праздничный обед.

Пришел и попросил:

— Дай, братец, мяса на обед!

Богатый бросил ему коровье копыто:

— Неси его хоть прямо к Хиси.

Бедняк подумал:

— Верно в самом деле надо к Хиси отнести, раз не мне он дал, а к Хиси отнести приказал.

Шел он долго ли, коротко ли и подошел к избушке Хиси. В лесу его расспрашивают лесорубы:

— Куда ты направляешься?

— Иду в жилище Хиси; где оно?

Лесорубы говорят, что здесь, и советуют не брать за то копыто денег, а взять только жерновок ручной мельницы.

Зашел бедняк в избушку. Хозяин говорит:

— Много обещающих, мало выполняющих свои обещания. Теперь я должен тебя наградить, раз ты принес, что обещался. Что ты возьмешь? Деньгами расплатиться или чем еще?

— Мне нужен только камень ручной мельницы.

— Не могу я отдать этот жёрнов, лучше возьми денег, сколько хочешь.

Все-таки камень ручной мельницы бедняку он отдал.

— Этот жёрнов мелет все, что хочешь и сколько хочешь. Когда же прикажешь, тогда и перестанет он молоть.

Пришел старик домой, и жерновок мелет все, что он захочет.

Приходит к нему богатый брат и просит:

— Дай, братец, этот камень на рыбалку. Будет в море он молоть нам соль.

Он и отдал камень, всего у него уже было вдоволь. Отплывши в море, рыбаки говорят:

— Мели-ка, жерновок, нам соли побольше.

Камень стал молоть. Рыбаки поели и легли спать, а камень-то остановить забыли. А жерновок тот молот да молот и намолот столько, что лодка с ним и утонула. Да так и до сих пор он в море соль мелет.

39. ПРО БЕЛКУ, РУКАВИЦУ И ИГОЛКУ

Пошли в лес белка, рукавица и иголка. Договорились они: одна пойдет по одной дороге, вторая — по другой дороге и третья также по своей дороге — по третьей. И еще они договорились: если кто что найдет, то сразу позовет остальных.

Пошли по своим дорогам каждая; иголка нашла озеро и кричит:

— Рукавица, рысью мчись, белка, быстрее беги, иголка нашла находку, добыла большую добычу!

Услышали они крик и думают:

— Что за добыча у иголки, пойдем посмотрим.

Пришли к иголке и спрашивают:

— Что за добыча у тебя?

— Мало ли добычи, целое озеро!

— Что мы с этим озером будем делать?

И ушли они, и пошли по своим дорогам. Идет, идет иголка, нашла смолистый пень и опять кричит:

— Рукавица, рысью мчись, белка, быстрее беги, иголка нашла находку, добыла большую добычу!

Услышали они опять этот крик.

— Что там иголка нашла? Пойдем, посмотрим, что за добыча у нас.

Пришли к иголке и спрашивают:

— Что за добыча?

— Вот смолистый пень.

— Зачем же ты нас вызвала?

— Запомните этот пень.

— Больше нас не зови на такие находки, не тревожь нас.

Ну и пошли опять по своим дорогам. Иголка больше не кричит, знай, идет своей дорогой. Идет, идет и видит, что олень пасется на лугу и хвощ ест. Иголка и зашла в траву. Олень и съел ту траву. Иголка начала горло колоть, прокалывать. До тех пор колола, пока олень не издох. Когда олень вытянулся, иголка вышла из горла и закричала:

— Рукавица, рысью мчись, белка, быстрее беги, иголка нашла находку, добыла большую добычу!

Опять услышали они крик иголки, думают: пойти или не пойти? Раз так кричит, значит что-нибудь да есть. Взяли и пошли туда. Иголка говорит:

— Смотрите, не добыча ли это?

Рукавица и белка обрадовались, что будет им такое хорошее жаркое.

Говорят они:

— Если бы у нас было теперь немножко воды и дров, то вышло бы хорошее жаркое.

Иголка и говорит им:

— Я же вам показала озеро и нашла смолистый пенёк, который на дрова годится. Одна пусть пойдет принесет воды, другая принесет дров, а я пока мясо разрублю.

Рукавица и белка пошли. Одна принесла воды, а другая смолистый пенёк на дрова. Так появилась у них и вода, и дрова, а из бересты они сделали котел и наварили свежего мяса. Сидят тут, едят и разговаривают:

— Теперь никуда не пойдем, пока не съедем всего оленя.

Там и я была, дали мне восковую лошадь, седло из репы, гороховый кнут и бумажные перчатки. Поехала я домой, смотрю: на горке амбар горит. Стала я пожар тушить — восковая лошадь растаяла, седло из репы бабы расхватали, гороховый кнут ребята растаскали, бумажные перчатки сгорели.

Так все мое добро пропало, и на этом сказке конец.

40. ЧЕРНАЯ УТКА

Было раньше у вдовы три дочери. Эти девушки рассуждают, как им жизнь начать: надо бы работать. Сидят они и между собой разговаривают. Старшая сестра и говорит:

— Если бы царевич взял меня замуж, я из одного коноплиного волокнца на весь город одежду сделала бы.

Вторая говорит:

— Если бы меня замуж взял, я из одного ячменного зернышка всему городу задала бы пир.

А третья говорит:

— Если бы меня царевич замуж взял, я родила бы ему девять золотых сыновей: руки золотые по кисти, ноги серебряные по колена, медведицы на плечах, луна на бровях, небесные звезды на спине.

Царевич слушает под окном, как сестры беседуют, и думает: «На что мне та, что одежду обещает, одежды у царя-батюшки хватает; да не нужна и та, что с ячменного зернышка пир устроит. Дай-ка я возьму третью, пусть она родит мне золотых сыновей». И взял ту девушку своей женой.

Начали они тут жить. Жена отяжелела и родила трех золотых сыновей. Уж так ее бережет муж, что не знает, как и угодить ей за то, что она родила таких сыновей. Сыновья быстро подрастают, и уже они сами бегать могут.

Вот раз и говорит он своей жене:

— Сегодня вечерок такой красивый, поедem мы на лодке покататься, я уток постреляю. Только ты не греби, ты сиди посредине лодки, я буду подгрeбать и уток стрелять.

Подъехали они к мысу и причалили к берегу. Муж говорит жене:

— Оставайся ты теперь здесь на минутку, я пойду за этот мысочек в заливчик, там уток посмотрю. Ты сиди здесь, никуда не уходи, я скоро вернусь.

Как только он отошел, прибежала из леса Сюятар.¹ Она и говорит молодой женщине:

— Плюнь в ножны, сделайся черной уткой и прыгни в море.

Она не хочет плеваться, а все же Сюятар ее заставила. Она стала черной уткой, прыгнула в море и там плавает. А Сюятар кричит:

— Эй, муженек, иди сюда, здесь черная утка плавает!

Как только муж услышал, что жена кричит, так и возвратился обратно.

¹ Сюятар — то же, что баба-яга.

— Иди, муж, стреляй, вот черная утка плавает.

— Эх, Сюятар, уже успела ты съесть жену мою! Не буду стрелять в черную утку.

Ну, поехали они домой. Первым делом царевич побегал наверх, спрятал сыновей и запер двери. А Сюятар начала жить, как невестка в доме.

Отец и мать говорят своему сыну:

— Потерял ты теперь свою жену, раз поехал за утками. Не настоящая эта невестка нам. Смотри, еще и детей уведет от нас.

Спрашивает Сюятар у мужа:

— А где же наши дети?

Муж отвечает ей:

— Ты детей еще не родила. Нет у нас детей.

Пошли царские служанки за водой на берег, приплыла черная утка к берегу и говорит им:

— Поет ли птичка, щебечет ли птенчик, печален ли господин?

Сюятар бросила в нее поленом и говорит:

— Нет ни птичек, ни птенчиков, и господин не печален. Иди, откуда пришла.

Поленом в нее бросила, и черная утка улетела.

Служанки отнесли ушат воды и пришли обратно на берег. Опять приплыла туда черная утка и спрашивает:

— Поет ли птичка, щебечет ли птенчик, печален ли господин?

— Уходи ты отсюда. Не поет птичка, не щебечет птенчик, и господин не печален, — отвечает Сюятар.

И приходят еще третий раз за водой. Опять плывет утка и говорит:

— Поет ли птичка, щебечет ли птенчик, печален ли господин?

Одна служанка думает, что это, наверное, не просто утка, это — бывшая жена хозяина, и кричит ей:

— Не поет твоя птичка, не щебечут твои птенчики, и господин печалится.

Опять Сюятар бросила в нее поленом, и утка улетела. Приходят в избу, и служанка говорит царевичу:

— Не знаешь ты, я три раза по ушатку воды приносила, каждый раз на берег подымалась черная утка и спрашивала у нас: «Поет ли птичка, щебечет ли птенчик, печален ли господин?» Теперешняя твоя жена бросила в нее поленом и отвечала: «Не поет птичка, не

щебечет птенчик, и господин не печален». Так она каждый раз улетает.

Царевич идет к своим сыновьям, обнимает, ласкает их, жалко ему, что остались они без матери. Прилетает черная утка под окно, кланяется, кланяется и не уходит. Царевич принес ей пищу и покормил ее. Увидела это Сюятар и прогнала черную утку. Она полетела и уплыла в море. Царевич накормил, напоил сыновей и уложил их спать. Ушел он спать, а в пепел печи спрятал три куриных яйца. Потом лег спать с женой. Царевич и уснул. Как уснул, Сюятар прыгнула с постели, побежала к двери комнаты сыновей и кричит:

— Спят или бодрствуют?

— Не спят, не бодрствуют, тебя, как змею, караулят.

Сюятар пошла и ходит взад и вперед. Опять через некоторое время пришла обратно и кричит:

— Спят или бодрствуют?

— Не спят и не бодрствуют, тебя, как змею, караулят.

Опять Сюятар походила, сколько ей нужно было, и пришла к двери:

— Спят или бодрствуют?

— Не спят и не бодрствуют, тебя, как змею, караулят.

Больше нечего делать ей, и она пошла спать к мужу. Муж заметил, что она куда-то ходила, он соскочил с постели: не убила ли сыновей. Вошел к ним в комнату, а дети там спят хорошо. Он взглянул в окно и видит, что под окном опять черная утка кланяется да плачет, кланяется да плачет. Так плачет, что даже забывается, а как только приходит в себя, опять начинает плакать и улетает. Он видит, что это — его прежняя жена, но никак не может вернуть ее.

Царевич пошел опять к Сюятар. Утром поднялся и снова пошел кормить детей. Сюятар уже кричит ему:

— Что ты там с ними целый день сидишь, свои дела не делаешь?

— У меня все дела сделаны. Со своими детьми я могу сидеть.

Так прошел день. Царевич думает, не сходить ли ему хоть к вдове, что она скажет. Оставил детей в комнате, запер их и пошел. Опять Сюятар кричит за дверью:

— Спят или бодрствуют?

— Не спят и не бодрствуют, тебя, как змею, караулят.

— Смотри-ка, сукины дети, никогда не спят, всегда бодрствуют.

Царевич пришел к вдове. Вдова его и спрашивает:

— Как твоя жизнь течет?

— Не говори о моей жизни. Начал было я жить, да Сюятар, чортова дочь, проглотила жену. Слушай ты, — говорит он, — теперь прежняя моя жена уже два вечера подряд прилетала под окно плакать. В первый раз не так сокрушалась, а на второй вечер так плакала, что даже забылась. Потом, как пришла в себя, улетела в море.

— Она, бедная, плачет о детях и о тебе, — говорит вдова ему. — Теперь она может придти еще один раз, потом ее отправят дальше.

— А что мне с ней делать, когда она еще раз придет?

— Теперь, — говорит вдова, — когда она придет в последний раз, она будет так плакать, что долгое время не сможет прийти в себя. Тогда ты надень на руки кожаные рукавицы, возьми ее и оторви у нее голову. Как оторвешь голову, она будет обращаться то в змею, то в мышь, то в лягушку, то в крота и на разные виды будет меняться. Что только будет, ты у всех оторви головы. И напоследок она превратится в пирог, ты пополам разломай и пирог. Тогда она превратится в человека и скажет тебе: «Почему ты вернул меня в люди, все равно меня съест Сюятар». Ты отвечай ей: «Пойдем домой, не бойся, теперь уже Сюятар больше до тебя не доберется». А потом проводи ее к сыновьям и закрой двери.

Царевич пришел домой, дождался вечера и сделал, как было велено. Потом он приказал служанкам:

— Натопите баню жарко-прежарко.

Служанки истопили жаркую баню. Под порогом бани выкопали яму, туда поставили бочку со смолой. В бочку опустили горячих камней и раскаленного железа, чтобы смола кипела. Потом дорогу от дворца до бани устлали красными коврами и повели Сюятар в баню.

— О, — говорит Сюятар, — единственную невесту царского сына по красным коврам в баню ведут.

Привели ее на порог. Как только она переступила через порог, так в бочку со смолой и упала. Тут она и закричала:

— Из этого моего безымянного пальца пусть будут земные черви, воздушные насекомые и все зло людям, чтобы вспоминали меня.

Так царевич освободился от Сюятар и начал хорошо жить с женой и с сыновьями.

41. СОСНОВИЧ

Жили-были раньше два брата. Один, по имени Марк, был очень богатый, а второй был бедный. У бедного брата была большая семья, и он не знал, как с такой семьей со дня на день перебиваться. Он ходит по деревням и собирает куски хлеба.

К богатому брату однажды пришел ветхий старик. Попросил старик кусок хлеба Христа ради и говорит:

— Я уже старый, не могу больше идти, нельзя ли мне здесь переночевать?

Хозяин и говорит:

— Мы и раньше никого не принимали на ночь, а кусок хлеба могу дать.

— Пусти хоть в хлев, если в избу не пустишь.

— Неужели я тебя в хлев пущу, ты можешь сжечь и хлев.

А жена говорит:

— Почему ты его не пустишь в хлев? Пусть идет и спит там.

Ну, привели старика в хлев. Прошло некоторое время, и богатый хозяин говорит работнику:

— Иди, посмотри, что он, дурак, там в хлеву делает.

Пошел работник смотреть, подошел под окно, но не видать ни коров, ни другого скота. В хлеву посреди пола стоит стол, на нем горит свеча, а старик сидит около стола и книгу читает. Пришел работник в избу и рассказал все, что видел.

— Я не верю этому, подожди, сам пойду посмотрю.

Подошел богатый брат к окну да так и прилип к нему, не может никуда двигаться. Постоял немного времени, слышит, что стучатся в дверь и спрашивают: «Откуда счастья дашь? У бедного брата в эту ночь сын родился». И отвечают: «Даю ему счастье богатого Марка, пусть с тем счастьем вырастет его сынок!»

Начало рассветать, старик вышел из хлева, и богатый брат отошел от окна. Живет Марк и думает: «Того сына

мне надо взять от бедного брата». Вот пошел он однажды к брату и говорит ему:

— Я слышал, что у тебя сын родился, не продашь ли мне твоего сына?

А бедный брат и говорит:

— Да мне он не нужен, у меня и так уж полная изба детей, а этот только что родился, и не знаю, от меня он или от тебя.

И отдал бедный брат того сына богатому брату. Тот привез мальчика домой и думает: «Не буду я его воспитывать». Взял да запряг лошадь, увез мальчика в лес и оставил его там на сосновом суку висеть, а сам вернулся домой.

Случилось попу ехать по той дороге из другой деревни, слышит он, что где-то ребенок плачет. Остановил поп лошадей, оглядывается и видит на дереве сверток тряпок. Взял он тот сверток, а там — ребенок. Положил ребенка на сани и приехал к одному купцу, говорит:

— Я нашел ребенка в лесу, не возьмешь ли себе его?

Купец отвечает:

— Пусть остается, в хозяйстве пригодится. Как вырастет, будет нам помощник.

Воспитывают мальчика уже несколько лет. Вырос он таким большим, что уже ходит лошадей пасти и другие работы делает. Однажды приехал туда в гости богатый брат. Хозяин говорит мальчику:

— Соснович, иди, лошадей напой.

Слушает богатый брат и думает: «Откуда у него такое имя?» Потом, как поели, поили, он спрашивает у хозяина:

— Откуда у вас этот мальчик, у которого имя Соснович?

— Не знаю, один поп приезжал сюда к нам и сказал, что нашел его в лесу. Он ехал по дороге и услышал детский плач, поднялся с саней и видит, что на дереве висит сверток тряпок, взял сверток, а там — ребенок. Потом он приехал сюда и привез того ребенка. Я просил его оставить ребенка нам, пусть растет, раз сиротой остался. А теперь уж таким стал, что можно его подручным держать.

Богатый брат говорит:

— Не отдашь ли его мне? У меня нет ни подручного, ни работника, самому все приходится делать.

— Ну что ж, хорошему другу могу и отдать, хоть и жаль мне его отдавать, потому что маленьким ребенком его ко мне привезли. Но пусть уж будет потвоему.

Богатый брат взял и отослал его вперед домой. Написал письмо и положил в карман мальчику. В том письме пишет, что как только мальчик придет домой, его надо сразу же убить.

Пошел мальчик шагать. Шел он некоторое время и встречается ему старик. Старик говорит:

— Покажи-ка, мальчик, мне то письмо, что у тебя в кармане.

Мальчик показал письмо, старик взял и порвал его, а сам написал другую бумажку и говорит:

— Это письмо отдай хозяйке.

Старик написал на той бумажке, что своего сына надо убить.

Соснович пришел в дом богатого брата и отдал бумажку хозяйке. Та смотрит и говорит:

— Что он, совсем с ума спятил? Один единственный сын был, и того надо убить.

Приехал муж домой, а жена так плачет, что даже на полу валяется. Муж спрашивает:

— Что с тобой случилось, что даже на полу валяешься?

Жена отвечает:

— А что с тобой случилось? Один был единственный сын, и того велел убить.

— Не своего же сына я приказал убить, а Сосновича!

— Посмотри письмо, если не веришь, сам же ты написал.

Прочитал хозяин письмо и видит, что, действительно, так там написано. Говорит он потом Сосновичу:

— Теперь ты пойдешь туда, куда я тебя пошлю.

И послал он Сосновича узнавать, сколько у него богатства на свете.

Пошел Соснович утром в путь-дорожку. Идет по дороге и слышит, как дерево скрипит в лесу. Дерево и говорит ему:

— Как дойдешь и справишь свое дело, то узнай и про мою участь: освобожусь ли я когда-нибудь от этого скрипения?

Пошел Соснович дальше шагать. Шел-шел и прибыл к огненной реке. Он попросил переправить его через реку, а перевозчики ему и говорят:

— Как справишь свои дела, узнай и про нашу участь: освободимся ли мы когда-нибудь от этого перевоза?

Пошел опять он дальше. Шел, шел, и встретилась ему избушка. Изба та вертится на пне. Парень говорит:

— Изба, остановись-ка ты, избушка, обратись к замерзшему своим теплом, прохожему ночлег предоставь.

Избушка и остановилась. Парень открыл дверь и вошел в избу. Там сидела женщина. Она и говорит:

— У-ух, откуда русской крови принесло сюда, чтобы мне и мужу моему пить и лакомиться?

— Не пейте, пока не разобрались толком. Ведь мы с тобой — родня по крови.

Стала женщина расспрашивать:

— Чего же ты сюда пришел, бедняга? Многие сюда приходят, но немногие отсюда уходят.

Начали они тут толковать, женщина и говорит:

— Когда придет мой муж домой, тебе придется спрячься. Если он узнает, что русский пришел, он тебя съест. Ты спрячься под кровать и лежи там, только не подавай и виду.

Хозяин пришел домой и говорит:

— Эге, вот я здесь отведаю русской крови, попью и бороду смочу.

— Не пей, пока не разобрался, — отвечает жена. — Это я здесь волосы свои расчесывала и очески сжигала, это они Русью пахнут.

Мужа накормила, напоила, и легли они спать. Как только он заснул, так жена и начала ворочаться, кричать. Проснулся муж и спрашивает:

— Что ты тут кряhtiшь?

А жена отвечает:

— Не знаю, но у меня во сне спрашивает кто-то: «Имеется ли где-нибудь другой такой богач на свете, как богатый Марк, и сколько у него богатства?»

Муж и говорит:

— Богатый Марк имеет третью часть богатств на свете. Ну, теперь спи.

Спят, а жена опять и начала кряхтеть. Муж будит ее и спрашивает:

— Ну, что теперь, почему не можешь спокойно спать?

«Не знаю, но все мучают меня и спрашивают: «Освободится ли когда-нибудь от скрипения то дерево, которое стоит в лесу?»»

«Почему не освободится? Как только кто-нибудь, мимо проходящий, ударит палкой то дерево, из дерева посыплется золото и серебро, и оно освободится. Не дает теперь покоя тому дереву золото и серебро.»

«Только начал муж снова засыпать, как жена опять начинает ворочаться и кряхтеть.»

«Ну, что тебе еще?»

— Не знаю, но опять не дают покоя. Спрашивают: «Огненной реки перевозчики — освободятся ли они когда-нибудь от той работы, или так им и придется умереть?»

— Освободятся! Как только первому проезжему дадут пощечину, так и освободятся. Ужели и теперь не сможем мы спокойно спать?»

После этого они заснули. Спали, спали, и начало светать! Встали они, жена приготовила завтрак, муж позавтракал и пошел опять ходить по своим делам. Как только вышел он из дому, его жена и говорит Сосновичу:

— Теперь быстрее надо уходить, пока хозяина нет дома.

Пошли они — Соснович и женщина — и пришли к огненной реке. Перевозчики спросили:

— Какие вести, Соснович, принес нам?

«Перевезите через реку, тогда скажу.»

Переправились они через реку, и парень говорит им:

«Как придет первый проезжий, кого надо переправить через реку, вы ему пощечину дайте, он и останется тут на весь век, а вы освободитесь.»

Пошли Соснович и женщина скорее дальше. Пришли к скрипящему дереву. Палкой ударили они по дереву, из него посыпалось золото и серебро. Тут собрали они золота и серебра, сколько могли нести. Потом опять пошли своей дорогой дальше и пришли к богатому Марку. Марк кричит:

«Ну, узнал ли, сколько у меня богатства?»

Соснович отвечает:

«Третья часть богатств на свете принадлежит тебе!»

— Не верю.

«Не веришь, так сходи сам и узнай.»

Пошел он сам. Пришел к огненной реке. Как только перевозчики ему дали хорошую пощечину, так он остался тут на всю остальную свою жизнь, а паромщики освободились и ушли.

А Соснович получил и дом, и все добро богатого Марка и стал с женою жить очень хорошо.

42. ГОЛЬ КАБАЦКАЯ

Жил раньше парень. У него другого имени нет, как прозвище Голь кабацкая. Пришел он в царский дворец и сел на лавку. Вошел в комнату царь и спрашивает:

— Чего тут сидишь, Голь кабацкая?

Он и отвечает царю:

— Царь-государь, ты умеешь судить и рядить, присуди мне счастье.

— Ох, такой-сякой, как тебе счастье присуждать? — сказал царь и вышел. Он остался сидеть. Сидел он сидел, и опять царь вошел в комнату. Парень снова спрашивает:

— Царь-государь, ты умеешь судить да рядить, присуди мне счастье.

Царь кричит ему в ответ:

— Вот дурак, когда же это счастье судят?

Опять сидит, сидит, все не уходит. Думает: «Три раза надо спросить, пусть будет, что будет в третий раз». Опять спрашивает, когда царь вошел в избу:

— Царь-государь, ты умеешь судить да рядить, так присуди же мне счастье.

Царская дочь тоже вошла в ту комнату, а царь в это время кричит парню:

— Как тебе счастье присудить? Где это видано?

Царевна и говорит своему отцу:

— А почему бы не присудить ему счастье?

Царь разозлился, вытолкнул свою дочь и парня на улицу и сказал им:

— Идите, судите и рядите, сколько можете! Разве можно счастье присуждать?

Пошли они и пришли в дом того парня. Царевна дает парню триста рублей денег и говорит:

— Иди в город и купи на эти деньги шелку.

Парень принес шелк, а девушка из этого шелка за ночь сшила платок. На второй день отдает платок парню и говорит:

— Иди, продай этот платок, возьми за него триста рублей.

Пошел муж продавать (они уже поженились). Ходит и торгует, но никто не может купить такой дорогой платок. Пошел домой, никто платка не покупает. Подошел к одной лавке, там человек стоит в дверях и спрашивает:

— Что ты тут ходишь?

— Надо платок продать, да никто не покупает, такой дорогой.

— А покажи-ка, — говорит человек.

Он показал платок.

— Красивый платок, — сказал хозяин лавки, — только очень дорогой. Деньги возьмешь или слово?

Он задумался: «Со временем и слово пригодится!» и говорит:

— Возьму я слово.

— Слово таково: куда бы ты ни шел, а раньше смерти смерть к человеку не придет.

Он пошел домой и боится, что жена заругает. Когда пришел, жена и спрашивает:

— Продал ли?

— Продал.

— Ну, что же взял?

— Взял, — говорит, — слово.

На второй день снова денег дает ему жена и говорит:

— Иди, купи на шестьсот рублей шелку.

Пошел и купил он шелку и принес жене. За ночь она опять сшила платок, подала мужу и сказала:

— Иди, продай платок, возьми шестьсот рублей.

И пошел он снова торговать. Ходил, ходил и пришел в ту же лавку, где продал первый платок.

— Ну, что у тебя есть? — спросил хозяин.

— Есть у меня платок продажный, да никто не покупает, очень дорогой он.

— А покажи-ка.

Он показал платок.

— Хорош платок, красив, да дорог, — сказал хозяин, — слово возьмешь или деньги?

Опять он думает, как поступить, и говорит:

— Возьму-ка я слово.

— Слово будет такое: железо дороже золота.

Думает он, что теперь жена непременно его уж заругает, потому что на слово он много товара потратил. Пришел домой, жена и спрашивает:

— Продал ли платок? И что же получил?

— Слово.

Дает жена денег девятьсот рублей и говорит:

— Иди, купи-ка шелку.

Он пошел, купил на эти деньги шелку, принес жене, и жена за ночь опять сшила платок. Утром встали, а жена говорит:

— Иди, продай платок, и помни же, возьми девятьсот рублей.

Пошел он опять торговать. Ходил, ходил он и снова пришел к той же лавке. Хозяин увидел его и спрашивает:

— Что продаешь?

— Платок есть, только все говорят, что очень дорогой.

Хозяин лавки ему и говорит:

— Что возьмешь: деньги или слово?

Он задумался: «Я и так уж много денег поистратил, надо деньги взять». А сказал совсем другое:

— Давай слово.

— Слово будет такое: хотя и метишь, но сразу не ударяй.

Слово взял и не посмел идти домой. Думает, что жена его приберет, раз он так много денег поистратил. Смстрит: там корабль отходит в море. Он прибежал на пристань и забежал на судно.

И поехал он на этом корабле вместе с другими моряками. Едут, едут по морю. Едут, а судно вдруг и застряло посредине моря. Уж трое суток на мели сидят, не могут ехать. Капитаны судна говорят:

— Нет на этом месте ни мели, ни камней, почему застряло судно?

Голь кабацкая и думает: «Мне же говорили, что раньше смерти смерть к человеку не придет». И он решил попробовать: верно ли то слово. Говорит товарищам:

— Опустите-ка меня на дно морское. Привяжите к цепи и опустите в море.

Они привязали его к цепи и опустили на морское дно. Как только опустился он до дна, перед ним открылась дверь. Он вошел в нее, а там находилась комната, где двое мужчин за столом сидели друг против друга. Когда он вошел в ту комнату, мужчины и сказали:

— Вот пришел посторонний человек освобождать нас от спора. Мы уже три года здесь сидим и спорим: один говорит, что железо дороже золота, а другой говорит, что золото дороже железа.

Он отвечает им:

— Бросьте спорить,— железо дороже золота.

Они и перестали спорить. Потом собрался он обратно. Когда он стал уходить, тот мужчина, что выиграл, дал ему сундук золота, второй сундук серебра, а третий — самоцветных камней. Он пришел к цепи, взялся за нее и начал дергать цепь, чтобы на корабль его подняли. Как только он поднялся, судно сразу дальше в плавание пустилось.

Снова едут и видят: морской зверь там летит — мальчик у него в зубах висит. Голь кабацкая достал длинную палку, ударил зверя по зубам, мальчик выпал из зубов и упал на судно. Он того мальчика поднял, одел его, накормил и напоил. Потом он говорит морякам:

— Поднимитесь-ка на мачту, посмотрите: к какой земле мы подъезжаем.

Как только поднялись они на мачту, один и упал оттуда. Как упал, так ни духа, ни вздоха — умер. Уже собираются в море бросить его, но тут-то Голь кабацкая говорит:

— Оставьте его тут.

И начал он осматривать свои сундуки. Как открыл он тот сундук, в котором самоцветные камни, так увидел он в нем маленькие склянки. Смотрит, — и в одной бутылочке увидел он живую воду. Взял три капли этой воды, капнул в рот покойнику. Тот сразу ожил и говорит:

— Фу, как долго спал.

— Еще бы дольше спал, если бы меня не было. Уже собирались в море выбросить тебя, да я не дал.

Опять плывут дальше. Он сам на мачту поднимался посмотреть: к какой стране корабль их подъезжает. Видит он, что царский дворец там блестит, как звезда горит. Он и указывает, что в ту сторону надо путь держать.

К берегу подъехали, и все ушли на берег. Там ходят они по земле и слышат, как одна царевна плачет, убивается и стонет, что морской зверь у неё унес сыночка, не видел ли кто, куда унес. Моряки говорят:

— Не знаем чей, но мальчик есть у нас, отбитый от морского зверя.

Царевна посылает на корабль узнать, не ее ли сын и жив ли он. Пришли и спрашивают у Голи кабацкой:

— Не видел ли ты и не отбил ли ты у морского зверя мальчика?

— Где я мог достать, раз на судне еду. Не видел, отвечает он, а сам привел и отдал им совсем здорового мальчика.

Те взяли мальчика и привели к царевне. Так она обрадовалась, что не знает, куда и деться. Царевна посылает трех солдат приглашать Голь кабацкую в гости; она желает заплатить ему. Пришли солдаты на корабль и приглашают:

— Просим, приходи к нам в гости, царевна приглашает.

— Как я, — говорит, — пойду, я охраняю судно, если какое-нибудь несчастье случится, кто отвечать будет?

Пришли обратно воины и передают его ответ. Царевна посылает солдата охранять то судно, а если что случится, то она за все будет отвечать.

Пошел тут Голь кабацкая в гости. Пришел туда. Царевна приняла хорошо, угостила как полагается, дает ему хорошие подарки и говорит:

— Что возьмешь за хлопоты, за то, что спас мне сына от морского зверя?

— Ну, что за это надо? Что тебе не жалко, то и возьму. Дает ему царевна три корабля добра.

Прошло три дня. Опять пошли моряки в город гулять. Там царь начал жаловаться, что дочь у него уже три года в постели лежит, остались только кости да кожа, но она еще не умерла. Уже приглашали многих врачей, но не могли вылечить. Те моряки и говорят:

— У нас один мужчина на судне из мертвых живых делает. Один моряк с мачты упал, ни духа и ни вздоха не осталось, а он оживил его!

Царь посылает трех солдат на тот корабль, наказывает им:

— Идите, зовите его, чтоб он пришел ко мне.

Пришли солдаты, приглашают его:

— Просим, пойдем к царю. Царь приглашает тебя.

— Не пойду, — говорит, — не могу я оставить корабли. Если уведут корабли мои, то у меня ведь ничего не останется.

Пришли к царю солдаты, говорят:

— Нейдет он, боится оставить корабли свои.

Посылает царь шестерых солдат и сказал, что он ответит за все, если ущерб получится. И пошел он к царю. Когда пришел туда, царь повел его наверх смотреть царевну. Смотрит: остались только одни кости да кожа. Он и говорит царю:

— Если оставите нас вдвоем, тогда я буду лечить ее, а при других не буду.

Царь подумал и говорит:

— Лечи, все равно из нее человека не будет; оставайтесь вдвоем.

— Когда зазвенит колокольчик, приходите посмотреть, — говорит он и остался в комнате с царевной. Взял живой воды, налил в ложку три капли и дал пить царевне. Как только выпила она, сразу села и говорит:

— Я уже выздоровела!

— Нет, — отвечает, — ты еще не выздоровела.

Второй раз дал он выпить шесть капель. Царевна на ноги встала и говорит:

— Я уже здорова!

— Нет, — отвечает он опять, — ты еще не совсем здорова, не ходи еще.

Третий раз он дал девять капель живой воды. Царевна сирыгнула с кровати, начала ходить по комнате и говорит:

— Я уже здорова, больше мне не надо!

— Ну теперь, — отвечает, — ты уже здорова.

Ходит царевна по комнате, как ягодка красивая. Он взял колокольчик и начал звонить. Услыхали звонок мать и отец и прибежали наверх. Они так обрадовались, что не знают, как и угождать гостю.

— Ну, что теперь, — говорит царь, — не хочешь ли жениться на ней, или чем иным наградить тебя?

— Нет, жениться я не буду, у меня невеста дома, — говорит он и собирается уходить. Царь ему дает девять кораблей добра за то, что он вылечил дочь. Теперь уже у Голи кабацкой много добра: девять кораблей от одного получил, три от другого.

Живут опять на корабле. Хозяин судна в город собирается гулять. Голь кабацкая это видит и просится:

— Возьми и меня с собой, хочу познакомиться с богатыми людьми.

Думает хозяин: «Пусть пойдет». Он смотрит, берет ли хозяин с собой гостинцы. Хозяин взял гостинцы, он тоже положил в карман несколько самоцветных камней и пошел. Пришли к купцу. Купец их принял хорошо. Они отдали свои гостинцы: хозяин судна дал и Голь кабацкая тоже дал гостинцы.

Купец пригласил их в гостиную, старого знакомого усадил за нижний конец стола, а нового знакомого в красный угол усадил. Как начал угощать, два раза кланялся гостю, сидящему в красном углу, а один раз гостю на нижнем конце. Хозяин корабля стал думать: «Что тут может быть: бедному мужику Голи кабацкой два раза кланяется, а мне, старому знакомому — только один раз».

Посидели, погостили, и купец проводил гостей.

Пробыли они на корабле до другого дня, видит Голь кабацкая, что хозяин судна снова собирается в гости. Он опять просится:

— Не в гости ли опять идешь? Возьми и меня.

— Идем.

Смотрит, хозяин берет гостинцы; он тоже взял несколько самоцветных камней в карман. Купец их вновь встречает, как хороших гостей. Усадил опять за стол. Нового гостя усадил в красный угол стола, а старого — в конец стола. Угощает, подает им пить и кушать, — два раза кланяется в красный угол, а один раз в нижний конец стола. Уже не терпит хозяин судна, спрашивает он у купца:

— Что это такое, мы же старые знакомые, а этот был самым бедным мужиком во всей деревне, даже имени у него другого нет, как Голь кабацкая, а ты теперь встречаешь Голь кабацкую — двумя поклонами кланяешься? Что это такое?

— Мне все равно, был ли он Голью кабацкой или кем-либо другим, но он мне приносит такие подарки, которых даже весь мой дом не стоит.

Посидели гости и стали уходить. Купец пошел их провожать и подарил Голи кабацкой три корабля с добром. Голь кабацкая взял с собой железную бочку и сто

локтей цепи и положил все это на один корабль. У него уже было пятнадцать своих кораблей, нагруженных дополна товаром.

Отправились они в обратный путь, домой. Едут, едут по морю. Другие моряки начали ему завидовать, что он так разбогател. Говорят между собой:

— Больше ничего не остается, как убить его и выбросить в море.

А тому моряку, которого он спас от смерти, стало жаль его. Пришел он к Голи кабацкой и говорит:

— Слушай, товарищ, теперь дела нам предстоят плохие. Другие моряки собираются тебя убить и выбросить в море.

Голь кабацкая говорит ему:

— Заступись ты за меня. Скажи другим морякам, что пусть не убивают, а положат в железную бочку и в море выбросят.

Он так и сказал, а другие согласились. Моряки Голи кабацкой говорят:

— Иди вот в эту бочку!

Его уложили в железную бочку, выбросили в море и радуются, что сумели покончить с Голью кабацкой и получить пятнадцать кораблей с богатством. Поехали дальше и приплыли к своему берегу. Все ушли с кораблей и пошли по домам, а тут остался один, которого он спас. Как ушли все, он взялся за цепь и вытащил бочку на берег, расколол ее и освободил Голь кабацкую.

Голь кабацкая прибежал домой, смотрит, а у его жены лежит парень с одной стороны, и другой парень с другой стороны. Он сгоряча подумал, что это любовники. Поднял меч и только хотел ударить, как вспомнил, что ему говорили: «Хотя и метишь, но сразу не ударяй». Он отложил меч в сторону и разбудил жену и ребят. Жене он говорит:

— Что за парни эти у тебя рядом лежат, не любовники ли твои?

— Мы не знали: жив ли ты, или мертв, — отвечает жена. — Я оставалась в положении, когда ты уехал, а наши сыновья тем временем и подросли.

Обрадовался он после таких известий. У него семья, имущества много — он так рад, что не знает, как ему и быть. Взял детей и обласкал он их, одел и пошли они осматривать корабли. Он говорит жене:

— Теперь не надо больше нам заботиться, на всю жизнь хватит нам добра, хотя царь и выкинул нас на улицу умирать. Теперь я и царя могу кормить.

Пошли они с берега домой, царь смотрит в окно и говорит:

— Что случилось, почему наш берег заполнен кораблями?

Смотрит царь: это дочь его и зять идут. Решил он, что теперь Голь кабацкая разбогател. Посылает царь трех солдат к зятю:

— Идите, пригласите его в гости.

Пришли солдаты к нему, говорят:

— Царь-государь приглашает зятя и дочь свою в гости.

— Не переступлю его порога. Нет у него таких сластей, чтобы угостить меня.

Пришли солдаты обратно и принесли царю ответ. Царь посылает шестерых солдат и говорит:

— Если он сам не пойдет, то насильно приведите его.

Пришли те солдаты приглашать его:

— Просим тебя, пойдя! А если сам не пойдешь, то мы унесем тебя.

Ну, и пошел он. Когда пришел туда, царь кланяется ему:

— Твоя сабля — моя голова.

— Нет у меня сабли, и не надо мне твоей головы.

Царь плачет и просит прощения:

— Прости меня, что я так грубо поступил с тобой.

Голь кабацкая подошел к царю, поднял его и говорит:

— По мне, так можешь жить... Были у меня в пути трудности, да меня спас один моряк, и ему надо построить дом здесь рядом.

Голь кабацкая потом принял все царство-государство, тот моряк сгал ему верно служить, и они начали хорошо жить-поживать.

43. КУМОХА

Жили-были старик да старуха. У них были сын и дочь. Старик и старуха перед смертью говорили своему сыну:

— Мы уже старые и скоро умрем, а вы останетесь жить. Старайся теперь прокормить свою сестру, не посы-

лай ее на чужую работу и по миру ходить, чтобы народ не смеялся.

Старики умерли, а они остались жить. Парень задумался: как ему быть, что делать. Тут он говорит:

— Пойду-ка я к царю, возможно, что-нибудь сообразим.

Сестра осталась дома, а брат пошел к царю. Пришел он туда и говорит царю:

— Ну, царь-государь, бездельничаешь? Поедем-ка лучше за дровами.

Царь отвечает ему:

— Неужели нет у царя дров, чтоб мне самому ездить, да еще в воскресный день?

Царь подумал, что не зря он это говорит, что-нибудь тут есть, и он решил поехать в лес с парнем. Запрягли двух лошадей и поехали. В лесу нарубили два воза сосен, парень и говорит:

— Ты наруби вторые возы, а я поеду увезу эти. Тогда только домой поедем, как вторые возы нарубишь.

Царь хотел было возражать, но парень сел на воз и поехал. Как приехал он с дровами во двор, царица навстречу прибежала и спрашивает:

— А где же хозяин, куда ты его девал?

— Не говори теперь ничего, а принеси триста рублей денег. Царь там остался, новый город покупает. Как приедет он, ты встречай его и поздравляй: «Будь здоров, царь-государь, с новой землей, с новым городом!»

Царица принесла триста рублей и дала ему в руки. Он взял деньги и поехал в лес. Доехал до перекрестка, кнутом ударил лошадей, чтобы лошади ушли к царю, а сам пошел домой. Пришел домой и говорит сестре:

— Слава богу, начало есть. Триста рублей заработал сегодня.

Когда лошади пришли к царю, царь думает: «Что-то случилось с парнем, раз лошади сами пришли». Наложил возы и поехал домой. Приехал царь во двор, жена встретила его и смеется:

— Будь здоров, царь-государь, с новой землей, с новым городом!

— Что с тобой? Что это? Что ты мелешь?

— Ты же велел дать триста рублей и еще велел поздравить.

Больше царь не ругается; он догадался, что Кумоха обманул жену, а про себя думает: «Деньги еще не вышли, возьмем их обратно».

Утром царь приказывает своей прислуге:

— У Кумохи есть сестра, идите приведите ее на три года в служанки, чтобы она за каждые сто рублей прослужила год.

Кумоха узнал об этом и говорит сестре:

— Теперь придут за тобой, чтобы взять тебя в служанки. Ты оденься в мое платье, а я в твое.

Они переоделись. Пришли царские слуги и говорят:

— Царь велел взять у тебя сестру на три года в прислуги.

— С удовольствием пойду, — говорит он женским голосом, — все равно из этого брата проку не будет.

Пошел он к царю с ними. Пришел он туда и начал показывать свое проворство. Он такой послушный, быстрый, всем угождает. Один парень влюбился в него и решил жениться.

Сватает тот парень его, и сделали свадьбу. Целый день играют свадьбу, а вечером их уложили спать на сеновале над конюшней. Как пришли туда, так жених и начинает обнимать его.

— Подожди немножко, — говорит Кумоха, — спусти меня в конюшню на веревке. Когда я начну дергать веревку, ты тащи меня наверх.

Как попал Кумоха в конюшню, он побежал в хлев, поймал там черного барана и привязал к веревке, а сам вышел на улицу да и пустился бежать домой. Когда веревка начала дергаться, жених тащит и видит — черный баран. «То был Кумоха, — думает жених, — а не его сестра».

Приходят утром будить молодую пару и спрашивают:

— А где же у тебя молодница?

— Молодница убежала да черного барана к веревке привязала, — отвечает жених. Царь опять и говорит:

— Раз уж он обманул, надо сходить за сестрой и взять хотя бы поварихой на сенокос.

Пошли царские слуги за сестрой и решили наказать Кумогу за все. Видит он, что идут. Что тут делать? У него каша в чугуна кипит, он схватил с очага чугуна с кашей, поставил на порог и кричит:

— Не наступите на чугуна, не наступите на чугуна!

— А что ты тут делаешь? — спрашивают.

— Я ничего не делаю, а тут у меня каша варится, у меня нет хозяйки, а чугуны сам варит. Летом пойду на сенокос и чугуны возьму с собой. Поставлю его на пень с водой да с крупой, а сам пойду косить. А когда кушать захочу, приду и готовую кашу съем.

— Продай нам чугуны, у нас нет поварихи. Что просишь за него?

— Если триста рублей дадите, так берите. Не дорого за такой чугуны.

Дали деньги и пошли обратно. На второй день царь посылает их на сенокос и спрашивает:

— А где же повариха, почему ее не привели?

— Не привели, потому что не надо, — отвечают, — у нас теперь такой чугуны, что сам варит, хозяйка не нужна.

Ну и пошли они на целую неделю на сенокос в глушь лесов. Пришли на место, поставили чугуны на пень, в него наложжили и густого и вкусного, и мяса и муки, и соли и всего. Оставили чугуны, а сами ушли косить. Косят, косят и некоторые уже говорят:

— Проголодались, пойдемте обедать.

— Покосите еще, — отвечают другие, — у нас же варево готовое, ожидать не надо.

Только под вечер пошли они обедать. Друг друга за руки ведут, так проголодались да устали. Пришли туда, где чугуны стоят, подняли крышку — как оставили, так и стоят.

— Эх, разбойник, опять обманул нас! Больше не поверим ему. Как придем домой, сразу убьем его.

Так они ту неделю и проработали на сенокосе. Пришла суббота, и они вернулись домой. Царю говорят, что все было хорошо. Дожили до утра и решают:

— Теперь пойдем убивать, сразу убьем Кумоху.

Брат говорит сестре:

— Скоро они придут убивать меня. Что мне придумать? Вот что: ты положи мешочек с кровью под пазуху; когда они придут, я скажу тебе: «Угощай гостей», а ты отвечай: «На что мне твои гости!» Тогда я вскочу да ножом ударю, а ты повались, будто тебя убили. Но как только я плеткой ударю раз, встань на колени, второй раз ударю — встань на ноги, а на третий раз — уже будешь угощать гостей.

Пришли мужики его убивать. Он их хорошо и вежливо встретил и говорит сестре:

— Сестра, угощай дорогих гостей.

— Нужны мне твои гости, — отвечает сестра, — самим нечего есть, тут еще гостей угощать.

Он взял и ножом ударил ее в бок. Оттуда из-под пазухи кровь ручьем бежит, а она упала на пол, точно мертвая, даже не вздохнула. Он берет кнут и по спине ударил. Она вздрогнула и встала на колени. Второй раз ударил, и она уже на ноги встала. Третий раз еще стегнул, и она уже бежит, кушанье готовит, кланяется гостям и говорит:

— Пожалуйте, дорогие гости, садитесь кушать.

Косари, которые пришли убивать его, смотрят, удивляются и спрашивают:

— Что за чудо, ведь насмерть ты убил сестру, а когда кнутом ударил, она живой стала.

— У меня, братцы, есть такая плетка, что из мертвого живого делает. Эта плетка все плохие нравы исправляет. Сестра мне плохо ответила, а теперь видите, как она ходит.

— Не продашь ли нам плетку, у нас непослушные жены? — спрашивают гости.

— Не знаю, — говорит парень, — эта плетка у меня от отца осталась, но если заплатите триста рублей, то я нас уважу.

Мужики отдали триста рублей, взяли плетку и довольные поехали домой. Они думали, что теперь научат своих жен. Приехали домой. Стали с женами разговаривать, а жены не так отвечают, как нужно. Они взяли ножи и ударили подмышки. Жены упали мертвыми, даже не вздохнули. Они начали бить плеткой. Били, били, но те так мертвыми и остались, и похоронить их пришлось. Они опять говорят:

— Уж сколько раз он обманывал нас, а мы все верим ему, деньги заплатили да жен убили. Теперь пойдем и сразу уьем, больше не оставим в живых.

Брат говорит сестре:

— Теперь они опять придут убивать меня. Я выкопаю яму и лягу туда, а ты скажи, что я умер.

Он вырыл яму и прыгнул туда. Сестра покрыла яму досками, села у окна и плачет. Приходят опять те же трое и спрашивают:

— Что плачешь?

— А как мне не плакать? Один брат был, да и тот умер.

— Неужели черти его взяли? А где же он похоронен?

— Да вот тут под окном похоронила, хоть на могилу схожу поплакать.

— Пойдемте-ка, хоть на могиле этого разбойника посидим, — говорят мужики и вышли на улицу. Как только первый нагнулся, он железным шомполом его в мягкое место ткнул. Тот выскочил и выругался, а другой спрашивает:

— Что он тебе сделал?

— Садись, сам попробуй, — отвечает тот. Как нагнулся второй, парень, еще сильнее ударил его в заднюю часть. Мужик говорит:

— Эх и разбойник, какой был при жизни, такой и по смерти остался.

— А что он вам сделал? — спрашивает третий.

— Попробуй и ты, тогда узнаешь, — отвечают.

Кумоха третьего так ударил железным шомполом, что тот на три сажени сразу вспрыгнул. Третий и говорит:

— Давайте-ка посмотрим, он жив!

Открыли они яму, сняли доски, а он только сидит в яме. Выхватили наверх и говорят:

— Теперь ты попался в руки, никуда не уйдешь.

Потом завернули его в рогожу, привязали к санкам и повезли на озеро, чтобы бросить его под лед. Привезли туда, а с собой не взяли ни топора, ни пещни, чтобы прорубь отрыть. Надо идти за топором, да никто один не идет и никто один не хочет оставаться с ним на озере, боятся. Они решили все пойти и говорят:

— Пойдемте-ка все, никуда он не денется отсюда.

Да и пошли все, Кумоуху на льду оставили. Он лежит на санях и слышит — колокольчики звенят. Видит — едет поп. Он кричит:

— Батюшка, батюшка, не наезжай на меня!

Поп остановил тройку и спрашивает:

— Почему ты тут? Что тут делаешь?

— Да вот, батюшка, собираюсь идти на новые земли, в новые города за богатством, но только то плохо, что не знаю языка, не разгадаю разума чужого. Не пойдешь ли ты, батюшка, вместо меня?

— Я-то знаю язык, но будет ли толк от этого, — отвечает поп.

— Будет. Я хороший совет тебе дам. Добра много получишь, — уверяет попа парень.

Освободил его поп от веревок. Парень привязал попа к саням, а сам уехал на тройке. Тут пришли и те трое мужиков, прорубили прорубь и столкнули попа с санями в прорубь.

Пошел поп ко дну, только и слышно:

«Буль-буль, буль-буль».

А мужики радуются и говорят:

— Булькай, булькай, теперь ты ушел навсегда. Пойдем-ка мы попрыгаем да попляшем в его доме.

Пришли они туда, прыгают, пляшут и радуются, а сестра его плачет и спрашивает:

— Тому ли радуется, что удалось брата погубить?

— Да, тому радуемся, он нам много плохого сделал.

Не успели они закончить, как парень во двор заехал на тройке, пришел в избу и говорит:

— Эх вы, дураки, радуетесь, прыгаете, что сумели направить меня на путь обогащения.

— Откуда ты теперь пришел? — спрашивают мужики.

— Разве не знаете, куда вы направили меня? Вы хотели мне зла, а бог дал добра, — отвечает парень.

— А как же все произошло?

— Очень просто. Вы слышали, когда спихнули меня в прорубь, как я говорил: «Буль-буль, буль-буль», — это я ловил лошадей, которые меня и вывезли с добром оттуда.

— А мы могли бы поймать лошадей?

— Как же нет! Прыгайте в ту же прорубь, там много лошадей, и вы тоже поймаете, только надо кричать: «Буль-буль, буль-буль».

Пошли они, радуются и говорят:

— Наконец-то он нам хороший совет дал, хотя много раз и обманывал.

Подошли они к проруби. Сначала один нырнул, потом другой и вслед третий. Ухватились они друг другу за волосы и кричат:

— Буль-буль, буль-буль, у меня грива в руках.

Но ни деле ни гривы, ни хвоста, а друг друга держат за волосы. Так они все трое и утонули и остались там навсегда.

Кумоха со своей сестрой остался жить-поживать и добра наживать.

44. ЛЕНИВАЯ ЖЕНА

Жил-был когда-то холостяк. Полюбилась ему одна девушка, и он решил жениться. Посватал он ту девушку и женился на ней. Деревенские бабы ему говорят:

— Ой, ой, зачем ты, парень, такую ленивую жену взял себе, ведь она даже пищу себе не готовит, все ленится.

— Не беспокойтесь, я из нее жену сделаю. Если она жить да кормиться думает, будет и работать.

Начали они жить вместе, и видит парень, что как только она поест, так в постель ложится — пальцем о палец не ударит. Легли они вечером спать, начинает муж говорить:

— Ах, какая ты холодная, как льдина. Я с тобой спать не могу.

— Как же так, — говорит жена, — я ничуть не холоднее, чем раньше.

— Не знаю, но не могу с тобой спать, как лед ты.

Утром встали. Муж пошел на работу, а жена тут же на печку поднялась. Сидит на печи и греется. Так целый день и сидит, ни с места не двинется. Муж пришел вечером с работы, а жена на печке сидит, ни с места не сдвинется. Служанки приготовили ужин и накрыли на стол. Потом постель постлали, и муж лег спать. Жена спустилась с печки, когда муж уже спал. Она легла рядом с мужем, а он и говорит:

— Ай, ай, какая ты холодная! Не могу я с тобой спать, от тебя так и несет холодом, как от груды льда.

— Не болтай пустого, — говорит жена. — Я целый день на печке сидела, даже заднее место опалила.

— Сиди там, если хочешь. Не думаешь ли ты, что от этого потеплеешь? Нет, от этого теплее не будешь.

— А что же нужно делать? — спрашивает жена.

— Что нужно делать? Нужно работать. Чем больше человек работает, тем теплее он будет, а сидя и у огня не согреешься.

Прожили они до следующего дня. Муж утром опять пошел на работу, и жена тоже стала работать: дрова пилит, воду носит — целый день работает, так что даже пот на лбу выступает. Вечером муж пришел с работы. Она накормила, напоила мужа, постлала постель, и легли они спать.

— Что же случилось, что ты такая горячая? — спрашивает муж.

— Не говори. Целый день работала, так даже пот со лба капал.

— Говорил же я тебе, что только на работе человек согрется, а не сидя около огня.

Так стала она работать, и начали они жить хорошо.

45. МЕДВЕДИЦА-ПЛАКАЛЬЩИЦА

Жили-были старик и старуха. Вот у старика жена и умерла. Мужик думает:

— Куда теперь пойти сначала: могилу копать, поназвать, или идти плакальщицу искать? Пойду искать плакальщицу.

И идет он плакальщицу искать. Идет-шагает по дороге, попадается навстречу заяц. Спрашивает заяц:

— Куда, мужик, путь держишь?

— Жена умерла, иду плакальщицу искать, — отвечает старик.

Заяц говорит:

— Возьми меня!

— Умеешь ли причитать? — спрашивает мужик.

— Умею.

— А ну, попробуй!

Заяц начинает причитать:

— Лу-лу-лу-лу, лулу-лулу.

— Не умеешь, иди своей дорогой!

Мужик шагает дальше, идет навстречу лиса.

— Куда, мужик, путь держишь?

— Жена умерла, иду плакальщицу искать.

— Возьми меня!

— Умеешь ли причитать?

— Умею.

— А ну, попробуй!

Лиса начинает причитать:

— Рий-рай, рий-рай...

— Иди своей дорогой, не умеешь.

Шагает мужик дальше. медведица навстречу идет.

— Куда идешь? — спрашивает медведица.

— Плакальщицу искать, жена умерла.

— Возьми меня!

— Умеешь ли?

— Умею.

Начинает медведица причитать:

— Ах, старик ты, горемычный,

Умерла твоя старуха,

Кто спечет пирог огромный,

Кто его намажет маслом,

Кто сошьет тебе рубаху?

— Пойдем! Ты и в самом деле умеешь причитать, — говорит старик.

Приводит он медведицу домой и оставляет ее оплакивать старуху, а сам едет звать попа.

Пока он ходил к попу, медведица старуху съела. Приходит старик с попом, а старухи-то и нет.

И остался тут старик сам плакать, да на том и сказка кончается.

46. БЕДНЫЙ И БОГАТЫЙ БРАТ

Жили когда-то бедный и богатый брат. Богатый в лавке торговал, работники у него на гумне работали, а бедный не знал, что и есть. Идет бедный брат к богатому и спрашивает:

— Брат, укажи такую работу, за которую бы хлебом кормили.

— Иди пахать мое поле, — говорит богатый, — я тебя прокормлю. — Подает он бедному брату хлеба с водой, много не дает.

Пашет бедный брат. Целый день пашет, распрягает лошадь и идет домой. По дороге он слышит, как два мужика около костра спорят:

— Правды на свете больше хватит, — говорит один.

— Нет, кривды, — спорит другой.

Спорят они, спорят, да так топчутся на месте, что даже яму на земле вытоптали.

Проголодался бедный брат и устал. Сел он отдыхать около костра. Видит: богатый брат идет смотреть, много ли он напахал. Увидел богатый, что брат с мужиками — Правдой и Кривдой — сидит, и закричал бедному брату:

— Что же это ты сидишь? Попаши еще хоть немного!

Правда и Кривда просятся к братьям на ночлег:

— Возьмите нас на ночь и дайте попить-поесть. Уж больно мы проголодались, — говорят они.

Бедный мужик отвечает:

— Мне нечем накормить, а спать уложу в тепле.

Богатый брат пускать их не хотел на ночлег, но и отказать стыдно. Идут они, Правда — с бедным братом, а Кривда — с богатым.

Приходит Правда с бедным мужиком домой. Тот говорит:

— Вот печь натоплю, хоть погреешься на печи!

Правда дает бедному мужику клубок и монету.

— Засунь монету в подполье под жерновок ручной мельницы, — говорит, — а клубок положи сверху.

Относит бедный мужик монету под камень ручной мельницы, а клубок оставляет на жернове. Начинает молотить мельница в подполье, даже избушка трясется. Бедный мужик думает: «Что это за чудо? Никогда камень сам не вертелся, а теперь без мельника мелет».

Правда говорит мужику:

— Иди, сходи в подполье, что это там камень вертится?

Спускается бедный мужик в подполье и видит: и хлеба там вдоволь, и пищи разной, и добра всевозможного вдоволь на камне. Всего из подполья на стол он приносит.

Живут беззаботно, а мельница мелет им разную пищу. Бедный-то брат на работу ходить перестал и к богатому брату хлеба просить не ходит. Тот удивляется.

«Что они едят, что они делают», — думает он и говорит жене:

— Что за чудо? Отчего теперь барыша от торговли я совсем не имею; раньше торговал и сто рублей ежедневно прибыли получал, а теперь один убыток. Пойду, посмотрю, как мой брат живет, почему он не ходит просить.

Приходит к бедному брату богатый и начинает спрашивать:

— И чем ты только живешь, коли работать даже не ходишь? А я-то торгую теперь только в убыток себе и барыша не вижу. Не знаю, как и торгую.

Правда и говорят (бедный брат даже и рта открыть не успевает):

— Твое добро Емеля мелет, невидимый пожирает.

А богатый-то не отстаёт и все бедного брата расспрашивает:

— Чем ты живешь?

Бедный брат-простофиля ответил:

— Клубок и монету от Правды я получил и к жернову ручной мельницы их приспособил. И камень с тех пор кушаний разных, добра всякого мелет нам вдоволь.

— Дай мне клубок и монету. Как только прибавится у меня добра в лавке, так и верну их обратно.

Отдал бедный брат клубок и монету, а богатый так ему и не вернул. Вот уже бедному брату и есть нечего. Правда отдает бедному брату кремь, посылает его к костру и велит тем кремнем ударить по огниву. Идет бедный брат, ударяет кремнем, и вдруг выпрыгивают из костра три мужичка с железными палками и начинают его бить.

Правда идет его проведать, а бедный брат жалуется:

— Чго я плохого сделал, за что меня так бьют? Ведь никому я зла не желал.

— Ты не мог свое житье-бытье наладить, когда у тебя было чем налаживать, вот потому-то тебя и учат уму-разуму.

Жиль стало Правде бедного мужика, взял он кремь от него, и перестали его бить мужички. Отдает Правда кремь богатому мужику и велит ударить по огниву.

— Будет у тебя еще больше добра!

Богатый брат идет к костру и ударяет кремнем. Выпрыгивают мужички с железными палками и начинают его бить. Уж на ногах больше не может стоять богатый брат, но все еще жив. Приходит бедный брат с Правдой его проведать, а три мужичка все бьют его.

— Братцы, — умоляет богатый брат, — освободите меня.

— Если отдашь бедному брату монету и клубок, так освободим, — говорит Правда.

— Отдам, только освободите, — отвечает богатый брат.

Наконец, они освобождают его, богатый брат приносит бедному монету и клубок, и бедный брат начинает с Правдой опять хорошо жить.

47. ДОЧЕРИ БОГАТОГО И БЕДНОГО БРАТА

Жили-были богатый и бедный брат. Женились они, и их жены родили им дочерей. Дочь богатого брата была уродлива и безобразна, а у бедного брата выросла красивая девушка. Натопили раз снохи баню и пошли

мыться. Жена богатого брата была дочерью колдуна, об этом и не знала жена бедного брата. Говорит богатая:

— Нижней дорогой пойдешь или верхней?

Жена бедного брата думает: «Пойду-ка я нижней дорогой, а то она рассердится, что я иду по верхней, ведь она богатая». Идет она нижней дорогой и вдруг превращается в овечку. На радостях жена богатого брата отводит овечку в овчарню и думает: «Избавлюсь я теперь от жены бедного брата».

Приходит дочь бедного брата к богатому дяде, работает на него понемногу, и кусок хлеба ей подают.

Жена богатого брата и говорит своему мужу:

— Надо бы нам овцу зарезать, а то и сена на зиму нехватает, да и овца что-то хворает.

Дочь бедного брата знает, что ее мать превращена в овцу. Идет она в овчарню, на шею овечке бросается, плачет, слезами заливается и говорит:

— О, мать моя родная, тебя зарезать хотят!

Овечка своей дочери отвечает:

— Когда соберутся резать, так ты, доченька, приходи огонь держать. Возьми белую тряпочку и повесь ее на косяк. Как только голову мне отрубят, так три капли моей крови на тряпочку упадет. Тряпочку эту ты не теряй, пригодится она тебе.

Идет девушка в избу, а там уже и нож наточили, и овцу резать собрались. Просит девушка:

— Дядя, а дядя, возьми меня огонь держать!

Тетка в сердцах говорит:

— Кому ты нужна? Сиди себе!

Второй раз просится девушка:

— Возьми меня, дядя, огонь держать!

Тетка опять свое:

— Незачем тебе туда идти!

Девушка третий раз просится:

— Возьми уж меня, дядя, огонь держать.

Дядя и говорит:

— А пусть идет, пусть огонь держит.

Девушка берет белую тряпочку, вешает ее на косяк, а сама огонь держит. Дядя овце голову отрубает, и три капли крови на тряпочку падают. Овцу зарезали, приходит в избу, тетка не радуется. Девушка лишь горюет да печалится.

Собирается богатый брат с женой и дочерью на царский бал. А девушку работать оставляют, печь ломает, трех сортов зерна с глиной смешивают и в три посуды зерно разобрать заставляют. Идет девушка в овчарню, берет тряпочку, плачет, слезами заливается, а сама думает: «Как я это зерно разберу и печь за день сложу?» Тряпочка ей и говорит:

— Иди, доченька, на широкое поле, на зеленый луг, возьми там прут с двумя ветками и возвращайся домой. Ударь печь этим прутом и скажи: «Печка — на место, зерно — в три посуды», а прут обратно снеси и по полю прутом крест-накрест ударь.

Ничего больше не говорит тряпочка.

Идет девушка в широкое поле, на зеленый луг, находит прут с двумя ветками, приходит домой, ударяет печь тем прутом и говорит:

— Печка — на место, зерно — в три посуды!

И уже зерно в трех посудах лежит, а печка на месте стоит. Девушка обратно спешит, по широкому полю, по зеленому лугу крест-накрест прутом ударяет, и — откуда ни возмись — стоит конь златогривый с шеей серебристой, что ни подумать, ни узнать в нем коня нельзя. Говорит конь девушке:

— Что надо тебе?

— Хотела б идти я на царский бал.

— Садись мне на спину.

Девушка уселась верхом. К двум колодцам везет ее конь. В одном ее мыли, в другом полоскали. И снова девушка — верхом на коне. А конь тот виден на три версты, такой же хороший, пригожий.

Прискакала на царский бал, коня там убрали за три стены и на три замка заперли. А девушку взяли, за стол усадили — уж больно красивая девушка. Ест и пьет та девушка, народ уж и есть не может, все смотрят не наглядятся на девушку эту. Ручку дверей царевич дегтем намазал:

— Чья перчатка к ручке дверей пристанет, та девушка женой мне будет.

Дочь бедного брата видит, как дочь ее дяди собирает кости около печки. Кость со стола хватает она и к печке бросает. В руки дочери богатого брата та кость попадает, и рука отпадает. Шум и крик подняли:

— Кто это бросил, кто это бросил?

Вскочила тут бедная девушка, но второпях забыла перчатку, приставшую к ручке дверей. На двор выбежала, а конь уже ждет. Уселась верхом, прискакала в широкое поле, на зеленый луг коня отпустила, одежду убрала, старое платье надела и скорее домой убежала.

Слышит, приходят с плачущей дочерью дядя и тетка. Спрашивает:

— Что с вами случилось?

Тетка говорит:

— С царевичем целовалась, руку о край кровати немного ушибла.

Хочется тетке спросить: «Как ты печь починила и зерно по трем посудам разобрала?» Да некогда спросить, надо дочь лечить и одевать, надо к новому балу готовиться.

На другой день идут они на бал, печь ломают и еще больше прежнего с глиной зерна трех сортов смешивают. Девушка идет в овчарню, берет тряпочку. Плачет-рыдает, слезами заливается. Тряпочка и советует ей:

— Иди в широкое поле, на зеленый луг, возьми прут с двумя ветками, приходи домой, ударь печь прутом и скажи: «Печка—на место, зерно—в три посуды!» Потом обратно возвращайся в широкое поле, на зеленый луг, и ударь прутом по земле крест-накрест.

Идет девушка в широкое поле, на зеленый луг, находит там прут с двумя ветками. Идет домой, ударяет печь, а сама и говорит:

— Печка—на место, зерно—в три посуды!

И уже печка на месте стоит, зерно в трех посудах лежит. Возвращается девушка обратно, ударяет прутом по широкому полю, по зеленому лугу крест-накрест. Выскакивает конь еще лучше прежнего и спрашивает:

— Что надо?

— На царский бал хочу попасть.

Садится верхом на коня. К колодцам везет ее конь. В одном колодце мыли девицу, в другом ее полоскали; одели ее еще краше, чем раньше. А на царском дворе уже ждут—на шесть верст виден конь. Взяли коня под уздцы, за шесть стен жеребца отвели, заперли на шесть замков. Девицу за стол усадили. Народ же и есть не может, пуще прежнего смотрят на эту девицу, а она только ест да пьет.

Дочь богатого брата около печи кости себе собирает. Кость со стола хватает дочь бедного брата и к печке бросает. В ногу попала та кость, и нога у девицы сломалась. Царевич в то время порог намазал смолой.

— Чья туфелька к порогу пристанет, та девушка женой мне будет!

Поднялся крик:

— Кто бросил кость, кто бросил?

Дочь бедного брата второпях побежала на двор, а туфелька ее к порогу пристала. Идет на двор, а конь уже ждет. Вскочила на спину коня и поскакала верхом в широкое поле, на зеленый луг, отпустила коня, одежды сняла и в старое платье оделась. Домой раньше дяди и тетки пришла.

Слышит, как с плачем те с пира идут.

— Что с вами случилось?

Тетка отвечает:

— С царевичем у костяной кровати обнималась, вот и ногу немного ушибла, потому и плачет.

Хотелось тетке спросить: «Как ты печь починила и зерно разобрала?» да некогда и спрашивать, надо дочь готовить к следующему балу.

На третий день они опять на бал собрались, дочь одели в самые хорошие одежды. Снова печку разломали, еще больше зерна трех сортов в глину размешали и сказали, чтобы к вечеру зерно в трех посудах было и печка на месте стояла. Уходя на бал, тетка злорадствует:

— На день хватит работы тебе!

Девушка идет в овчарню, берет тряпочку. Плачет, рыдает, слезами заливается. Тряпочка и говорит:

— Иди в широкое поле, на зеленый луг, возьми прут с шестью ветками, приходи домой, ударь тем прutom по печке и скажи: «Печка — на место, зерно — в три посуды!» Возвращаясь обратно в широкое поле, на зеленый луг и ударь по земле тем прutom крест-накрест.

Ничего больше не говорит тряпочка. А девушка идет в широкое поле, на зеленый луг, берет прут с шестью ветками, приходит домой, ударяет печь прutom и говорит:

— Печка — на место, зерно — в три посуды!

И обратно возвращается, прutom по широкому полю, по зеленому лугу ударяет. Появляется конь на девять верст видимый. Верхом на коне девушка скачет к колод-

цам, откуда выскакивают прислужники. В одном колодце они моют ее, в другом обливают и одевают ее еще краше прежнего. Садится верхом на коня и скачет она, а на царском дворе уже ждут ее. Ставят коня за девять стен, на девять замков замыкают коня, а девушку за стол ведут. Она ест — пьет, а народ не может ни есть, ни пить, пока она за столом сидит, все смотрят, не наглядятся на девушку. Дегтем косяк намазал царевич:

— Кто будет моей женой, шляпа у той к косяку пусть пристанет!

Дочь дяди обглоданные кости у печки все собирает. Девушка кость со стола хватает и к печке бросает и попадает в глаз дочери богатого дяди. Глаз вытек, и все закричали:

— Кто это бросил, кто это бросил?

Дочь бедного брата выскочила из-за стола, а сама и думает: «Моей матери голову вы отрубили, так пусть же уродом будет и ваша дочь!»

Второпях выбегает, головкой своей косяк дверей задела, и шляпа ее к нему пристала.

На двор выбежала, а коня там и нет. Конюхи ей говорят:

— Коня задержать приказал царевич, жениться он хочет на этой прекрасной хозяйке коня.

Дочь бедного брата воскликнула:

— Конопляным маслом сквозь стены пусть конь вытекает! — И сквозь стены тот конь конопляным маслом вытек и на дворе появился. Верхом на коня уселась девица и поскакала, лишь копыта блеснули.

В широкое поле прискакала, на зеленый луг коня отпускала, одежды сняла, старое платье надела и раньше дяди и тетки домой прибежала. Слышит, как с плачем они идут. Задает им вопрос:

— Что с вами случилось?

Тетка ей отвечает:

— У кровати серебряной с царевичем она обнималась да глаз обо что-то задела, вот и плачет она.

Пасти свиней дочь бедного брата послали. Царевич же с перчаткой, туфелькой и шляпой жену нареченную ищет. На ночь к богатому дяде пришел.

— Кому подойдут перчатка, туфелька и шляпа, на той я женюсь!

Тетка шляпу берет, дочери своей примеряет, да шляпа на голову ей не лезет. И тогда она дочери своей голову

тесать начинает да так кое-как шляпу напялила ей. Перчатку тетка берет, дочке своей примеряет, но и та ей мала. Дочери руку стесала тетка и перчатку надела. Да и туфельку на дочкину ногу надела, пятку стесала своей дочке. Встает царевич на утро, а жена уж одета-обута. Едят-пьют и к лодке идут (коль скоро жена уж готова).

Дочь бедного брата свиней пасет. На берег озера идет пастушка и там напевает:

Бестолковый царский сын
В лодке девушку везет,
С стесанною головой,
С подрезанными пальцами
И с соскобленною пяткой.

Слышит ту песню царевич. Хватает шляпу с головы той богатой девицы, а шляпа в крови. Сдернул перчатку с руки — и перчатка в крови. Снял туфельку — и пятка соскоблена.

К берегу лодку он повернул и к пастушке на лодке подъехал. Расспрашивать девушку начал, и та рассказала, как дядя и тетка над ней измывались и как ее жизнь протекала. Отмывает шляпу царевич и пастушке ее примеряет. Точь-в-точь по пастушке та шляпа. Надевает перчатку — и та ей подходит; примеряет туфельку и видит, что в самый раз она ей. Царевич воскликнул:

— Ты мне будешь женой, на тебе я женюсь!

Пастушка ему говорит:

— Если тетку и дочь ее изведешь — тогда только за тебя я выйду замуж!

Сажает царевич в лодку пастушку и с дочерью злую тетку, и гребут они к царскому берегу. Баню натопить он приказал, и баню натопили. Перед порогом бани яму выкопать он приказал, и смолы с огнем в ту яму наложили и ковром накрыли ту яму. Дочь богатого брата с матерью в баню послал царевич. Только к порогу они подошли, сразу же в яму свалились.

Дочь бедного брата взял в жены царевич. И я на той свадьбе была, пироги там пекли, медом заливали, бездонным стаканом вино подавали, еще и сегодня пьяная и сказки рассказывать стала с тех пор.

48. ТУХКИ МУРОВИЧ — ИВАН ЗАПЕЧИН

Жили-были старик со старухой. Трех сыновей они имели. Младшего звали Тухки Муровичем — Иваном Запечиным. Живут они и слышат, что завелся на селе поп очень богатый, много денег у него поднакопилось. Братья думают, что надо бы те деньги им украсть.

Вот раз поп пошел на проповедь в другое село. А братья в лес собрались за хвоей, а сами по дороге стали караулить, чтобы те деньги украсть. Едет поп обратно из другой деревни, а братья взяли и пона убили. Иначе не взять им денег. Идут в поповский дом и три мешка там денег набрали.

Тухки Мурович — Иван Запечин на печи сидит, но про дела братьев догадался, хотя домой тех денег братья не привозят. Под хвоей те деньги прячут, а домой привозят понемногу. Они довольны — все усмеваются. Осматривают деньги, на столе раскладывают.

Спрашивает Тухки Мурович:

— Где вы деньги взяли?

Братья отвечают:

— У конца переулка пень стоит смолистый, обухом по нему мы ударили, и он дал денег.

Тухки Мурович берет топор, идет ко пню, обухом по пню ударил и воскликнул:

— Поддай мне денег, пень!

Но не дал денег пень.

Братья говорят:

— На ржаной пожоге, в лесной избушке дверь осталась открытой, иди и закрой ту дверь, Иван Запечин — Тухки Мурович.

Спрыгивает с печки Мурович, только пыль столбом поднимается. Даже и топора с собой он не берет.

— Эх, глупый, и топор-то взять забыл, — смеются братья. А Тухки Мурович — Иван Запечин был богатырь такой, что много сосен вековых с корнями вывернул и наложил перед лесной избушкой так, что даже птицы пролететь сквозь бурелом тот не могли. Он возвращается домой и видит у дороги кучу целую хвои. И догадался он, что тут-то и спрятаны поповские деньги. Находит он и ту могилу, где братья закопали пона. Приходит он домой, а братья задают вопрос:

— Ну как? Закрыв ли двери?

— Закрыл, — им Тухки Мурович так отвечает.

— Дурак, не взял и топора с собой.

Промолчал тут Тухки Мурович и на печь поднялся. Начали в селе искать попа и нигде найти не могут. Спрашивают в деревнях, ходят по домам и, наконец, входят к братьям:

— Не видали ли вы попа?

— Не видали мы, — братья отвечают.

А Тухки Мурович — Иван Запечин сказал:

— Я видел.

— Где видел ты его? — допрашивают.

Иван Запечин — Тухки Мурович им объясняет, где он видел попа, братья уходят в лес и попа выкапывают из могилы, закапывают в эту яму свинью, а попа в другое место прячут.

Ведет Иван Запечин тех людей к могиле, и они рыть могилу начинают. Роют — роют и щетину под землей они замечают.

— Была ли у попа щетина? — спрашивает Тухки Мурович.

— С дураком куда ни иди, везде он на дурацкую могилу приведет, — говорят те люди и все дальше роют.

Появляются в земле клыки кабана-свиньи, и Тухки Мурович, поднявши голову, их спрашивает:

— А что, у попа рога или клыки были?

— С дураком куда ни иди, везде он насмешит. Где у попа щетина и клыки? — смеются люди.

Бросил Тухки Мурович лопату и говорит:

— Думайте вы, что хотите, только здесь зарыт был поп.

Уходят люди, Тухки Муровича слушать не хотят. Прошло шесть недель, поминки по попу устраивают на селе. Братья понемногу все мешки с деньгами перевезли в кладовую, а о поне будто ничего и не знают. На поминки и они собрались. Тухки Муровича оставляют сторожить амбар и говорят ему:

— От дверей кладовой никуда не отходи, стерсги те двери!

Тухки Мурович стоит около дверей и думает: «Пойду и я на поминки, взвалю двери на плечи, снесу туда и там буду стеречь двери». Взваливает он двери на спину и идет. Приходит на поповский двор, вламывается в дом, двери на плечах.

Братья начинают его ругать:

— Почему ты так сделал, оставил кладовую и ушел да еще и двери принес?

Тухки Мурович говорит:

— Да ведь вы же мне двери наказали стеречь, а в кладовой поповские деньги, я их стеречь не хочу.

Братья бросаются бежать домой, чтобы деньги запрячь, только поповская челядь вслед за ними в погоню пустилась. Находят они те поповские деньги. Братьев в монахи постригли, а Тухки Мурович на свободе остался, дома стал жить и работать.

49. ЗЛАЯ МАЧЕХА

Жили-были старик со старухой, и была у них дочь Маша. Старуха заболела и умерла, а старик снова женился.

Прошел год, другой, и у них родилась дочь Катти. Подросли немного дети, но мачеха не взлюбила Машу и говорит старику:

— Свези свою дочь в лес, в избушку, пусть ее там хоть медведь съест!

Запряг отец лошадь, взял кулечек пшена, а Маша взяла прялочку, и отправились. Свез отец Машу в лесную избушку и оставил там, а сам вернулся домой.

Затопила Маша печку, поставила вариться кашу, а сама стала прясть. Сварилась каша, и Маша начала есть. В это время из-под печи выбежала мышка и просит:

— Маша, дай мне каши!

Маша поела сама, накормила мышку и легла спать, а мышка убралась обратно за печку.

Спала Маша спокойно до полуночи, а в полночь в избушку пришел медведь.

Его и говорит медведь Маше:

— На, Машенька, надень на шею колокольчик, будем играть в прятки. Если я тебя поймаю, то съем, а если не смогу поймать, тогда хорошо награжу.

Начали они в прятки играть, а из-под печки выбежала мышка и говорит Маше:

— Дай, Маша, мне колокольчик, а сама иди за печку.

Взяла мышка колокольчик и давай бегать. Бегала, бегала мышка, и медведь не мог ее поймать.

— Ну, вот, Маша, — говорит медведь, — раз я тебя не мог поймать, за это тебе сундук золота.

Маша вышла из-за печки и взяла сундук с золотом, а мышка обратно шмыгнула под печку.

А дома мачеха говорит отцу:

— Теперь уже медведь съел Машу, поезжай, привези кости, похороним.

А дворняжка тявкает:

— На Маше золото звенит, а на Катти лохмотья болтаются!

Мачеха разозлилась и дала собаке пишка.

Отец запряг лошадь и отправился. Приехал в лесную избушку, а Маша жива-здоровая, да у нее еще и золота целый сундук. С радостью привез отец дочь домой, а мачеху зло взяло, что медведь не съел Машу да еще сундук дал золота.

На другой день мачеха снарядила свою дочь Катти, дала ей с собой мешок пшена, другой мешок гречи и велела старику свезти ее в лесную избушку.

Свез мужик Катти в лесную избушку и оставил там, а сам вернулся домой.

Затопила Катти печку, сварила кашу и начала есть. В это время выбежала из-под печи мышка и говорит:

— Катти, дай мне каши!

Катти сердито оттолкнула мышку и закричала:

— Не буду я тут вас всех кормить!

Мышка убралась обратно под печку.

Поела Катти и легла спать. В полночь пришел медведь и говорит Катти:

— Я тебе дам колокольчик, и будем играть в прятки. Если я тебя поймаю, то съем, а если не поймаю, то хорошо награжу.

Начала Катти бегать, а мышка на помощь не идет. Бегала Катти, бегала, наконец медведь поймал ее и съел, только кости остались.

А дома мать говорит мужу:

— Поезжай теперь, привези Катти с сундуком золота.

А дворняжка бегаёт вокруг матери и тявкает:

— Машино золото звенит, Каттины косточки стучат. Мать со злости ударила собачку.

Приехал отец в лес, зашел в избушку, а там ни золота, ни Катти, только одни косточки остались. Собрал отец косточки и привез домой матери.

50. СЕСТРА И ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ

Жили старик со старухой. Были у них сын да дочь изрослые. Сын женился, и попала ему в жены дочь бабы-яги Сюятар. А сестру свою посадил он в то время за девять замков.

Отправился сын в лес на охоту. А жена тем временем стала наряжаться около большого зеркала и говорит ему:

— Зеркало, скажи мне, есть ли кто краше меня?

А там в зеркале появился старичок и отвечает:

— Есть, есть. За девятью замками твоя золовка краше тебя.

Рассердилась жена, взяла она — всю скотину зарезала, и избу всю посуду перебила...

Возвращается муж домой, а она ему и говорит:

— Гляди, что сестра наделала.

Берет брат сестру из-под девяти замков, одевает в черную одежду, отправляет в монастырь молиться.

Женя говорит:

— Никуда не вози, а возьми ее да убей и привези мне ее сердце, я посмотрю.

Девушка оделась и отправилась с братом в лес. Едут, а за ними собачка бежит. Собачка и говорит мужику:

— Не убивай, братец, сестру, убей лучше меня.

Брат берет да и убивает собачку, а сестру отправляет в лес. Принес жене сердце. Та смотрит и говорит:

— Это сердце собаки, а не сестры.

Переночевала девушка ночь, отправилась дальше. Подходит к избушке. Заходит в избушку, а там очень грязно. Прибрала она все кругом, вымыла пол, белье выстирала... Глядит, на столе лежит девять кусков хлеба. Взяла она, откусила от каждого куска немного хлеба, а потом спряталась за печку.

Входят в избушку девять братьев, глядят, а там у них порядок наведен: изба вымыта, белье выстирано... Глядят, а на столе от каждого кусочка откушено. Они стали кликать — приговаривать:

— Если ты старик, будешь батюшкой; если старая, будешь бабушкой; помоложе чуть, будешь матерью; а моложе нас — будь сестрицею.

Девушка взяла да и вышла из-за печки.

Братья приняли ее хорошо и начали жить-поживать. Вот обещается приехать к братьям в гости трехглавый атаман. Братья подготовились к встрече: наготовили вина, квасу, всякой всячины.

А девушка спрашивает:

— Есть ли у вас шашка острая?

Дали братья сестре шашку, сами легли спать, а девушка осталась караулить.

Слышит она, трехглавый атаман приходит:

— Ох, ох! Здесь русским духом пахнет.

А девушка говорит:

— Когда приходишь, то не разговаривай.

Взяла она шашку, да и отрубила у атамана все головы. Убила его, разбудила братьев и говорит:

— Уберите его.

Братья убрали.

На другой день обещается в гости шестиглавый атаман. Братья опять испугались. А девушка и говорит:

— Дайте мне другую шашку, а сами идите спать.

Девушка опять осталась ожидать.

Приходит шестиглавый атаман. Девушка отрубила шашкой головы и разбудила братьев.

Братья проснулись и видят, что шестиглавый атаман убит. Убрали его, как и первого.

На третий день собирается к ним в гости двенадцатиглавый атаман. Братья испугались.

А девушка опять говорит братьям:

— Дайте мне теперь шашку самую большую.

Двенадцатиглавый приходит ночью. Девушка ударила шашкой, отрубила одиннадцать голов, а одна осталась. Вскочили тут братья, видят, что еще одна голова не отрублена, взяли и отрубили ее.

Стали опять братья ходить на работу, а сестра работать дома по хозяйству. Братья и говорят ей:

— Не пускай никого сюда.

Вот баба-яга Сюятар, узнает, где живет золовка ее дочери. Берет она корзинку с яблоками, идет в лес и предлагает яблоки девушке.

Девушка не берет.

Тогда она говорит:

— Смотри, я сама съем.

Девушка покупает яблоки, а они отравлены ядом. Съела она яблоко да и умерла.

Приходят братья, а сестра мертвая.

Плачут они, плачут. Наконец один из них и говорит:

— Подожди, хоть пену у рта сестры вытру. — Стал он вытирать пену, а сестра и ожила.

Говорят опять братья сестре:

— Не покупай, сестрица, ничего, не пускай никого.

А сами отправились в лес.

Баба-яга Сюятар опять приходит и предлагает девушке платье. Девушка сперва не берет, говорит:

— У меня всего достаточно.

А баба-яга Сюятар и говорит:

— Ты возьми, хоть примерь.

Берет девушка платье, надевает его и умирает.

Приходят братья домой, а сестра опять мертвая.

Плачут опять братья, собираются мыть тело. Сняли с девушки платье, а она и ожила.

Снова уходят в лес братья и говорят:

— Не покупай ничего больше, мы тебе все принесем.

Узнала баба-яга Сюятар, что девушка ожила, а братья ушли, приходит снова и предлагает девушке колечко. Девушка колечко не берет.

Тогда баба-яга Сюятар говорит:

— На, хоть надень на палец, примерь.

Взяла девушка, надела на палец и умерла.

Приходят братья, смотрят, а девушка опять мертвая. Погоревали, а колечко не догадались снять. Сделали стеклянный гроб и повесили в саду. Поставили вокруг гроба девять столбов, воткнули ножи, а сами закололись и умерли.

Ходит по лесу сын царя. Приходит к тому месту и видит: висит в саду стеклянный гроб, там девушка ни жива и ни мертва, кровь на лице играет. Берет он гроб и везет домой. Приезжает домой, открывает гроб, снимает с руки у девушки кольцо, девушка и ожила. Женился на ней царевич. Живут они поживают, родился у них ребенок. Просит она у царевича распорядиться ребенком, как ей вздумается. Царевич ей разрешил. Берет она, убивает своего ребенка и отправляется на лошадке к братьям. Окрошила она детской кровью братьев, и те все ожили. Тут она взяла братьев с собой царствовать. Назначил царь братьев всех министрами. И я в том царстве был и их видел.

51. ИВАН ТУХКИМУС

Жила-была когда-то вдова. А у вдовы было три сына, два хороших, а третий был Тухкимус (запечник), все на печке спал. Его, всегда на печке спящего, звали Иваном. Говорят братья Ивану:

— Все на печке спишь, шел бы удить, не сможешь ли хоть на похлебку рыбы наловить.

Пошел Иван рыбу удить. Сел в лодку, переехал к другому берегу и начал удить. Удил день и не мог поймать ни одной рыбы. Вечером поймал рыбу. Поднял в лодку, рыба заговорила:

— Иван, отпусти меня, сослужу тебе хорошую службу, что захочешь, то и будет.

Рыба учит:

— Скажи — «Почему, потому» — и будет тебе все, что захочешь.

Иван отпустил рыбу в воду. Думает Иван про себя: «Обманула меня рыба», — и говорит:

— Почему-потому, дай мне рыбы.

Стала рыба бросаться в лодку. Целую лодку набросало рыбы, уж лодка тонуть стала. Иван говорит:

— Почему-потому, не надо больше рыбы.

Приехал Иван к своему берегу, потом идет домой и ложится на печку. Приходят братья из лесу, спрашивают:

— Ездил удить?

Иван говорит братьям:

— Идите, берите рыбу в лодке.

Братья говорят:

— Вот, шальной! День удил, так поймал ли хоть одну рыбку там?

Говорит Иван:

— Раньше времени не ругайте, идите и посмотрите в лодке.

Пошли братья к лодке, смотрят: целая лодка рыбы. Братья говорят:

— Куда бы дурак ни пошел, везде начудит.

Принесли братья рыбу домой, сварили ужин, зовут Ивана кушать:

— Иван, иди поешь!

Иван говорит:

— Если надо, так дайте сюда на печку, а то смотрите, отсюда не слезу.

Дали ему поесть на печку. Проспал ночь там на печке. Утром встали братья и говорят Ивану:

— Пошел бы в лес, нарубил бы дров да привез бы домой.

Иван говорит:

— Можно.

Приходит Иван в лес и ложится спать. Весь день проспал в лесу. Вечером проснулся, уже домой идти пора, а дров еще нет нарубленных. Иван говорит:

— Почему-потому, чтобы было нарублено сорок возов дров.

И сорок возов дров нарубленных стало. Пришел Иван домой и лег на печку спать. Вечером приходят братья из лесу, а Иван на печке спит. Братья спрашивают:

— Был в лесу?

Иван говорит:

— Был, нарубил маленько дров, на одну топку.

Сварили братья ужин, зовут его:

— Иди, Иван, ужинать!

Иван говорит:

— Для еды я не слезу туда.

Братья говорят:

— Заленился больно здорово, даже есть не идешь.

Дали братья ему на печку поесть. Здесь в золе ест — чмокает из старой миски. Проснувшись утром, братья говорят:

— Возьми веревку да поди принеси нарубленные дрова.

Иван говорит:

— Можно.

Вышел Иван на улицу, говорит:

— Почему-потому, чтобы сорок дровней были здесь около меня.

Стали дровни скользить к нему. Собрались дровни около Ивана, тот и говорит:

— Почему-потому, чтобы дровни стали передом к лесу.

Повернули дровни к лесу передом. Сел Иван на самые последние дровни и говорит:

— Почему-потому, пусть дровни идут в лес.

Дровни пошли. Едет по царской улице, а царская дочь смотрит в окно да смеется:

— Смотри, нет ни лошади и никого, а сам дурак сидит и едет.

Говорит Иван Тужимус царской дочери:

— Брось, хорошая девушка, надо мной смеяться, не то плакать будешь.

А царская дочь все равно насмехается. Приехал Иван в лес к дровам, говорит:

— Почему-потому, чтобы дровни были передом к дому.

Дровни повернулись передом к дому. Иван говорит:

— Ложитесь, дрова, на дровни.

Сорок возов дров уложилось на дровни. Говорит:

— Почему-потому, вези дрова домой.

Поехали сорок возов в путь. Едет Иван по царской улице, а царская дочь опять смотрит в окно и насмехается над ним. Говорит он царской дочери:

— Брось ты, хорошая девушка, смеяться надо мной, не то плакать будешь.

Царская дочь еще больше смеется. А Ванька говорит:

— Почему-потому, чтобы царская дочь забеременела.— И поехал домой с дровами.

Братья смотрят в окно, говорят:

— Смотрите, что наш дурак делает.

Приехал на свой двор, возы остановил, говорит:

— Почему-потому, чтобы дрова в костры сложились!

Дрова сложились в костры, вышло сорок сажень. Дровням он говорит:

— Почему-потому, чтобы ушли дровни на прежнее место, как и были.

Приходит в избу, залезает на печь и спит.

Братья сварили ужин, зовут его:

— Иди, Иван, ужинать!

Иван говорит:

— Для еды не слезу туда, если надо, так подайте сюда. Подали Ивану ужин на печь. Проспал ночь на печке.

Утром братья встали, приготовили завтрак, зовут Ивана есть. Иван заявляет:

— Для еды я не слезу туда, если надо, так подайте сюда.

Братья говорят:

— Заленился больно здорово, даже есть не идешь.

Иван говорит:

— Я младший брат, должны вы кормить меня.

Дали ему поесть. Поел Иван и стали ему говорить:

— Поди-ка в лес, Иван, привези дров.— Иван говорит:

— За дровами я не поеду в лес. Вчера привез сорок пюзов дров, пока это сожгут, до тех пор могу на печке спать.

Девять месяцев пролежал на печке, и есть ему братья туда подают. Через девять месяцев родила царская дочь сына. Стала царская дочь плакать, говорит:

— От кого я родила ребенка, не знаю.

Ростит царь дочкиного ребенка года два, ребенок стал уж говорить: «тата» да «мама». Устраивает царь бал, говорит:

— Кого, появившегося в дверях, ребенок назовет татой, тому и женой моя дочь будет.

Пошел народ на бал, и братья стали собираться. А царь отдал такой приказ, чтобы ни одного человека не осталось дома, чтобы все пришли на бал, и слепые, и хромые, и лентяи...

Стали Ванькины братья уходить на бал и говорят Ваньке:

— И тебе надо идти, всех зовут!

Ванька говорит:

— Я-то, смотри, не пойду, ведь я не сватал царскую дочь, так зачем я пойду туда?

А братья говорят:

— Все равно надо идти!

Ванька говорит:

— Ну что же, можно и пойти. Идите вы, я после схожу.

Братья оделись в хорошую одежду и уходят. Ванька говорит:

— Что вы так хорошо оделись, сошло бы в чем-нибудь и похуже.

— Дураками, что ли, пойдем на царский бал?

И братья уходят, а Ванька остался на печке. Слез с печки, пошел в сарай, где была бочка со смолой. Залезает Ванька в бочку со смолой, хорошенько там поворачивается, вылезает оттуда и залезает в ящик с мякиной. Вывалялся там, ну тут и дураком он стал. Вылезает из ящика с мякиной, идет обратно на печку. Там вывалялся в золе и говорит печке:

— Почему-потому, иди, печка, на царский двор!

Пошла печка скользить на царский двор. Прибыла печка к царским хоромам, а на печке Ванька сидит.

Остановилась печка на царском дворе, а царь говорит: «Что за чудо приехало на мою улицу? Приехала как будто печка и спящий на печке как будто человек, но очень уж замазан в смолу, в мякину и в золу».

Ванька говорит печке:

— Почему-потому, иди, печка, домой на прежнее место.

Печка и ушла домой на прежнее место. Иван идет в царский дворец. Открывает дверь, ребенок говорит:

— Ай, тата пришел.

А царь испугался, говорит:

— Что это за чудо? Неужели это чудо занималось моей дочерью?

Царь говорит жене:

— Теперь надо баню истопить да вымыть это чудо в бане, может оно и человек.

Истопили баню, трое суток мыли в бане и полнуда мыла израсходовали, и стал он на мужчину походить. Царь дал хорошую одежду, нарядили его и стали играть свадьбу. Ванька говорит царю:

— У меня есть два брата, их надо привезти на свадьбу!

Царь приказал запрячь тройку лошадей в хорошую карету и ехать за братьями. Поехал кучер за ними. Приехал во двор к братьям, зашел в избу и говорит:

— Поедете на свадьбу, царь выдает дочку за вашего Ваньку.

Братья испугались, что за чудеса творятся: царь за дурака дочь выдает.

Однако собираются, говорят:

— Надо поехать, надо слушаться царского слова.

Сели в карету и толкуют между собой:

— Невиданные чудеса творятся, мы сидим в царской карете. Обратно хоть пешком пройдем, так это не столь важно.

Пришли к царю, тот их принял очень хорошо, и стали играть свадьбу в царском дворце, и Ванька с женой уехал домой. Приехали домой, разделись. Ванька залезает на печку, а жене — царской дочери — хоть и страшно стало, все-таки пришлось и ей залезать спать к мужу на печку. Спавши так на печке, царская дочь запачкалась вся в золе, даже болячки на ней стали появляться. Пишет письмо отцу:

«Приезжайте, отец с матерью, в гости!»

Приехал царь к зятю в гости, в хорошей карете приехал. Вошел в избу. Царская дочь выскочила навстречу, а Ванька и не шевельнулся на печке, только руку подал царю с печки. Думает царь:

— Ну и зять у меня, даже руку подать не сошел с печки.

Проспали ночь. Утром проснулись братья, стали говорить:

— И не стыдно тебе, Ванька, все на печке спать, пошел бы хоть рыбы достал гостям.

Ванька говорит:

— Можно!

Пошел Ванька удить. Сел в лодку и поехал на другой берег. Говорит:

— Почему-потому, чтобы рыбы была полная лодка.

Набросали ему рыбы полную лодку, уже тонуть стала лодка. Ванька говорит:

— Почему-потому, хватит теперь рыбы.

Приезжает на свой берег, лодку с рыбой оставляет на берегу, сам идет в избу и залезает на печку.

Братья говорят:

— Достал ли рыбы, Ванька?

Ванька говорит:

— Подите, возьмите, рыбы полная лодка.

Братья говорят:

— Смотри, дурак по-дурацки и говорит, хоть бы на похлебку достал.

Идут братья на берег к лодке, смотрят, там полная лодка рыбы.

Говорят братья:

— Смотри, куда дурак двинется, там и начудит, полную лодку рыбы наловил.

Стали братья носить рыбу домой. Выносили рыбу, сварили хорошую уху. Собрались все за стол, и царь с царицей сели. братья говорят:

— Ванька, иди с нами обедать.

А Ванька говорит:

— Я с печки никуда не слезу, если надо, так сюда подайте.

Братья стали ругать:

— Совсем спустился, даже при гостях не идешь вместе обедать. Разве тебе, царский зять, не стыдно?

Ванька говорит:

— Не ваше дело. Если бы я хороший был, так к царю и жениться не пошел бы.

Царь слышит эти разговоры, и ему стало стыдно, расстроился совсем и говорит:

— Разве где-либо есть тесть с невестой лучше меня и моей дочери, что он хотел жениться в другом месте.

Царь думает: «Что это за человек, совсем ли он дурак, или здесь другое кроется?»

Трое суток гостил у зятя царь. Раз утром пробуждается Ванька от сна и говорит братьям:

— Теперь, раз вы царя кормили трое суток, так если нет другой работы, то заставьте его хоть навоз метать.

Царь думает: «Только и попал теперь на зятя. Никогда навоза я не метал, а теперь заставляют. Ведь будет стыдно и противно, если я, царь, буду здесь навоз метать». Царь взял да убежал с женой домой. Ванька же с женою, с царской дочерью, остался в своем доме. Живуг дома уже, поди знай, сколько времени. Ванька все на печке спит. И вот раз Ваньке пришло на ум: «Ведь я же—царский зять, надо бы к царю в гости поехать!» Стал звать жену на родину в гости. Жена говорит Ваньке:

— Ну как пойдешь к отцу да к магери в гости? Когда были они у нас, ты всегда срамил их да пустое говорил и, наконец, хотел уже заставить царя навоз метать.

— Хотел, так царь-бездельник мог бы больше крестьянина метать.

Ну, стал он жену насильно тянуть в гости, тогда она и согласилась. Сел Ванька с женою на печку и говорит: «Почему-потому, поезжай, печка, на царский двор». Поехала печка, а Ванька с женою сидят на ней. Приехали на царский двор, печка остановилась. Ванька с женою слезли с печки. Говорит Ванька печке: «Почему-потому, иди, печка, на прежнее место!»

Царь увидал в окно.

— Смотри, — говорит, — зять с дочерью в гости пришли. Надо, — говорит, — пойти встречать. Сердце-то не велит встречать, да что поделаешь с дураком.

Царь с царицей вышли навстречу зятю и дочери. Встретили они дочь и зятя очень хорошо, признали они

зятя — зятем, дочь — дочерью. Стали тут одни угощать, а другие угощаться. Погостили они тут трое суток и стали домой собираться. Царская дочь говорит отцу:

— Я у тебя единственная дочь, а дома у меня жизнь очень бедная и изба плохая, возьми нас жить к себе.

Царь говорит:

— Как же я возьму? Зять немного придурковат. Как я буду с ним жить? Можно бы взять, и принял бы я вас, и записал на его имя все царство, но из него же царя не будет.

Царь спрашивает у зятя:

— Будешь в моем доме жить и царствовать?

А Ванька говорит:

— Могу и пожить, сойдет! Если бы хороший был, так и жениться-то не пошел бы на царской дочери.

Царь опять расстроился, но скрепя сердце принял зятя зятем, дочь дочерью. Стали жить. Живут очень хорошо, что царь скажет зятю — зять слушается во всем. Прожили они уже, поди знай, сколько времени, и все по-хорошему. Приезжает к царю в гости царь с царицей из другого государства. Гостей они приняли честь-честью, хорошо. А Ванька говорит тестю при иностранном царе:

— Тесть, есть у нас там лошадь, мучается три года в болячках, надо бы убить ту лошадь на угощение гостям. Сами мы не можем есть, так может быть иностранный царь съест?

А иностранный царь слушает те разговоры. Царь расстроился, и стало ему стыдно. Он думает: «Смотри, как осрамил, падалью потчует!»

Иностранный царь рассердился и, уезжая, объявил войну. Уехал иностранный царь, а свой царь стал ругать Ивана-зятя:

— Смотри, теперь меня ты осрамил и заграничного царя ты осрамил. Будто у нас нет другого кушанья, кроме конины, да еще при царском деле.

А Ванька говорит тестю:

— У нас, — говорит, — была еще хуже лошадь, но медведь съел, а почему бы царю не есть?

Царь взял да плюнул:

— Дурак дурацкие и речи ведет. Все государство, дурак, провалил. Смотри, он с войной придет, разве нам можно держаться, так и надо сдаваться.

Иностранный царь объявил настоящую войну. Царь и говорит:

— Надо сделать мобилизацию, народ на войну надо собрать.

А Ванька говорит тестю:

— Три года тому назад на нашем дворе собралась очень большая собачья свадьба, а я один всех разогнал, так будто и теперь я царских воинов не разгоню?

Царь взял плюнул да и говорит:

— Дурак дурацкие и речи ведет.

Ванька говорит:

— Надо пойти посмотреть, как иностранные войска идут.

Взял Ванька полдесятка человек водоносцев и смотрит. Царь обрадовался и говорит:

— Теперь-то уж наверно убьют там дурака, хоть избавлюсь от него.

Приходит Ванька с водоносцами на войну. Видит Ванька, что иностранного войска так много, что ни конца, ни края не видать. Тогда крикнул Ванька:

— Почему-потому, чтобы иностранные войска до одного человека свалились.

Все войска иностранные свалились, не осталось в живых ни одного человека. И идет Ванька со своими товарищами во дворец иностранного царя, берет его в плен, привязывает к седлу и едет в свое царство. Говорит:

— Смотри, тесть, я привез последнего иностранного человека, а ты всегда звал меня шальным да дураком.

Царь обрадовался и признал зятя зятем, дочь дочерью, и теперь еще живут хорошо и здоровы.

52. СЧАСТЬЕ БЕДНОГО БРАТА

Жили-были два брата, один торговал, а другой был бедняк. Устрисл богатый брат пир горой. Всех богатеев позвал, а сзоего бедного брата не пригласил в гости. Идет бедняк незванный, в темном углу со стола брошенные объедки, обглоданные кости ест. Стыдно стало богатому брату перед остальными богатыми, и выгнал он бедного брата, чтобы не мозолил глаза.

Идет бедный брат домой с плачем и говорит:

— Пойду хоть в риге богатого брата хлеб молотить, раз он даже в темном углу на пиру посидеть мне не дал. Идет он в полночь на гумно хлеб молотить, а там уже два мужика в красных рубахах работают.

— Кто вы такие, не знаю я вас, откуда вы?

— Мы, — говорят, — счастье твоего брата!

— А где мое счастье? — спрашивает он их, — ведь даже попить-поесть не знаю что, и надеть на себя нечего.

Отвечает счастье богатого бедняку:

— Твое счастье спит.

А бедняк все расспрашивает:

— А могу ли я найти, где оно спит?

— Найдешь его в широком поле, на зеленом лугу, под синим камнем, на красном ковре и под красным покрывалом.

— А как мне его разбудить?

— Иди, ивовый возьми прут и крест-накрест по синему камню ударь.

Бедный брат так и делает, и выскакивает его счастье из-под покрывала.

— Долго же я спал, — говорит оно.

Бедный брат упрекает его:

— Ты все спишь, а я так не знаю, что мне и поесть, где мне напиться, да и одеться-то не во что мне.

Выдернуло счастье со своей головы волосок, отдало мужику и сказало:

— Возьми волосок и иди!

Тот волосок мужик запрягал в карман, прошел немного и вернулся обратно. Думает: «Счастье мое меня голодать заставляло, а я даже и наказать-то его не могу; и что мне за польза от этого волоска? Пойду-ка я наказывать свое счастье!»

Идет он к тому месту, где счастье лежало, и никого там не видит.

Домой возвращается он сердитый, приходит на берег реки и видит: плавает утка. Хочет он утку поймать, вспоминает про волосок и думает:

— Может быть, выйдет ловушка-капкан?

Да так и поймал утку. А утка-то та золотая была и ежедневно золотое яичко несла. В городе золотые яички мужик продавал и стал богатеть. Вдоволь сгал есть, вдоволь стал пить и в лучших одеждах стал щеголять.

Зависть грызет богатого брата, и начал он узнавать: «И чем-то он стал добро наживать?»

Ничего не сказал богатею бедняк, но у бедняка был маленький сын, и стал богатый его расспрашивать. Паренек проболтался, что у отца-де есть птица, золотые яички несет каждый день.

Приходит богатый брат к бедняку и говорит:

— Хоть покажи ты, какая та утка?

Бедняк показал ему утку, а у утки — надпись под крылышком: «Кто эту утку съест, тот навеки будет богат!»

Хочет богатый съесть ту утку, да только не может он ее украсть у брата. И вот покупает он другую утку, перья перекрашивает золотом и подменивает утку у брата. Зарезал ее и мясо утиное варит. Вареное мясо на окно остывать ставит.

Приходит кошка бедного брата и приносит то мясо домой, и паренек бедняцкий все мясо съел.

И стал он жить, поживать да добра наживать.

53. СМЕРТЬ В БОЧКЕ

Заболел раз кузнец Ильмойллине. Человек он был очень хитрый. И когда он лежал, то пришла за ним Смерть, а кузнец и говорит ей:

— Садись-ка на этот стул!

А стул-то был такой, что как только сядешь на него, так и не поднимешься, заснешь. Кузнец Ильмойллине просит Смерть:

— Отпусти меня в другую комнату сходить, попрощаться с младшим сыном.

Смерть его отпустила. А кузнец как ушел, так двадцать пять лет в избу и не возвращался. За это время он выковал железную бочку.

— Ну, теперь можно домой идти, — говорит кузнец.

Вот он и возвращается, будит Смерть. Проснулась Смерть и спрашивает:

— Долго ли я здесь просидела?

Кузнец отвечает:

— Везде ищут и ругают тебя, почему людей не моришь. Залезай-ка теперь в эту бочку, и я тебя отнесу на берег моря, там ты и меня захватишь с собой, люди тебя не заметят.

Залезла Смерть в бочку. Кузнец Ильмойллине закрыл бочку, положил на дровни, свез к морю и бросил в прорубь. Видела это только утренняя заря. С тех пор люди не стали умирать, а старых начали под гору возить.

Один мужик свез туда отца и оставил его там с дровнями. А отец ему и говорит:

— Возьми, сынок, дровни, состаришься — и тебя на этих дровнях привезут сюда.

— Так ли будет, отец? — спросил сын. — Если так, то ложись на дровни!

Привез сын отца обратно домой и пошел искать Смерть. Искал, искал, не может найти нигде: никто Смерти не видел.

Тогда спросил у зари утренней; заря и отвечает:

— Я видела, как мужик вез что-то в бочке на лошадке, руки у него будто обгорелые, а лицо закоптелое.

Народ и говорит:

— Это был кузнец Ильмойллине!

Пришли они к Ильмойллине. Он всех посадил на тот стул. Сидят люди и не могут уйти. Двадцать пять лет сидели. А кузнец Ильмойллине состарился и сам стал думать:

— Хоть бы умереть: так теперь постарел, что и жить не хочется. — Отпустил Ильмойллине людей и показал им, где Смерть спрятана.

Выловили люди бочку со Смертью из моря и отпустили Смерть. С тех пор стали люди умирать, и кузнец Ильмойллине умер.

54. МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА

Жили-были двое детей, мальчик и девочка. Они были сиротки. У них и еды-то никакой не осталось. Мальчик и говорит девочке:

— Иди, сестрица, в кладовую, не найдешь ли там хоть одно зернышко.

Заходит девочка в кладовую, подметает закром птичьим крылышком и находит там одно ржаное зернышко. Отнесла его брату. Мальчик посадил его в поле. На утро пошел он смотреть, не всходит ли зернышко. А оно уже так выросло, что стебелек в небо уперся. Мальчик полез по стеблю на небо и зашел там в один дом, где старуха в подполье муку мелет. Всего один глаз у ста-

рухи, да и тот с бельмом. Старуха во рту блины печет, на руках — пироги, а под жёрновом калитки и колобы гогavit. Мальчик целый мешок всего себе наложил, старуха и не заметила. Относит он этот мешок своей сестре.

— Откуда ты это взял, братец? — спрашивает сестра, — или все это выросло из зернышка?

Мальчик отвечает:

— На небе я все это достал. Зернышко взошло, и стебелек до неба вырос. Зашел я, поднявшись по стебельку, в один дом, а там в подполье старуха муку молола. У нее один глаз, да и тот с бельмом. Во рту у нее блины пеклись, на руках — пироги, под мельничным камнем — калитки и колобы.

Наелись они, а на другой день опять надо идти искать, что поесть. Девочка и говорит брату:

— Пойдем вдвоем и принесем побольше пищи.

— А ты еще там рассмеешься, — пытается отговорить мальчик сестру. Девочка говорит:

— Не рассмеюсь.

Так пошли они вдвоем. Старуха опять муку мелет. Девочка начала смеяться над старухой. Старуха же выскакивает из подполья, двери закрывает и говорит:

— Эго ты и вчера меня обворовали?

Сует она свой глаз в голозу, чтобы видеть их. А у старухи печь в это время топится. Она приказывает мальчику:

— Садись на лопату, суну я тебя в печку и спеку тебя за то, что ходил красть.

Мальчик сел на лопату, одной ногой на лопату, а другой в печку упирается. Старуха и говорит:

— Не так надо садиться, нужно хорошенько усесться, головой к печке.

Мальчик говорит старухе:

— Садись сама и покажи, как надо садиться.

Старуха села на лопату головой к печке, а мальчик бросил ее в печку, да так она там и сгорела. Дети взяли жерновок и стянули его домой. И стали они с ним жить-поживать. Во рту блины пекутся, на руках — пироги, под жёрновом — калитки и колобы.

Узнал царь о том, что есть у детей такой жёрнов. Пришел и отобрал у них жёрнов. Остались дети голодать. Поставил царь этот жёрнов в своей палате и начинает

молоть. Во рту блины пекутся, на руках — пироги. под жёрновом калитки и колобы. Доволен царь, все государство хочет на них содержать. Под ногами царя петух бегать начинает. Петух поет:

— У меня золотой шлем есть, а у царя нет! У сирот жёрнов отнял да хочет голову свою им прокормить!

Царь приказывает служанке:

— Убей петуха и изжарь его мне!

Служанка зарезала петуха и изжарила. Царь пришел и съел петушиное мясо. Живот у царя разболелся. Петух из царской глотки голову высунул и кричит:

— Не наелся царь, хотя у сирот жёрнов отнял и себя кормит. И меня он сожрал.

Царь говорит своим солдатам:

— Как только петух снова высунет голову из моей глотки, так шашкой голову ему отрубите.

Опять живот у царя разболелся. Петух голову из царской глотки высунул и кричит:

— У меня золотой шлем есть, а у царя нет его! У сирот жёрнов отнял и голову свою прокормить хочет!

Не успел петух высунуть голову из царской глотки, как ударил солдат шашкой, но не в петушину, а в царскую голову попал. Отнесли царя в больницу, там отходили его. Шею зашили. Попрежнему петух в царской утробе бесится и поет:

— Ку-ка-ре-ку! У петуха золотой шлем — гребешок есть, а у царя и нет, отнял у сирот жерновов и голову свою кормит.

Царь и говорит петуху:

— Уходи, петушок, из моей утробы. Не буду я тебя убивать.

Отвечает петух царю:

— Если отнесешь обратно детям их жерновов, так, пожалуй, уйду из твоей утробы и останешься жить.

Взял царь жёрнов и бегом бежит к детям. Относит им жёрнов и говорит:

— Вот ваш камень, живите с ним и добра наживайте.

А петух все пляшет в царской утробе. Царь спрашивает его:

— Убирайся теперь из моей утробы, петушок!

Петух отвечает:

— Уберусь, как только вернешься домой.

Царь пошел домой, и петушок выскочил из утробы. Только у царя живот лопнул. Петушок пустился бежать и прибежал к детям. А царь там и умер.

И стал петушок с детьми жить, и стали они хорошо жить-поживать.

55. МУЖ — ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Жили когда-то старик да старуха. У них не было детей. Были у них кошка, собака, свинья и корова. Муж ругал свою жену:

— Ты — лентяйка, не хочешь работать. Все я должен делать.

Раз утром они опять поспорили, опять муж обругал свою жену. Было лето, начинался сенокос. Жена взяла на плечи косу и грабли и ушла с двумя работниками косить. Муж остался дома завтрак готовить. Вот он и думает:

— Что бы мне сделать на завтрак? Сначала надо тесто в квашне замесить.

Принес он квашню и замесил тесто в квашне. Даже вспотел бедняга за работой. Вышел он на крыльцо квас пить. Только успел он взять из бочки затычку, как свинья подошла тесто жрать. Бросился муж свинью отгонять, а квас тем временем из бочки на пол вытек.

— Ай-ай-ай, — кричит муж, — что теперь жена скажет? Что мне теперь делать? Надо пойти корову подоить.

Пошел он и корову подоил. Поставил на пол ведро с молоком.

— Надо хоть колбасы сделать, — думает он. Начал он делать колбасу. Тут кошка пролила ведро с молоком и стала пить молоко с полу. Бросился муж кошку отгонять, а тем временем собака подбежала молоко пить.

Туда-сюда муж бегает:

— Что я теперь жене скажу? Если я еще раз рассержусь на жену, так это будет чудо. Пусть она хозяйничает, как и раньше.

Остается из сметаны сбить масло. Берет он кадку со сметаной, привязывает ее к себе на спину и думает, что за спиной из нее масло будет, если будет взад-вперед ходить. Видит — в бочке воды нет, надо за водой сходить.

— Потом сварю кашу и съем ее с маслом.

Идет он за водой, берет ведро, наклоняется у колодца, и вся сметана из кадки к нему на уши и в колодец пролилась. Да и ведро в колодец упало. Плачет муж, жалуется, что не может он завтрака приготовить. Все у него идет шиворот-навыворот. Корова еще в хлеву стоит, надо ее на пастбище отпустить, пока хозяйка не пришла. Взял он корову из хлева и ведет ее на улицу. Смотрит он, что на крыше хлева травка растет. Он и думает: «Пусть ту травку корова ест!» Привязывает он веревку к рогам коровы, поднимает ее на крышу, веревку в трубу продевает и к своей ноге привязывает, а про себя думает:

— Если корова с крыши упадет, так по веревке я это сразу услышу. А теперь сварю-ка я кашу на завтрак.

Начал он кашу в печке варить, а в это время корова с крыши упала и мужа за ногу потащила за собой в трубу. Голова осталась в горшке с кашей, а ноги в дымовой трубе торчат.

Ждет не дождется жена, когда муж позовет ее позавтракать. Уже наступил полдень, жена и думает:

— Видимо, не сумел мой негодный муженек завтрак приготовить, пойду хоть всухомятку поем.

Приходит домой с работы жена с работниками. Смотрит, а корова подохла. Жена косой веревку отрубила, и муж ее в горшок с кашей свалился. Заходит растерявшаяся жена в избу, муж в горшке с кашей болтается. Вытаскивает она мужа из печки и кричит на него:

— Не только завтрак не смог приготовить, но еще и корову погубил.

Муж прощения просит за все свои проделки и обещает:

— Никогда я тебя больше не буду ругать. Хозяйничай, как знаешь.

— Как я буду хозяйничать, раз ты все за один раз погубил, — отвечает жена.

А все же они и дальше кое-как продолжали жить.

56. КАК ВОЛК ПОМОГАЛ СЫНУ БЕДНЯКА

Купец поймал в капкан птицу, на крыльях которой было написано: «Кто эту птицу съест, тот золотом плестись будет». Уезжает на другой день купец в город покупать товары. У купчихи был любовник, она и говорит ему:

— Наш хозяин поймал птицу, на крыльях которой написано: «Кто птицу съест, тот золотом плевать будет».

Любовник предлагает ей:

— Ты изжарь птицу, и мы съедем ее на обед.

Жарит купчиха ту птицу и убирает на курятник, а сама идет в деревню. Два купченка с сыном батрака пришли из школы, увидели жареное мясо на сковороде и съели втроем это мясо. И опять ушли в школу. Приходит купчиха с любовником домой. Любовник спрашивает:

— Изжарила птицу?

Купчиха сняла платок со сковороды и видит, что ничего не осталось, все съедено.

— Наверно, это мальчишки из школы приходили и съели.

Любовник и решает:

— Надо их убить, вынуть мясо из их живота и съесть его, тогда мы сами будем плевать золотом.

Эти разговоры слышала старуха-беднячка.

Идет она в школу и говорит мальчикам:

— Так и так, ваша мать сказала, что вы съели мясо со сковороды, и её любовник приказал вас убить. Бегите в лес, пока отец не придет, а то убьют вас. Вернетесь обратно, когда отец приедет.

Сын бедняка говорит:

— Да ведь и я вместе с ними мясо ел!

Старуха предлагает:

— Так все вместе и бегите в лес!

Убежали мальчишки из школы.

Шли-шли, попали в одну деревню. Вот уже мальчиков голод стал мучить.

Купчиха и говорят:

— Пора бы теперь обратно вернуться, может быть отец приехал.

Сын бедняка говорит:

— Ведь теперь мы уже взрослые. Слышите, в кузнице кузнец кует, пойдемте попросимтесь, не возьмет ли он и нас ковать. Так мы и хлеба достанем.

Приходят они втроем в кузницу, купчонок и говорит:

— Не возьмете ли нас ковать?

Кузнец отвечает:

— Какие из вас кузницы будут, если вы такие худенькие?

Плюнул сын бедняка, и золотые монеты вместо плевков на полу появились. Говорит сын бедняка:

— Не буду теперь я ковать, раз золотыми деньгами плююсь.

Кузнец спрашивает:

— Уж разве никогда не будешь кузнецом?

— Вообще-то я не отказываюсь, кузнечное дело — хорошее дело!

Кузнец возражает:

— Что тут хорошего? Искры из глаз сыплются, а сам в грязи, как чучело.

Паренек отвечает:

— Без кузнечного дела жить нельзя. Надо же кому-то сошники и топоры да разные вещи делать.

Кузнец замечает:

— Толковый ты парень на разговоры!

Паренек-то бедняка предлагает другим мальчикам:

— Пойдемте в город!

Пришли в город, и просят купчата денег у сына бедняка.

— Можете и сами свою голову прокормить, — отвечает тот.

Разошлись в городе купчата с сыном бедняка.

Говорит один купчонок другому:

— Какая гадина этот бедняцкий сынок, и не попроси у него ничего.

Растут они в городе, взрослыми мужиками становятся.

Идет навстречу бедняцкому сыну солдат. Он и говорит солдату:

— Что это ты на ходу дремлешь?

— Пожалуй, будешь тут дремать, целую ночь я караулил царский сад, куда птица прилетает яблоки клевать.

— А какая это птица? — спрашивает сын бедняка.

— А такая птица, что вся в золоте блестит.

Царь кликнул клич:

— Кто поймает ту птицу, что верует яблоки, за того свою дочь замуж отдам и вместо себя на царство посажу.

И идет купеческий сын караулить на ночь, да не мог он птицы поймать. Идет второй купеческий сын на вторую ночь. Приходит обратно и говорит царю:

— Где ее поймал, раз в полночь прилетает та красивая птица. Не мог я поймать, улетела она.

Идет караулить бедняцкий сын. Только и он не мог поймать ту птицу. Идут они втроем к царю. Говорит бедняцкий сын:

— Если выполнишь обещание дать государство, так пойду искать птицу. Не прилетит больше в сад та птица.

— Отдам государство, хоть через три года принеси птицу.

Купеческие сынки вместе с бедняцким сыном отправились. Шагают они втроем. Купеческие сынки и говорят:

— Тебе бы и идти не следовало, раз ты золотом плюешься. Жил бы ты в свое удовольствие со своим золотом.

Возражает бедняцкий сын:

— Да ведь надо же кому-то и птицу поймать!

Поехали они дальше. Верхом на конях едут. Приезжают они на роستانь, направо и налево дороги расходятся. На доске по правую руку написано:

— Кто сюда поедет, тот с деньгами вернется!

А на доске по дороге налево написано:

— Кто по этой дороге поедет, тот будет убит!

Долго они думали на ростани. Говорит бедняцкий сын:

— Довольно раздумывать, наде по какой-то дороге ехать.

Купеческие сынки заявляют:

— Конечно никто не пойдет по дороге смерти!

— Так идите, — предлагает бедняцкий сын, — по дороге направо.

И еще говорит бедняцкий сын:

— В бедности я рос, и если убьют меня на этой дороге смерти, так пусть убьют, мне не капиталы наживать. А вы все же ждите меня здесь три года, если раньше меня вернетесь; а если через три года я не вернусь, так идите обратно. А если я вернусь раньше вас, то буду вас дожидаться здесь.

— Ну, так прощай; конечно, убьют тебя, раз по дороге смерти идешь.

Поехал бедняцкий сын верхом на коне. Бежит на встречу волк. Говорит волк:

— Я у тебя коня съем!

Думает парень:

— Так и есть! Раз по дороге смерти пошел, то вот уже коней начинают есть.

— Насилу я не возьму, а если добровольно отдашь, так съем, — говорит волк.

Сошел бедняцкий сын с коня:

— Ешь, братец, — говорит он волку, — если самого меня не съешь, так я и пешком дойду.

Пошел он дальше, оставил коня на съедение волку.

Съел волк лошадку, а сам думает:

— А ведь путник-то хороший. Лошадь мне отдал, а сам пошел пешком. Надо его догнать, спросить, куда он путь держит. Побежал волк за бедняцким сыном. Догнал его и спрашивает:

— Куда, брат, путь держишь?

— Иду, — отвечает сын бедняка, — туда, где находится золотая птица, что ест яблоки в царском саду. Не могли мы ее поймать, пошли искать, на три года сроку взяли, чтобы найти. В награду обещал царь выдать дочь и отдать все государство. Вот эту птицу я и отправился теперь искать.

Волк заявляет:

— Эге, эта птица за тремя царствами живет. За то, что ты дал мне по своей доброй воле коня съесть, садись на меня верхом, я отвезу тебя за три царства.

Уселся он на спине волка. Направились в путь. Проезжают они через три государства. К дворцу четвертого государства прибежал волк темною ночью.

— Я буду тебя здесь ждать, а ты иди брать ту птицу. Она во дворце в той палате, где царь спит, у окна в решетчатой клетке. И птица та как золото блестит. Да и решетка та золотая. Когда ты птицу схватишь, так не бери клетки, даже не касайся ее.

Пошел бедняцкий сын за птицей. Тихонько ночью подошел он к той клетке. Берет он птицу в руки и думает про себя:

— Ведь ночь темна. Никто меня не слышал; возьму-ка и клетку эту, не буду слушаться волка.

И только дотронулся он до решетки, как солдаты появились.

— Ты что здесь ходишь воровать?

Связали его солдаты и разбудили царя.

— Вот, — говорят, — разбойника поймали, хотел украсть птицу.

Царь и говорит:

— Так это ты птицу ночью украсть приехал?

Отвечает сын бедняцкий:

— Да, птицу я хотел украсть. Ваша птица прилетает есть яблоки у нашего царя в саду.

— А мы теперь тебя убьем! Тебе я дам задачу: за тремя государствами есть золотой конь, если приведешь его ко мне, так отпущу тебя.

— Приведу, — отвечает сын бедняка.

Опустили его, и он пошел к волку. Волк спросил:

— Так птицу-то ты не достал?

— Птицу-то я достал. Уже в руках была, но когда я стал брать клетку, тут солдаты меня и поймали. Тогда царь задал мне задачу: привести золотого коня, что за тремя государствами находится. Иначе он меня убьет. И я обещал ему привести того коня.

Волк его упрекает:

— Говорил же я тебе, не трогай решетки. Садись-ка на мою спину.

Уселся сын бедняка на волка, и волк побежал. Пробежал через три государства. Прибыли они к тому царству-государству в темноте. Опять волк советует сыну бедняцкому:

— У того золотого коня золотая уздечка. Только ты осторожно сними ту уздечку и оставь ее в конюшне. Коня же ко мне приведи за гриву.

Идет он туда. Раскрыл двери в конюшню, а там конь стоит, блестит, будто золото. Он снял уздечку, повесил ее на стену и берет коня за гриву.

Думает он:

— А возьму-ка я и уздечку: не верю я волку.

Начал он брать уздечку, а тут три солдата появились.

— Что ты здесь шляешься ночью? Что воруешь?

И к царю его отвели. Разбудили царя.

Царь спросил:

— Что ты здесь бродишь?

— Прошел я, — говорит он, — через три государства. Царь там задал мне задачу. Коня он велел привести.

Тогда этот третий царь говорит:

— Задам и я тебе задачу. Приведи-ка девушку, живущую за тремя странами, в жены сыну моему.

— Приведу ту девушку. Попробую ее сюда доставить.

Идет он к волку. Волк и говорит:

— Так ты не привел коня?

— Да как его приведешь? Уже успел я от уздечки отвязать его, но как только я начал брать уздечку, тут и поймали меня.

— Тебе что ни советуй, всегда делаешь наоборот, — говорит волк.

— Теперь я взялся привести царевичу жену из-за тридевяти земель, — говорит бедняцкий сын.

— О, тебе самому не привезти ее. Садись ко мне на спину!

Отвез его волк через тридевять земель. К дворцу они подъехали в темноте.

Волк и говорит:

— Ты оставайся здесь, а я пойду и приведу девушку.

Прибежал волк к царскому саду. На животе по саду ползет.

Увидел в саду девушку, усадил ее к себе на спину и привез к сыну бедняка.

— Вот тебе жена, и забавляйся с ней хоть каждый день.

Направились обратно к дому. Посменно едут верхом на волке. Прибыли в то государство, где надо было взять коня, волк и говорит:

— Побудьте теперь здесь, пойду я сам, приведу коня.

Идет волк и похищает коня. Говорит волк:

— Вот тебе конь, и катайся на нем хоть каждый день.

Усаживает сын бедняка молодую жену на коня, а сам садится на спину волка, едет дальше. Прибыли в государство, где птицу надо было взять.

— Побудьте вы здесь, а я пойду птицу поймаю, — говорит волк.

Взял волк птицу через форточку и убежал. Пришел он к сыну бедняка.

— Смотри, я птицу принес, и меня не поймали. Садись ко мне на спину.

Прибыли в то государство, где встретились.

Волк говорит:

— Ты сделал добро мне, но и я тебе зла не принес.

— Ты мне добром платишь, — сказал сын бедняка.

Простился с ним волк и убежал в лес. Только собрался в дорогу сын бедняка, как видит, что прибыли братья-купчата. Они поздоровались с ним, он подал им руку. Купчата ему предлагают:

— Теперь садись, побеседуем. Как добыл ты птицу, коня и жену молодую себе?

Отвечает сын бедняка:

— Помните вы, как мы расстались? Вы пошли по дороге, что сулила богатым быть, а я пошел по смертной дороге. Ведь сказал же я вам, когда мы расставались: если убьют, так не капиталы мне терять.

Братья между собой говорят:

— Надо нам его убить, тогда останется нам и конь, и жена молодая, и птица. Ведь стыдно нам будет изда-лека с пустыми руками вернуться.

Взяли они огромный камень и бросили ему в голову. Умер он. Закопали его в землю и сказали девушке:

— Ты будешь нашей женой, и когда мы придем к царю, то не говори, куда делся тот, кто тебя привез. Говори, что это мы тебя привезли. А если иначе ска-жешь, то мы тебя убьем.

— Не скажу, — отвечает девица.

Едут к царю. Волку же стало тоскливо. Думает волк:

— Может быть, уже убит он?

Прибегает волк на то место и видит, что действительно бедняцкий сын убит. Волк сокрушается:

— Убили, черти, праведного мужика.

Волк стал на могиле выть.

На елке воронята загалдели. Волк залез на елку и воронье гнездо на землю сбросил. Думает он:

— Съесть, что ли, воронят у вороны?

Ворона прилетела и стала просить волка:

— Не ешь моих воронят, лучше меня съешь.

— Ни тебя, ни воронят не съем, если сможешь ты живой воды найти для мужика, — ответил волк.

— Найду, — говорит ворона.

— Так иди, ищи!

Полетела ворона искать живой воды и скоро с бутылочкой, привязанной к ноге, прилетела обратно и ска-зала волку:

— На, возьми, полей водой могилу!

Волк облил могилу живой водой; поднялся из могилы мужик.

— Ах, долго же я спал!

— Ты спал бы еще дольше, если бы не я.

— Теперь ведь ни меня, ни воронят не съешь? — спрашивает ворона.

— Зачем же есть их, раз ожил человек. Живи, как знаешь, с воронятами.

Снова простился волк с бедняцким сыном. И тот направился домой. Он к царскому дворцу пошел и на свадьбу угадал. Тут выскочила из-за стола невеста.

— Вы разбойники! Не вы меня достали, меня привез вот этот человек.

Выгнали купеческих сынков из царского дворца.

— Да, это я привез и птицу, и коня золотого, и жену молодую, — подтвердил бедняцкий сын.

— Так возьмешь ли в жены мою дочь и начнешь ли править государством, как обещал?

— Птицу я обещал искать три года, возьми ее себе. А дочери твоей мне, царь, не надо, потому что сам жену я себе нашел; а за птицу ты обещал отдать царство, так уходи же ты с престола, я сам теперь буду править.

Так сын бедняцкий стал управлять государством.

57. КАК ПОПА УЧИЛИ ОХОТИТЬСЯ

Дьякон ходил на охоту. Завидно стало попу, что дьякон птиц ловит, и говорит он ему:

— Вот ты служишь в церкви, жалование получаешь да еще по неделям птиц ловишь, научи и меня охотиться.

Дьякон отвечает:

— Да у тебя ружья-то нет.

— Я возьму евангелие, — говорит поп, — и буду евангелием приманивать птиц, а ты только стреляй. Мне интересно на стрельбу посмотреть.

— Книгой не много приманим птиц, а поэтому нужно пригласить настоящего охотника третьим, а то я еще плохо стреляю, — сказал дьякон.

Пригласили охотника. Тот согласился, только спросил:

— Есть ли у попа компас, а то я свой потерял.

Поп ему отвечает:

— Я и без компаса найду дорогу домой, при помощи слова божьего!

А дьякон добавил:

— Он и птиц на любое дерево приманит, только стреляй, но он сам стрелять не умеет, вот интересно!

Охотник говорит попу:

— Я все около деревни охотился, далеко никогда не уходил, а поэтому, если заблудимся, то на тебя надеяться будем.

Пошли они в лес. Ходили целый день, далеко ушли от дома. Охотник убил штук шесть-семь птиц.

Наступил вечер, и только тогда они заметили, что заблудились.

Охотник говорит попу:

— Вот ты говорил, что будешь книгой птиц приманивать, а сам не мог приманить ни одной птицы.

— Не та книга попалась, — ответил поп.

— Ну ладно, коли не та. Теперь води нас домой. Как бы мы далеко ни зашли, — говорит охотник, — ты обещал, что выведешь, теперь вся надежда на тебя.

— Да ведь в той книге были и те самые слова, при помощи которых я нашел бы дорогу, а ту книгу я забыл дома.

— Забыл?! Так для чего же ты пошел на охоту? — спросил охотник, — тебя на войну отправь, так ты и винтовку забудешь! Такая память у тебя. Вот сведи теперь нас домой, а не то за волосы привяжу к дереву, все равно с голоду подохнешь.

Дьякон говорит:

— Привязать и надо бы. Из-за него все тут умрем с голоду.

— Ходили бы за мной, если никогда не были в лесу, — продолжает охотник, — так не заблудились бы.

Пошли поп и дьякон за охотником. Идут, все голодные.

Долго они шли в темноте. Вдруг увидели огонек, поп и говорит:

— Смотрите, огонек виднеется. Ну, теперь будем живы. Охотник огрызается:

— Ты еще разговариваешь тут, такой-сякой.

Пришли к одному дому, а на улице темно. Охотник приказывает:

— Стойте тут. — А попу сказал: — Сейчас мы голодные, так смотри, как придем в дом и будут предлагать кушать, так не будь дураком, не садись сразу, как позовут за стол, а то скажут, что у этого попа нет никакого стыда.

Вошли в дом. Дом был ничего себе, видно, что не очень бедно живут. Зашли в дом. Попа встречают по

всем правилам. Потом посадили всех на лавки и подают ужин.

Хозяин и говорит:

— Садитесь кушать.

Охотник с дьяконом сели за стол, а поп ждет второго приглашения. Но больше не предлагают. Уж дьякон и охотник покушали, а поп все еще ждет. Кончили ужинать, постелили постели и легли спать.

Уснули все, а поп и говорит охотнику:

— Ох, как есть хочется! А в этом ведь ты виноват. Ты сказал, чтобы я не садился после первого приглашения, а они один раз только всего и звали.

Охотник ответил:

— Так ведь я не знал чужих мыслей. Хотел я предложить тебе сесть с нами, да ведь не мог же я быть таким нескромным. Иди, там под лавкой стоит горшок с вареными ягодами, возьми да и покушай, пока спят хозяева.

Приходит поп, берет этот горшок и идет потихонечку к охотнику.

Приходит назад, а охотник и спрашивает:

— Ну как, нашел ли горшок?

— Нашел, но только есть нечем, ложки нету.

— Ешь руками, а то как пойдешь искать ложку, проснутся хозяева, да скажут еще, что воровать пришли.

Стал поп руками черпать. Съел он все ягоды и говорит охотнику:

— Все руки запачкал, нельзя ли где помыться, а то утром скажут, что воровал ягоды, так и следы оставил на руках да на бороде.

• Охотник говорит:

— Я видел горшок под привалкой, иди помой там.

Подожел поп к горшку, сунул туда руки, да еле оттуда и вытащил, — горшок-то оказался со смолой. Приходит он опять к охотнику и говорит:

— Эх, ты мне указал на горшок со смолой, я все руки запачкал.

— Да откуда же я знал, что там смола, я думал, что там вода, и указал тебе по-хорошему.

Поп тут опять спрашивает:

— Где же теперь мне руки обтереть?

Охотник опять указывает:

— Я вот там на полке видел корзину, а в корзине было полотенце. Иди возьми его, только, смотри, не разбуди хозяев.

Пошел поп туда и сунул руку в корзину, а в корзине-то оказался пух. Пух к смоле на руках и пристал. Идет опять поп к охотнику и говорит:

— Эх, ты, там и полотенца-то не было, а была корзина с пухом, весь пух пристал к рукам.

— Так я же не смотрел хорошенько, что там было, я тебе указал по-хорошему.

Проспали ночь. Утром встают и видят, что у попа все руки в смоле. Хозяин и спрашивает:

— Вы что, воровать пришли?

Поп отвечает:

— Да нет, братец, не воровать пришли, а дело было так: вот я проголодался вечером, а мне охотник сказал, чтобы я не садился ужинать после первого приглашения, а вы только один раз всего и предложили.

Хозяин говорит:

— Это не оправдание. Мы ведь сами идем на работу без приглашения, а придем, так еще навязываемся, а тебя за это дело судить бы крепко надо, да где только нам с тобой судиться! Против тебя нас надо человек сорок, а все равно ты прав будешь. — Потом приказывает жене:

— Подай кушать.

Накормил их, потом спрашивает у охотника:

— Хороший ли ты охотник?

— Охотник-то я хороший, хотя самого себя хвалить не приходится, но я еще молодой.

— А большого зверя ты убил бы?

Охотник говорит:

— Глазом не моргнул бы, выстрелил бы, попадись только медведь.

Хозяин говорит:

— Вот у нас медведь корову задрал, так три ночи ходили караулить, палатку на дереве устроили, а убить не могли.

— Я пойду караулить.

— А ты раньше убивал медведей? — спросил хозяин.

— Не боюсь я, хотя и молодой еще.

Пошли они все трое в лес, поп, дьякон и охотник. Подошли они к палатке. Смотрят, палатка устроена

высоко на дереве, и корова тут лежит, только вымя съедено медведем. Полез охотник в палатку, а поп тоже лезет сзади. Охотник спрашивает:

— А ты зачем лезешь сюда, ведь у тебя ружья-то нету?

— Если я не буду с вами, так медведь придет и меня съест.

— Хвастался ты, когда из дому уходил, что всех зверей приманишь, только стреляй, а сам лезешь.

— Так я ведь ту книгу забыл, а потому мне тоже туда лезть нужно.

— Ну, ладно, полезай.

Полез поп на дерево. Был он уже почти в палатке, но тут как-то рука соскользнула с сучка, и он полетел на землю и живот распорол, кровь потекла. Слезли охотник и дьякон с дерева, смотрят — лежит поп и не дышит.

— Надо пульс пощупать, — говорит охотник, — жив ли еще. Пощупал пульс — еще работает. Охотник и говорит дьякону:

— Обожди, я полезу на дерево, посмотрю, не видно ли деревни близко.

Влез на дерево, смотрит — деревня недалеко. Сказал дьякону:

— Ты останься его караулить, а я пойду в деревню, народ позову.

Позвал охотник из деревни народ. Оттуда приехали на лошади, положили попу в сани и повезли в деревню. Он ничего не слышал, был без памяти.

Потом поп подал в суд на охотника. Пришли они все на суд.

— Вот охотник и дьякон меня подвели, — говорит поп судьям, — они меня заманили влезть в палатку.

Охотник говорит:

— Сам ведь ты пошел, научите меня охотиться, говорил. Тут ведь есть дьякон свидетель, вместе были.

Дьякон говорит:

— Это правильно, сам захотел охотиться.

Охотник продолжает:

— Когда мы в палатку влезли, ты тоже сзади полез. Я ведь говорил, зачем лезешь, все равно не будет из тебя стрелка, а ты сказал, что поднимусь, а то медведь меня съест. Потом ты говорил, что будешь зверей при-

манивать, нам велел только стрелять, а сам книгу дома забыл. Тогда я сказал, что полезай, если боишься, ты и полез. Залез ты уже до нас, но тут как-то у тебя рука с сука соскользнула, и ты упал на землю. Ведь не мог же я тебя, такого толстого попа, поднять на дерево.

Так суд и оправдал охотника и дьякона.

58. КАК МУЖИК ОБМАНУЛ ТРЕХ РАЗБОЙНИКОВ

Жили-были муж и жена. Детей у них было много. И вот не стало у них хлеба, а жили они в сорока верстах от города. Взял мужик корову и пошел продавать. Пришел в город. На нем был надет плохой кафтанчик, — сразу видно, что бедняк он был. Приходит он на окраину города и встречает трех разбойников. Разбойники видят, что на этом мужике плохой кафтанчик, и говорят:

- Куда ведешь корову, дедушка?
- Привел для продажи в ваш город.
- Сколько возьмешь за корову?
- Так, — говорит, — надо бы взять двадцать рублей за корову.

— В нашем городе цена ей три рубля.

— За три рубля я не продам.

Пошел мужик с коровой дальше. Разбойники кругом дома пробежали и опять пришли навстречу ему и спрашивают:

- Куда, дедушка, корову ведешь?
- Привел для продажи в ваш город.
- Сколько возьмешь за корову?
- Надо двадцать рублей за корову.
- В нашем городе три рубля — красная цена, больше, — говорят, — нигде не дадут, хоть куда иди.

Пошел мужик вперед с коровой. Опять обошли разбойники и пришли навстречу ему. Пробуют выманить ту корову, спросили у него:

- Куда корову ведешь?
- Привел для продажи в ваш город.
- Сколько стоит корова?
- Двадцать рублей.
- В нашем городе больше трех рублей цены нет за корову — говорят разбойники. Тогда он, глупый мужик,

продал корову за три рубля. Потом он пошел к дяде. Дядя говорит:

— Здравствуй! Зачем пришел?

— Пришел в ваш город, корозу продал.

Дядя спросил, за сколько продал корову.

— За три рубля продал.

— Ниже двадцати пяти рублей цены за корову в нашем городе нет. Кому продал? — дядя говорит.

— Торговал, — говорит, — в трех местах, каждый раз все давали по три рубля.

А дядя жил в городе и смекнул дело, что племянник продал корову разбойникам.

— Вот что, племянник, ты продал корову разбойникам. Теперь бери три рубля и по рублю в чайные уплати вперед, скажи хозяевам, что в другой раз придешь, чтобы тогда подавали.

Он так и сделал, а когда вышел на улицу, встретил разбойников, покупателей коровы. Разбойники и говорят ему:

— В нашем городе, кто корову продаст, то с него полагается могарыч.

А старик гозорит:

— Пойдемте в чайную!

Пришли в чайную, он на рубль заказал вина бутылочку, кренделей, булок, угощает их. Вот они поели и уходят, а мужик шляпу поднял и говорит: «В расчете». Вышли на улицу.

— Не желаете ли в другую чайную пойти?

— Пойдем.

Пришли в другую чайную. Опять он в другой чайной заказал полторы бутылки вина. Напоил, накормил, шляпу поднял и сказал: «В расчете». И опять пошли дальше с разбойниками.

Пршли немного, он и говорит:

— Пойдемте, в третьей чайной угощу.

Опять угошал вином, и в третьей чайной. Уже очень опьянели разбойники.

Мужик поднял шляпу:

— В расчете, хозяин?

— В расчете, в расчете.

Тут собрались вокруг мужика разбойники. Пьяные, на ногах едва стоят. Спрашивают у мужика разбойники:

— Мы живем в городе тридцать лет, нас без денег ни в одной чайной не поили, а почему же не взяли денег с тебя?

— У меня шляпа такая, шляпа рассчитывается.

— Продай нам, дядя, шляпу!

— Шляпа стоит триста рублей.

Ну, разбойники в пьяном виде решили взять у него шляпу. Уплатили деньги, триста рублей. Пришел мужик к дяде.

Дядя говорит:

— Как обошлась торговля?

— Достал, — говорит, — триста рублей денег.

— Достал, так иди домой скорее, а то тебя убьют разбойники.

Он пошел домой.

Разбойники трое зашли в чайную со шляпой.

Думают, шляпа рассчитается. Заказали на пятьдесят рублей дорогого вина. Ну, они тут понюхали вина. Один остался со шляпой, а другие вышли на улицу.

Хозяин чайной пришел и говорит:

— Теперь рассчитайся.

— А у меня шляпа рассчитается.

— Как у тебя шляпа рассчитается, не она же на пятьдесят рублей пила? Деньги плати!

Хозяин смотрит, что с мужиком ничего не сделать, взял в руки палку. Отколотил его да на улицу вывел. Пришел этот в себя, а другие разбойники говорят:

— Пойдемте в другую чайную.

Пришли в другую чайную все трое. Опять там заказали на пятьдесят рублей вина дорогого. Пьяные, еле на ногах стоят. Дал битый разбойник шляпу другому товарищу и говорит:

— Вместе кутили, теперь ты рассчитывайся.

Опять хозяин чайной стал деньги требовать.

— Шляпа рассчитается.

— А что твоя шляпа, выпили на пятьдесят рублей, а шляпа стоит три копейки.

Надавали ему пинков и на улицу выкинули.

Потом пошли в третью чайную. Опять они пили на пятьдесят рублей вина. Остался третий разбойник рассчитывать. Хозяин говорит:

— Плати деньги!

— У меня шляпа есть, шляпа рассчитается.

— Три копейки шляпа стоит, никаких расчетов не будет.

Смотрит хозяин — опять нет денег у пьяного, взял да выкинул на улицу.

Тогда они на улице поговорили, поняли, в чем дело, хоть и пьяны были, и говорят друг другу:

— Корову мы выманили у старика, а за шляпу он взял по сто рублей с человека.

Один и говорит:

— Эта шляпа не рассчиталась — избили меня.

И другой говорит:

— Меня тоже избили.

Да и третий то же говорит.

А мужик, продавец коровы, знает, что шляпа-то им не поможет. Думает:

— Придут теперь убивать меня.

Он сделал гроб и сказал жене:

— Смотри, я прикинусь мертвым, а ты прикрой меня кисеей, как покрывают покойников. Положи медный крест на грудь. Приведи старух-вдовушек караулить и посматривай, когда разбойники пойдут по дороге.

— Она пошла на улицу караулить.

А разбойники идут убивать его, увидали женщину на улице и спрашивают у нее:

— В этой деревне живет тот мужик, который ходил продавать в город корову?

Она и говорит:

— Это мой муж, помер он, уже два дня бабы караулят, теперь скоро пойдем хоронить.

Разбойники говорят:

— Пойдемте, сходим, посмотрим.

Вошли разбойники в сени. Приоткрыли дверь в избу — так и есть, лежит в гробу, большой медный крест на груди, бабы кругом караулят. Разбойники думают:

— Что с него, змея, возьмешь.

Один и говорит:

— Я пойду хоть раз ударю крестом за сто рублей.

Взял разбойник с груди крест, ударил крестом в голову. Мертвый стал подниматься, разбойник со страху убежал в сени к другим. Те дверь приоткрыли, смотрят: мертвый трясет головой.

Разбойники спрашивают:

— Как ты ожил?

— Вот у меня такой крест есть, как ударишь — человек оживет.

Вот разбойники и думают:

— Давайте мы купим этот крест у старика.

— Продашь ли, дедушка, крест?

— Продам, — говорит, — по сто рублей с человека если дадите, так продам.

Купили они крест, вернулись в город с крестом. Приходят, а там умерло уже несколько человек. Они говорят:

— Не стоит этих мертвых оживлять. Вот если помер бы богатый, так за оживление его достали бы много денег.

Вдруг умер генеральский сын.

— Вот, — говорят, — мы оживим твоего сына.

— Чем вы оживите?

— У нас в руках такой крест есть, крестом ударим — он и оживет. Только если нам дашь тысячу рублей.

— Дам, — говорит.

Мертвый лежит на скамейке. Один разбойник взял, ударил по шее крестом, только одежда пошевелинулась, больше ничего не произошло.

Другой говорит:

— Не сумел ударить, дай крест мне, я ударю.

И другой ударил.

Не ожил. Третий говорит:

— Не сумели ударить!

Взял крест, ударил по шее. У мертвого голова упала с плеч долой.

Отец тут закричал:

— Ловите разбойников! Я сына похоронил бы, а теперь его опозорили, голову отрубили.

Поймали разбойников, присудили каждому по двенадцать лет тюрьмы.

Вот сидят они одиннадцать с половиной лет в тюрьме, еще до срока осталось полгода, а мужик и думает: «Придут меня убивать, срок их кончится скоро». У него избушка была маленькая. Он и сделал каменную крепость вокруг избушки.

Кончился срок заключения у разбойников. Отпустили их из тюрьмы. И порешили они мужика убить. Пришли они к дому его ночью. Смотрят — каменная крепость кругом, а хозяин спит в избушке. Они стали копать лопатами под крепостью. Слышит хозяин стук ломов.

Он из-под лавки взял топор и пошел тихонько. Жена спрашивает:

— Куда пошел с топором?

— Пойду в подполье, разбойники идут понижу.

Они выкопали дыру в подполье. Один сунул голову в дыру, хозяин топором стукнул, а другие говорят:

— Задержался, возьмет все деньги один.

Другой пришел — мужик и его убил. Да и третьего. Тут и сказка вся.

59. НИКИТУШКА ДОБРЫНЮШКА

Жили-были дед да баба. У них был сын. Дед умер, а сын остался. Сына звали Никитушкой Добрынюшкой, а мать же — Милей Тимофеевной. Сын вырос и начал сватать девицу в своей деревне. Девуцу звали Настасьей Прекрасной. И он женился на Настасье Прекрасной. Немного живет, и берут его в солдаты служить. Жена остается. Жене говорит:

— Жди меня семь лет, и если я не приеду через семь лет, тогда ты выходи замуж.

Жена ждала семь лет, а муж не приехал. Ее сватает Олеша Попович из своей деревни. Она говорит матушке:

— Я выйду замуж, потому что Никитушка нейдет домой.

Сватовья пришли, взяли ее и повели к венцу. Матушка осталась одна на печке плакать, дверь закрыла на задвину. Слышит стук за дверью. Кричат там:

— Открой, открой, Миля Тимофеевна, открой!

— Кто ты такой?

— Прохожий человек, открой!

Открыла дверь, увидела прохожего и говорит:

— Я, парень, тоскую, что невестка вышла замуж за другого, потому что сын пошел в солдаты и уже исполнилось семь лет, а домой он не пришел.

— За кого вышла замуж? — спросил прохожий.

— Вышла в своей деревне за Олешу Поповича.

— Матушка, ведь я — твой сын, домой приехал, дай мне поесть и я пойду хоть свадьбу Настасьи Прекрасной посмотрю, как они там играют свадьбу.

Пошел. Идет по лестнице, а лестница упала.

Он пришел очень сильным воякой. И говорит:

— Вы, попы и дьяконы, лестница у вас худая.

Потом он идет в избу с гармошкой, гармонь была у него очень хорошая.

Пришел в избу, за столом молодые стоят и поднес в руках, их все поздравляют и невесте бросают деньги. Стали звать Никитушку.

— Иди, прохожий, возьми рюмочку.

Он на стуле сидел да на гармони играл, а у него на руке было золотое кольцо с именем Настасьи Прекрасной. Он взял рюмку в руку и говорит:

— Есть ли у вас такой обычай, как в других местах, коли я пью с этой рюмочки, то и поднесу невесте?

Они говорят:

— Можно, поднеси.

Он хлебнул и дал невесте испить из той же рюмочки и говорит:

— Настасья Прекрасная, выпей вино и увидишь добро.

Выпила Настасья Прекрасная, видит там кольцо и узнает, что это ее кольцо, узнала мужа и говорит:

— Не оставь меня, Никитушка.

Прыгнула через стол, бросилась на шею, и они пошли, а Олеша Попович остался.

Пришли домой, матушка обрадовалась, начала кормить, поить и стали хорошо жить.

60. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Жили-были муж да жена. У них был сын, родился он убогим. Тридцать лет кормили-поили его — убогого, безногого. Раз отец и мать отправились в лес. В это время подходит к дверям старичок и говорит:

— Илья Муромец, открой дверь!

— Не могу, — отвечает Илья.

— Хоть костылем открой, хоть как хочешь.

Открывает Илья дверь, выпускает старичка.

Входит старичок, берет миску воды и велит Илье омочить ноги и руки. Омочил Илья руки и ноги, волосы на голове и вдруг встал на ноги, стал стройным, здоровым человеком. Обрадовался он, стал ходить, поджидает домой отца и мать.

Приходят родители вечером домой, обрадовались, что сын выздоровел, стал хороший.

Говорит Илья на другой день:

— Благословите меня, родители, на подвиги.

Отвечают ему отец и мать:

— Отдохни, сынок, дома.

— Нет, — говорит Илья, — работать пойду.

— Иди тогда репу огороди.

Свели его туда, где репа посеяна. Начал он репу огораживать, сделал изгородь в один день из толстых елей и сосен. И говорит матери:

— Не стану я здесь жить. Отправлюсь-ка я по белу свету людей посмотреть и себя показать.

Отец и мать говорят:

— Не нужно бы уезжать, но раз хочешь, так поезжай себя показать.

Взял себе Илья коня богатырского, сел верхом и отправился. Едет на коне и видит: едет перед ним другой человек. Догоняет он его и ударяет трехпудовым ломом. А тот и головы не повернул, говорит:

— Что это, комар укусил?

Ударяет Илья второй раз. А этот опять говорит:

— Да, муха, должно быть, укусила.

Ударяет Илья третий раз еще сильнее.

— Видно, овод укусил, — сказал человек и повернул голову. Взял он и посадил верхом на коня своего Илью вместе с конем. И взмолился конь человеческим голосом:

— Не могу нести я трех богатырей: Илью Муромца-богатыря, богатырского коня его и Святогора-богатыря. Сбросил всех он их на землю.

И говорит Илье Святогор-богатырь:

— Давай, брат, обменяемся крестами.

Обменялись они крестами, отправились вместе и стали жить-поживать в доме Святогора. И вот стала жена Святогора нашептывать:

— Хорошего крестового братца привел, дерется он со мной каждый день.

Поверил Святогор-богатырь и говорит Илье:

— Давай бой держать. Отправимся мы к той горе.

Отправились они к горе. Вот и думает Илья: «Подняться ли мне на гору или оставаться под горой?» Влетела птишка к нему в ухо и говорит:

— На гору поднимешься — сосну на тебя Святогор свалит, внизу останешься — Святогор сверху копьем в тебя бросит.

И вдруг Илье помощь пришла, и бросил он Святогора за облако. Там он еще и посейчас находится.

61. ЧУРУ ПЛЮНКОВИЧ И МАТУШКА ЮККИНА

Собирается Чуру Плюнков сын в другое королевство, хочет он там жениться. Пришел он туда и посадили его за стол. Он есть начинает — лишь сливки снимает и несъеденным остальное оставляет. Ему и говорят:

— Почему ты стол бесчестишь, почему не кушаешь?

— Хвоей все ваши кушанья пахнут, а вот у нас вся пища слаще вашей.

Его домой не отпускают. Дом, ему принадлежащий, осматривать оттуда войско посылают. Он сам их научил, как дом его найти. Приходит войско к дому, входит в хоромы. В первой палате им говорят:

— Мы — скотницы, мы за скотиной смотрим.

Во второй палате им отвечают:

— Мы — прачки, мы белье стираем.

В третью палату заходят и чуть не падают перед челядью на колени, но те им говорят:

— Мы — поварихи, пищу варим матушке Юккине.

В четвертой палате полы и потолки все стеклянные. Одна только женщина сидит там, это — матушка Юккина. Ей говорят:

— Чуру Плюнков сын послал нас хоромы осматривать. Теперь он к королевне свзатается; но в жены может взять ее только тот, у кого одежды краше и добра побольше.

Тогда она одежды сыну отправляет. Седло из золота приносят:

— Как дорого оцените седло?

Но никто не может угадать цену седла. Она на конях богатырских одежды сыну посылает. В то королевство на конях тех приезжают, где сватается Чуру Плюнков сын.

Начинают свадьбу сам справлять. Король и говорит:

— Там широкая река течет, чей конь через ту реку перепрыгнет?

И вот заставляют перепрыгивать коней через реку. Конь сына Плюнкова через реку перепрыгнул, а конь девицы в речке утонул.

Идет сын Плюнков, берет одежды и коня приводит и остается зятем в доме короля, там еще и теперь живет.

62. ЛАПЛАНДЕЦ ЧЕЛЛИ

Их было три брата лапландца. Одного звали Патрикеем, он жил на другом берегу Алззерского пролива. Теперь это место получило свое имя от Патрикея. Второго брата называли Челли. То место, где жил Челли, называлось Суавала. Третий брат был Йева, и место, где он проживал, до сих пор называется Йевала.

Затем пришли шведы. Между Йевала и местом поселения Челли находился большой сосновый бор. Когда шведы стали ловить одного из этих братьев, он спрятался на верхушку высокой сосны. Там он скрывался много дней, а его все продолжали искать. Затем он бежал в Мустаперя. Оттуда он переправился на дереве (раз не было поблизости лодок) в густую осоку, на находящийся среди осоки камень. На нем он просидел, пока его не поймали шведы. Его брат Челли стал просить:

— Отпустите моего брата на свободу.

— Прострели утиное яйцо стрелой из лука на голове своего брата, на расстоянии от Мустаперя через пролив, тогда освободим твоего брата.

Челли прострелил то утинсе яйцо, но шведы не освободили его брата, а увели его в Швецию, и от него ведут свое начало шведские лапландцы.

Место поселения Челли является местом моего рождения. Там от своей девяностолетней бабушки я слышала рассказы о том, как жили раньше.

63. УХОД ЛАПЛАНДЦЕВ

На тех местах, где находится наша деревня, в былые времена, лет триста тому назад, жили в своих землянках лапландцы, они невод запускали в воду, рыбу на Верхнем озере ловили, где ряпушки было очень много. Лещ попадался в запрудах, которые были сделаны из заложённых поперек реки бревен. Эти лапландские запруды и теперь еще сохранились.

Затем пришли новые жители — карелы, и они вытеснили лапландцев к северу. Когда лапландцы начали уходить, они осенили лицо крестным знаменем и сказали:

— Мы уходим, и рыба уйдет вместе с нами.

И с тех пор не попадался лещ в той реке, да и ряпушка перестала ловиться в Верхнем озере, хотя ряпушки в этом озере — ловить, не переловить.

64. БОГАТЫРЬ КУОПЕЛИ

В десяти верстах от деревни Каменное озеро (Кивиярви) к Бабьей губе (Аконлакши) находится луг Куопели.

Тот луг получил свое имя от богатыря Куопели. Это был лопарский вождь, и был он очень сильный и вел свой род от богов.

Еще моя мать помнит, как крестьяне выкашивали луг и нашли на том лугу иконы и ясный след избы и печи. В деревнях боялись Куопели. А сам Куопели был беглый, появился в наших краях неизвестно откуда и там же, на лесном лугу, устроил себе жилище. Когда люди из Нишкозера работали на пожоге (Нишкозеро находится в 15 верстах от Каменного озера в направлении к Южному озеру), то этот Куопели убил целых пятнадцать человек.

У Куопели была жена. Пришел он в волнении домой и сказал жене:

— Набедокурил я там на пожоге.

Жена дала знать всем в деревне, чтобы они остерегались ходить в лес, где разгуливает такой страшный разбойник. Куопели с копьем бегал по деревне (он узнал, что его жена оповестила всю деревню о его намерениях) и кричал:

— Оповестила, сатана, деревню!

В деревне догадались, что это Куопели убил людей на пожоге, но боялись с малыми силами идти на Куопели. В Вокнаволоке совещались о том, как поймать его, и решили пойти будто бы лошадей искать на луг Куопели, куда часто лошади из села забегали. Пошли туда девять мужчин и спросили у Куопели:

— Не видать ли здесь лошадей?

Куопели ответил:

— Нет. — И сам переправил их через реку.

Сам он сел на корме и положил копье и топор на дно лодки. Деревенские мужики опрокинули лодку, и когда копье и топор Куопели утонули, они набросились на Куопели и утопили его в реке. Река была неглубокая, и сами они выбрались из нее.

65. ТУЙЮ МАТТИ

Около двухсот лет тому назад люди в карельских деревнях не были переписаны. Весь народ в селениях обычно убегал в лес, когда приходили собирать подати. А за податью ходили всегда через 23 года. Когда однажды пришли за податью в Каменное озеро, то все люди в деревне по обыкновению убежали в лес.

Но в этой деревне появился житель из Швеции, его звали Туйю Матти. Он выдавал беглых сборщику податей. В деревне думали, что этот подлец выдаст всю деревню, если его не убьют и если все будет продолжаться попрежнему.

Когда рождался ребенок, то его зачисляли в податные души, но если кто-нибудь прятал ребенка, то он на целых двадцать три года освобождался от податей. А если и дальше он умел укрываться, то весь век жил без уплаты податей.

Жил в Каменном озере знаменитый дядя Степан (его называли бочонком за то, что он был мал ростом и толстый). Весь свой век он податей не платил, и когда ему исполнилось восемьдесят лет, опять он скрылся от сборщиков податей. Бросил он свою рукавицу к небу и загадал: если рукавица большим пальцем вверх упадет, то не зачислят податей. И сколько раз он ни бросал, всегда рукавица большим пальцем кверху падала. Тогда он решил пойти объявиться к сборщикам податей. Он

заявил им, что весь свой век он укрывался от них. Но что с него, старого, возьмешь? Так он и не платил податей. Даже я в своей деревне слышала, как упоминали об этом дяде Степане.

За то, что Туйю Матти предавал деревенский люд, погубить его решила старуха Пенто. Хотя у нее было всего девять дочерей, но ей жаль было зятьев, одним из которых был Иван Васильев. Старуха Пенто напоила мужчин и приказала им убить Туйю Матти. Наказала повесить ему камень на шсю и бросить в озеро. И второпях, не найдя веревку для этого камня, она подала им свой шелковый пояс. Тогда после убийства Туйю Матти сложили о нем песню:

Утопили Туйю Матти
Темной летней ночью,
Привязали к шее камень
Шелковым поясочком.
Утопили Туйю Матти
Темной летней ночью:
У Ивана окровавлен
Ножик с поясочка.
Многих предал Туйю Матти,
Стыд ему не ведом,
Восьмерых крестьян он предал
Для расправы шведам.
В озере жил Туйю Матти.
Окуней стал удить,
Озеро то — Кивиярви —
Помнить его будет.
С водяным стал Туйю Матти
Окуней всех жарить,
Вся деревня укрывала
Мертвеца от шведов.

Когда на утро господа — сборщики податей стали ждать Туйю Матти с доносом, а он все не приходил, тогда они начали допрашивать, куда он делся. Все отвечали им: — Не знаем.

Шведы стращали и мужа старухи Пенто, требуя сказать, куда исчез Туйю Матти. Старик проговорился:

— Говорят, что его убили, — и больше ничего не сказал.

За это его осудили пожизненно на каторгу. И хотя во всем виновата была старуха Пенто, но еще три года она ходила и твердила:

— Незнайкой быть, спокойнее жить!..

Кроме того, из-за Туйю Матти на каторгу был сослан и Васильев Иван да вместе с ним семеро крестьян.

Такова история убийства Туйю Матти.

66. ОСНОВАНИЕ ВИДЛИЦ

Было время, когда в Видлицах люди только-только еще появились. Первым жителем был некий Гаврил с Семеннаволока, и думал он, что на всем протяжении реки Видлицы только он один живет. Проживал он в избушке с маленькими окошками и печкой с черной трубой, дым от которой внутри под потолком стелется.

Однажды днем он видит, как щелка плывет по реке, и тогда только он догадался, что какой-то другой житель вверх по реке Видлице проживает. И пошел он его искать.

Пройдя две с половиной версты, пришел он к тому месту, где теперь стоит деревня Лэвкула. Там он нашел соседа и три дня с ним разговаривал.

— Будем жить соседями, потомством обзаведемся!

Так было в стародавние времена, когда и попов не было. Это были первые жители на реке Видлице.

Так мне рассказывал мой девятидесятилетний отец, который сам слышал это от своих стариков.

67. О «ЛУЖАЙКЕ МЕЧЕЙ»

Был воскресный день. На погост Сапосальми собралось много людей. Среди них было сорок мужчин из разных мест. Они ожидали лодку, на которой должны были приехать купцы из Архангельска.

Лодка подплыла к берегу, но в ней сидели шведы. Они напали на мужчин, и мало кому из них удалось спастись бегством. Все женщины разбежались, кто куда.

Тогда шведы поплыли в той лодке к Панозеру. Издалека они увидели белую панозерскую церковь и сказали:

— Что, ты, церковь, торчишь, что в себе таишь? Вот торчишь и имя потеряешь!

Но тут шведов сбуйала жадность, и они стали спорить между собой о том, как поделить добычу. Они выхватили свои мечи и стали разить и убивать друг друга.

Так, по рассказам стариков, получило свое имя урочище «Миэккакангас» («Лужайка мечей»), находящееся около Панозера.

68. ПЕТР ПЕРВЫЙ И ЧУДЕСНЫЙ КОНЬ

Царь Петр узнал о том, что в Финляндии имеется чудесный конь, и захотел приобрести его себе. Он задумал эту думу и решил направиться за чудесным конем. Он туда поехал, прибыл в одну деревню. Там сразу все узнали, что это Петр, и караул поставили вокруг него.

Но в этой деревне был один бедняк-крестьянин. Он клячу в сани запряг, в сани тайком уложил Петра, полный воз навозу наложил и под ним Петра из-под караула вывез в поле чистое.

Петр с саней поднялся и направился на земли финские. Там нанялся он в работники в одно огромное хозяйство. Его определили водовозом и дали клячу самую плохую. Стал Петр ухаживать за клячей.

До князя финского дошла весть, что у того хозяина живет батрак, умеющий ухаживать за клячами и превращать их в отличных лошадей. Князь финский послал гонца за тем работником. Так Петр у князя финского стал конюхом. Он стал ухаживать за чудесным конем.

Немного времени проходит, и собираются сенаторы у князя. Петр за дверьми слушает, о чем они там говорят. И слышит, кто-то хвастается:

— Чудесный конь имеется у нас, но никто на нем не в состоянии проехать.

Царь Петр и говорит:

— Дайте я на нем проеду!

Но на этот раз ему не разрешили. Снова, через некоторое время, собираются у князя те же люди. К князю финскому приходит Петр. За дверьми слышит он, о чем князь финский на приеме у себя говорит. Снова слышит он, как хвастаются тем конем чудесным. Петр и говорит:

— Отдайте мне коня, попробую я на нем проехать.

И тогда ему пообещали дать прокатиться на коне.

— Попробую-ка я проехать и проверю, что это за конь, ведь из крепости-то никуда он не уйдет.

Люди военные коня выводят из конюшни, цепями и канатами его связав, седло скрепляют на коне. И Петр на том коне уселся. Ведут коня цепями и канатами внутри финляндской крепости. Петр смотрит, где бы можно через стены крепости перескочить. Приходит он к князю и говорит:

— Освободите коня от цепей, ведь конь же смиренный; попробую на нем проехать без цепей и без канатов.

И только меднолобого коня освободили от цепей, Петр вскочил на вороного, через стены крепости на нем умчался и в Питер прискакал, и еще теперь он там около реки верхом на нем сидит.

А финский князь упал на колени и промолвил:

— Ведь это был царь Петр!

69. СОЛДАТ И ПЕТР ПЕРВЫЙ

Жили-были раньше мужик да баба, и был у них сынок. Вырос он у них до 20 лет и забрали его в солдаты. Везли их, рекрутов, целую партию. Двадцать три года на военной службе надо было находиться. И прослужил он эти двадцать три года верой и правдой.

Прошел срок его службы, и начал он домой собираться. Выдали ему шинель, мундир, брюки, шапку, и денег он накопил пять рублей. Уезжая, он сказал:

— Вот, товарищи! Всем я доволен, служил я верой-правдой, но только одним я недоволен.

— Чем же ты недоволен?— товарищи его спросили.

— Служил я верой-правдой двадцать три года, но царя Петра Великого не довелось увидеть.

Направился он с военной службы в путь-дорогу, а денег имел всего-навсего пять рублей. Купил он на эти деньги ружье.

Подумал и сказал:

— От отца с матерью и писем-то я не получал. Живы ли они. Хоть от ружья я буду удовольствие иметь.

По лесу незнакомому он шел, сбился с пути и заблудился. А тут как раз стемнело. Развел костер и лег отдыхать. Слышит он, как мчитесь конь, к костру подъехал статный и огромный всадник, с ним была собака. Солдат товарищу обрадовался.

Всадник же его спросил:

— Ты кто будешь?

— Я служилый человек, солдат. Со службы возвращаюсь. Не сварить ли тебе чайку? Нет ли у тебя чайника?

— Иди, возьми, к седлу мой чайник привязан.

Налил солдат в чайник воды и поставил на огонь. И скоро чайник вскипел. Чай заварили, и приглашает всадник солдата:

— Давай теперь попьем чайку, товарищ!

Начали они чаевничать. Берет солдат посуду и сухарь.

— У меня ведь все с собой имеется!

Вытаскивает всадник из мешка всевозможные закуски. Солдат и думает про себя: «Вот хороший мне попался товарищ».

Распивая чай, расспрашивал всадник солдата:

— Товарищ, ты в каком полку служил? Хорошо ли служба шла?

— Служил я хорошо, — солдат ответил.

— Не обижало ли начальство?

— Меня никто не обижал, служил я двадцать три года и ни разу под замечанием не был. И всем я доволен, только Петра Великого не довелось увидеть.

Встрепенулся всадник, распивая чай, вина он предложил солдату.

— Вина я не возьму. Не пью, — ответил солдат.

Взял всадник закуски и сказал:

— Теперь я никуда сегодня не поеду. Отдохну я здесь. Привяжи-ка ты коня получше.

Солдат хорошенько к дереву привязал коня, и всадник около костра улегся отдыхать. Да и солдат прилег. Немного он поспал и слышит, что собака воет. В темноте солдат уселся и слышит разговор:

— Надо выстрелить, — раздался голос.

— Поймаем живьем, — второй ответил.

Солдат немного испугался и свое ружье и ружье товарища к себе придвинул. И когда разбойники к ним стали приближаться, он выстрелил из своего ружья в одного из них и ружье товарища схватил скорее и выстрелил в другого незнакомца. И третьего он тут же застрелил. А всадник спал и ничего не слышал. Солдат всю ночь сидел и заснуть не смел. Настало утро, конь на привязи стал биться. Тогда проснулся всадник и сказал солдату:

— Эх, долго же я спал! А почему же ты, солдат, не спишь?

— Если бы я спал, то нас обоих застрелили бы, — ответил солдат.

— Что случилось? — испугался всадник.

— Пойдем, — сказал солдат, — посмотрим!

Трех убитых увидели они и узнали в них разбойников. Тут всадник начал расспрашивать солдата.

— Как произошло все это?

Солдат и рассказал:

— Я разговор услышал. Один хотел стрелять. Другой хотел поймать нас здесь живьем. Я схватил ружье, и когда разбойники к нам стали приближаться, я застрелил одного из них своим ружьем, а двух других я застрелил из твоего ружья.

Всадник выслушал солдата и сказал:

— Теперь поставь-ка чайник.

Солдат чайник вскипятил. Всадник разложил закуски и опять стал угощать солдата царской водкой.

— Вина я никогда не пил, да и теперь не буду пить, — солдат ответил.

— Теперь ты крестным братом будешь мне, — сказал всадник, — крестами обменяемся теперь.

Всадник дал солдату золотой крест, а солдат ему — медный крестик. Всадник сказал солдату:

— Раз ты Петра Великого не видал, так вот он здесь.

Солдат ошеломлен и говорить не смеет.

— Не бойся, — говорит всадник, ты стал мне крестным братом. — Что хочешь в награду?

— Мне ничего не надо, — ответил солдат.

— Нет, я не откажусь, — сказал царь Петр, — деньги или чин ты хочешь? Выбирай любое.

— Что дашь, то и возьму, — сказал солдат.

— Чин тебе я дам, будет из тебя начальник над войсками. Пойдем теперь обратно в Питер.

— Дороги я туда не знаю, — заявил солдат.

Всадник вынул из кармана карту, и сказал:

— Дорога недалеко.

Они добрались до дороги. Здесь всадник покинул солдата и сказал ему:

— Приходи в ближнюю деревню, а оттуда верхом поедешь дальше.

Хотелось солдату дома у отца и матери побывать, да не посмел он у крестного брата отпроситься и пошел в направлении к Питеру, в соседнюю деревню. Там его

уже ждали. Напоили, накормили и в путь на тройке снарядили.

Солдат приехал в Питер, и стал он там начальником над войсками.

70. ДЕВУШКА, ВЫДАННАЯ В ШВЕЦИЮ

Жили-были старик со старухой. У них росли дочь и сын. Жили на все свое, только одну соль покупали. Свой хлеб сеяли. Коров и овец разводили и резали их; из своей кожи сапоги шили, шубы кроили, кафтаны из своей шерсти шили. Лен и коноплю сажали, из них полотно ткали, сети вязали. Кремнем с огнивом огонь добывали. Подрастают их дети, и говорит мать отцу:

— Девушка в избе растет, надо бы ей что-нибудь на приданое купить.

Покупают кое-чего дочери да и сыну покупают. Дочь иногда носит покупные обновки, а сын даже и надевать не хочет, в домотканном ходит. Дочь растет и становится красавицей. Слава о ней даже до Швеции доходит.

Приезжает из Швеции щеголь — финский жених — свататься к ней. Хороший костюм на нем, лакированные сапоги, блестящий козырек на фуражке. Поят и кормят его, и отец с матерью думают: «Раз уж такой нарядный пришел свататься, так надо будет отдать дочку замуж».

Отдают девушку замуж, и живет она на чужбине уже года три-четыре. Родила она двух сыновей. Одного зовут Иваном, другого Васей.

Приезжает она с мужем в гости к отцу с матерью.

У ее мужа, как у заправского щеголя, ружье имеется; а у шурина всего лишь старая пищаль.

— Пойдем, шурин, охотиться на белок, — приглашает зять. Собирается зять в хорошем костюме на охоту и фуражка с блестящим козырьком в руках. А у шурина все домотканное на себе и шапчонка рваная на голове. Берет он в руки пищаль, а зять и говорит:

— Разве белок можно убить этим дробовиком? Вот уж мое ружье так покажет себя!

Шагают они в лес, ни о чем не говорят, точно сердятся друг на друга. Шурин и думает: «Надо бы что-то сказать». Видит на дороге следы и говорит:

— Старушка шагала и следы оставила.

— Это о чем так говорят? — спрашивает зять. Шурин отвечает:

— О лягушках такая поговорка.

Шагают еще немного, и шурин замечает:

— Белки на этот год в ельнике живут.

— Откуда ты это знаешь? — допытывается зять.

— А следы белок видны около елок, — приводит шурин зятя к елке и показывает.

Начинает лаять собака. Идут они на лай. Под огромной елью лает собака.

Щеголь из Швеции бегаёт вокруг ели, хочет успеть выстрелить в белку раньше шурина.

— На сей год хлеб будет не дорог, хотя и не дешев, — замечает шурин.

— Откуда ты это знаешь? — спрашивает зять.

— Белничье гнездо посредине дерева находится, потому и хлеб будет не дорог. Такая примета есть, — шурин говорит.

Надо принести жердь и проверить, есть ли в гнезде белка.

Торопится зять срубить елку, приносит толстый-пре-толстый кол, ударяет им по ели и спешит посмотреть: не вышла ли белка из гнезда. Надо успеть выстрелить раньше шурина. А белка даже и не шелохнется. Отходит шурин в сторонку, вырубает тонкую жердь в две с половиной сажени длиною. Верхушкой втыкает ее в землю, а комлем ударяет по ели. Отходит на некоторое расстояние и видит, как белка выскочила из гнезда. Стреляет из пищали, и белка падает, как камень, на землю. Зять и выстрелить не успел.

Проходят они немного, а собака уже в другом месте лает. Идут они на лай. Шурин показывает зятю:

— Стреляй, вон там белка сидит!

Стреляет зять, а с ели только шишки падают. Выстрелил и шурин из своей пищали — и белка на земле лежит.

Идут они домой. Зять берет жену с детьми и уезжает к себе в Швецию.

Привозит жену и говорит ей:

— Поеду в дальнюю Швецию добро добывать.

Оставляет он жену и детей дома, ни хлеба и ничего съедобного не оставляет им.

Проходит немного времени, и летит соловей-птица под окно отца-матери.

— Заберите свою дочь из Швеции, голодает она там.

Едет брат за сестрой. Идет в березняк, делает кошель, бересты в кошель накладывает. Вечером, уже в темноте, к сестре приходит. Слышит он: сестра с детьми дома плачет и приговаривает:

— Не плачь, Иван, не вой, Васютка, грудью накормлю обоих. Ночку, может, проживете, а завтра будем вместе умирать.

Брат в стену стучит. Сразу он не заходит в шведскую избушку — боится сестру испугать. Сестра поет:

Не стучи, родимый ветер,
Не тревожь меня, прохладный,
Южный славный ветерочек!
Не сидит мой милый Ваня,
И не ходит мой Васютка, —
Не могу пойти с тобою.
Пусть сидеть мой Ваня будет,
Научу ходить Васютку,
Вот тогда стучи, родимый,
И тревожь меня, прохладный,
Южный славный ветерочек!
Я тогда пойду с тобою.

Брат и говорит ей:

— Почему же холодно, сестрица, здесь — в избушке шведской?

— Нечем растопить мне печку.

Брат опять спрашивает:

— Есть ли чего поесть?

— Нет ничего.

Брат дает сестре сухарь и сухую рыбу. Бросает рыбу в котелок и варит, сжигая бересту.

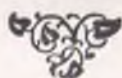
Брат говорит:

— Одень детей. Посадим Ванюшу в кошель, а Васютку понесем на руках.

Идут они из Швеции к отцу-матери. Отец у ворот их дожидает. Мать им одежду приготовляет. Брат и говорит сестре:

— От верной смерти ушла ты. Теперь и дети будут жить.

СОВЕТСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

71. ДВА БРАТА

Жили-были раньше в некотором царстве, Финляндском государстве, мужик-бедняк с женой. Жили они бедно, бурлачили, работали на богатых и гроши получали.

Родился у них сын. Назвали его Микко. Ростили сына недолго, пополам с голодом, и мать умерла.

Жили-жили отец с сыном, и как только отец поставил сына на ноги, сразу же сказал ему:

— Микко, сынок, теперь тебе надо самому себя кормить, для меня никакой работы не находится, самого-то себя не могу прокормить.

Вот идет он с сыном. Ведет сына в дом богатея и отдает его туда в пастухи.

— Пусть хоть себя кормит, — говорит отец хозяину, — может быть, и мне когда-либо поможет.

Отец уходит, а сын остается в пастухах. Однажды ходит отец по лесу и попадает на то место, где его сын пасет стадо.

Сын плачет и говорит:

— Ах, дорогой отец, каким плохим хлебом меня кормят. Вот посмотри.

Отец смотрит, — даже слезы на глаза навернулись, когда он попробовал того хлеба. Тогда он сказал:

— Из сосновой коры этот хлеб, а внутри соломы вдоволь. Ну попробуй ты, бедняжка, как-нибудь прожить здесь недолго, а я пойду искать лучшее место и, может быть, добьемся лучшей жизни.

Опечаленный сын остается в лесу с коровами, а отец идет дальше.

Идет-идет он по лесу, по дорогам, по болотам, проходит весь финский полуостров.

Попадает на встречу рабочий мужик. А отцу уже надоело ходить по белу свету и искать работу, надоело терпеть обиды и голод да горе мыкать. Вот он и думает:

— Дай-ка я спрошу у этого встречного, не может ли он посоветовать, куда мне идти.

Тот уж успел пройти мимо, но мужик крикнул ему:

— Эй, мужик, если ты кому-либо делал добро, так сделай и мне, посоветуй мне, как я могу найти себе работу и хлеба.

Встречный вернулся, и сели они толковать. Рабочий мужик и говорит:

— Много и я видел горя, пришлось терпеть и голод и холод, но видел я правду и эту правду тебе хочу показать.

Рабочий мужик берет из кармана клубок, дает его мужику-бурлаку и говорит:

— Возьми этот клубок, пусти его по дороге — и клубок приведет тебя на ту землю, где живет Ленин. Я видел Ленина. Он — простой мужик, вот как я и ты, но он очень много знает. Он стоит за рабочих и крестьян, он дает беднякам хорошую жизнь; хоть сразу и не придет еще хорошая жизнь, так под конец все же она будет.

Мужик-бурлак благодарит его, берет клубок, пускает по дороге, а сам идет за клубком.

Идет он, идет по лесам, по дорогам, по темной тайге, и попадает на русскую землю, в Карелию, нанимается строить Мурманскую железную дорогу. Здесь сначала также работы очень много, а платят гроши, да и то не хотят платить. Обещают, а не платят.

Живет так мужик немного и думает: «Надо мне жениться, может быть, вдвоем легче жить будет».

Женится мужик, берет жену-карелку. Живут еще немного, сын у них родился. Крестьян его Иваном.

А в это время произошла на русской земле революция. Выгнали царей и генералов. Власть взяли рабочие и крестьяне. Сделали советскую власть. Вместе с советской властью рос и сын Иван. Научился он грамоте, прошел он все школы, и стал из него ученый человек.

Однажды осенью, когда все были дома, на улице дождь заморосил, и была холодная погода. Мать затопила печку, отец у печи уселся, а Иван лежал на диване и читал газету.

Вот отец и начинает говорить:

— Как-то там в Финляндии живет мой сын? Надо было взять его с собой, пришлось бедного там оставить.

— Отец, так у меня есть брат? — спрашивает Иван, — где он и где работает?

— Остался там в Финляндии, в родной деревне пастухом в доме богатея остался, — отвечает отец.

— Надо ему послать письмо.

Пишет Иван своему брату письмо:

«Как там, брат, живешь, где работаешь? Мы живем хорошо, добра вдвоем имеем».

Получает брат письмо, читает и посылает ответ:

«Живу попрежнему плохо, попал на голодные заработки и на такую работу, на которой не очень-то хочется работать, но все равно сумею я сделать так, что кому-то работа будет полезной, а кому и бесполезной».

Получают дома письмо, Иван читает и думает:

— Почему брат так пишет, что его работа кому-то будет полезной, а кому и впустую.

Хотели они было ответить на это письмо и спросить, почему он так написал, но в это время начинают финские господа, наши враги буржуи, лаяться на Советский Союз, наставили английские пушки на Ленинград. Один буржуй, бывший офицер русской царской армии — выскоченная собака финских буржуев, вскочил на пушку и спросил у других офицеров:

— Можно из этих пушек стрелять по Ленинграду?

— Конечно, можно, почему нельзя, — отвечали офицеры. И стреляли они по направлению к городу Ленина, хотели испугать Советский Союз.

Хотели они взять и нашу красивую Карелию, но рассердился народ Советского Союза, очень рассердился и пошел войной на врагов. Пошел на войну и брат Иван.

Однажды сидят бойцы в окопах и падает около них бомба, около брата Ивана падает, но не разрывается бомба. Идут они осматривать эту бомбу, а она расколс-

лась. Раскрывают бомбу, внутри нее находят записочку. Читает Иван записочку, а в ней написано:

«Я работаю на военном заводе, изготавливаю бомбы, но этими бомбами я не хочу убивать своих братьев. Таких бомб я изготовил больше сотни».

Иван узнал на записке почерк своего брата, и так он получил от брата второе письмо, после которого ему стало ясно, кому работа его брата пошла на пользу, а кому воуустую.

72. ДУМЫ О НОВОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Жила-была на родной земле одна старушка-вдовушка. Великая ее советская родина уже превратилась в богатую страну, во всех краях ее колхозы стали зажиточными, заводы начинали работать лучше, на тех заводах новые советские кузнецы тракторы для колхозов готовили. Да и старушку-вдовушку не забывали. Звали ее петь и сказки рассказывать о старой и новой жизни.

— Приезжай, старушка-вдовушка, в Москву, великую советскую землю посмотреть.

Во время той поездки высокие звезды московского Кремля старушке-вдовушке светили. И только вернулась в родную деревеньку старушка-вдовушка, как уже дикие немецкие псы начали топтать советскую землю, жечь постройки. Вместе со всем народом и старушка-вдовушка на время войны псехала вглубь России и работала там в русских колхозах.

Кончилась война против диких немецких псов. Вернулся народ обратно в разоренные деревни, ограбленные города. Вернулась на карельскую землю и старушка-вдовушка.

— Надо все застроить попрежнему, — толкуют в народе.

Начинает народ выбирать в Верховный Совет депутатов, чтобы они новую пятилетку составили, по которой можно было бы нашу землю попрежнему застроить.

Вместе со всем народом и старушка-вдовушка выбирала Куприянова в депутаты от Карелии.

— Пусть он новую пятилетку и для Карелии составит.

Живет в своей деревеньке старушка-вдовушка. Думает она:

— Надо съездить в город.

Наградили в городе старушку-вдовушку Почетной грамотой за новые и старые песни-сказки и пригласили ее на собрание ученых, на доклад Куприянова. Говорил Куприянов:

— По новой пятилетке в Карелии следует нам в городе большой железный завод построить для того, чтобы было вдоволь железа и для тракторов, и для новой карельской железной дороги. Около деревень Маньга и Гимолы¹ вдоволь железа в земле имеется; и будет в нашем городе большой завод, и будет в нашей Карелии всего вдоволь.

Слушая этот доклад, вспомнила старушка-вдовушка песни своего отца о том, как кузнец Илмойллине вековечное железо ковал. Похвалялся ее отец:

— Вдоволь имеется железа в нашей земле, в наших болотах и озерах. Уже при Петре Великом железо здесь поднимали, железные заводы строили и железо туда возили.

Упоминал и о том отец старушки-вдовушки, как однажды заболел Петр Великий. Пошел он тогда в то место, где теперь стоит деревня Дворец, и лег он там в теплую, живую воду и скоро выздоровел.

Вспоминала все это старушка-вдовушка, и после собрания карельских ученых поспешила она уехать в родную деревеньку и начала там в лес ходящим охотникам и рыбу ловящим рыбакам говорить:

— Ищите-ка вы в наших лесах и недрах, в огромных болотах и озерах такие места, где больше железа найдется для большого железного завода в городе. Когда начнут строить этот завод, будет у нас в Карелии жизнь во много раз лучше. А если заболеешь, так на старости лет пошлют тебя на курорт, строящийся около деревни Дворец, и как только ляжешь там в ту живую воду, в которой лечился Петр Великий, так быстро выздоровеешь.

Так и живет в своей деревеньке старушка-вдовушка, сети вяжет и сказки детям рассказывает.

¹ Маньга, Гимолы, Дворец — населенные пункты южной Карелии.

73. СКАЗ О СЫНЕ-ДОБРОВОЛЬЦЕ

Сначала мужа своего я в армию отправила,
А затем и сына вырастила я для армии.
И мысли дорогие на уме носил
Мой сыночек родной и ненаглядный мой, —
Очень грамотным ему тут захотелось быть.
Милый сын мой рос до девяти годов,
Галстук красный он носил на шее тоненькой,
А затем мой милый уголек с глазами-искрами
В комсомол записался он с товарищами.
Да и я, его родная мать, не отговаривала,
Ведь он сам умен, мой дорогой сыночек.
И скоро снова у него явились думы светлые,
Пришли на ум ему те мысли светлые,
И стал мой уголек спешить-готовиться,
И стал он думу думать раньше времени,
И собираться он в Красную командушку.
И охотно взяли милого сыночка моего,
Да и мы, его родители, не опечалились,
Даже за сыночка дорогого мы обрадовались,
Что годился он в те лучшие командушки.
В рекрутах наш сын не хаживал,
И не пьянствовал сыночек и не пил вина,
Он старался и все время о делах заботился,
И в кино наш уголек-сыночек всегда спешил,
Думал стать артистом дорогой сыночек.
И скучно не было при расставании сыночку милому.
И впереди его была дорога с вехами,
И потому без слез мы расставались,
И ведь хлеба вдоволь будет кушать он,
И одежды дорогие будет он носить.
И не надо ведь бояться сыну нашему,
Что наказывать его там станут розгами.
Проводила сына в Красную командушку,
И пошел служить он на красивые кораблики
И попал к Кронштадту знаменитому.
Не приготовили родному лежа каменного,
А приготовили ему кровать железную,
Постель просторную с пуховыми подушками,
И писем не писал со слезами он, искорка,
А посылал он весточки веселые,
Что дорогой наш сын уж командиром стал.

Три годика прошли для сына милого
Очень быстро, точно три месяца,
И не скучал наш сын в Красных тех командушках,
Лишь скучал, покинув Красные командушки.
И когда пришел домой наш ненаглядный сын,
Начал он рассказывать мне, матери,
Про свое житье-бытье веселое
И про лучшие свои денечки в армии.
И я, женщина простая, плакала от радости,
Слушая его рассказы интересные
И видя, что вернулся сытым и здоровым сын,
И оттого мне захотелось снеть про это все.

74. СКАЗ О ЛЕНИНЕ

Много в жизни было горяшка,
Много слез умчали реченьки.
Вспомнишь времечко то прошлое,
Было времечко неладно.
Жизнь тогда мне опостылела,
В годы юные цветущие,
То печаль была кручинушка,
Время темно, горька доляшка,
Как рабы мы жили в кабале.
Как все у нас переменилось,
Наяву мечты сбылись народные,
Да возшло над нами солнце красное.
На картинах вижу я тебя, Ильич,
Это ты нам создал счастье светлое,
Указал пути нам во все стороны,
И народ мой горяшка не ведает.
Дорогой наш да Владимир Ильич,
Ты один о бедных нас заботился,
А слова твои были праведны,
Принесли народу жизнь свободную.
Думал ты, Ильич, думу великую,
И что думал — все случилось.
Собирал друзей да воспитывал,
Как детей своих просвещал ты их.
А ведь времечко то было тяжкое,
Надо было жизнь-то перестраивать,
Создавать по-новому жизнь красивую,
А ведь были тогда цари державные,

Не добрыми глазами-то поглядывали,
Бросили тебя за замки железные,
Но дела твои были крепче тех замков,
Не сломили воли тюрьмы царские.
Ты боролся смело за права народные,
Создавал народу жизнь свободную,
Думал с ними ты думы лучшие.
Не померкнет слава никогда твоя,
Мы прославим все дела твои.
На пути твоём вставали враги,
Лиходейники проклятые,
То вредители, вроде Троцкого,
Оборвать хотели все великое,
Все, что добыто и завоевано.
Но разбил ты планы их коварные,
Одолел ты лиходейников.
И не раз еще следили враги,
За тобой, наш дорогой Ильич,
Словно змеи злые-лютые.
Ты срывал их замыслы коварные.
Вел своим путем ты верных спутников,
Не страшился горестей, ни трудностей,
Ты свернул буржуям головы проклятые
И украсил жизнь народу бедному.

75. ПАМЯТИ ЛЕНИНА

Что за силушка великая здесь собирается?
Очень важный появился здесь народушка,
Сквозь леса одежды теплые поблескивают.
Верно, гости это собираются московские?
Как в деревне появляются сыночки сытые,
Так словами ласковыми нас они приветствуют,
Питерскими чистыми подарками одаривают.
Что это за силушка, великая артелюшка?
Это — ленинские соколы, военные,
Это — Красной Армии сыны, народу верные,
Это — мир несущая народу сила славная.
Люд финляндский вызволять она собралася,
Мир нести народу финскому решилася,
Слово ленинское относить пошла.
Тридцать лет тому назад в лихое времечко
Ленин-вождь сказал слова те ласковые:

«Придет время, когда русские рабочие
Народу финскому принесут свободушку,
И тогда станут русские рабочие
Помогать трудящимся Финляндии!»
Эти ласковые слова ленинские
Тридцать долгих лет живут, не старятся,
И в будущем слова те жить останутся.
И в этих ласковых словах наш Ленин-вождь
Жить останется на веки-вечные,
Как и в прочих своих лучших действиях
Жить останется наш Ленин веки-вечные.
И как только люди собираются причитывать,
Что наш Ленин умер и покинул нас,
Так тогда мое сердечушко ретивое
Ни за что не хочет и поверить им,
Что никогда уж не услышим Ленина,
Что исчезли изречения бесценные,
Что остались мы, как зайчики-сиротушки.
И тогда я, ягодинка, отвечаю им,
Что не умер Ленин, дорогой наш вождь,
Что живет в делах былых и нынешних
По Советскому Союзу слава Ленина,
Что живет в счастливой жизни сталинской.

76. СКАЗ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Почему-то теплое красивое времечко
Погодою ненастной сменилось?
Не могли мы сначала, многобедные,
С ненаглядными детьми никак понять
Ту погодушку ненастную и мрачную,
Когда мы шли с командушкой родимой
На спешные колхозные работушки.
Еще у наших умных молодых ростков
На устах звенела песня русская, веселая,
Еще в нашей командушке родимой
Слышался напев наших карельских рун,
Когда, что пчелы, возвращались мы
Со спешных колхозных работушек
На двор чистый и в дома вымытые,
Около которых наши детушки
Соловьями-пташками разливались.
Но на этот раз было невесело,

Соловьи-пташки все разлетелися,
И суставы все на пальцах задрожали-то,
Когда мы посмотрели, многобедные,
Вместе с нашею родимою командушкой
На далекую сторонушку, на южную,
Как оттуда поднимались тучи темные,
Как из них посыпался железный град.
Вместе с умными ростками — с молодежью-то
Посылали мы наказ и вести верные
Нашим дорогим бойцам — сыночкам Красной Армии:
«Вы попробуйте-ка встретить тучи темные,
Если явятся на наш посев ячменевый
Тучи темные с артелюшкой поганой.
Вы постройте, счастливые сыны Красной Армии,
Стены крепкие острожные,
Чтобы враг не мог через них попасть,
Ни кругом обойти стены крепкие.
Если же пройдет артель поганая
Мимо этих стен острожных,
И проникнет на посевы конопляные,
Вы постройте, сыны Красной Армии,
Городские стены — крепости,
Чтобы враг не мог через них попасть,
Ни кругом обойти стены крепкие.
Если же и мимо них пройдут,
Если явятся враги на наш лазуревый двор,
Вы, милые сыночки Красной Армии,
Напустите на них воду ладожскую,
Пусть стоят там шесть недель
Шестиуклющинные вражеские суденышки,
Восемь недель — восьмиуключинные кораблики.
Тем временем хоть команды Красной Армии
Успеют ненаглядных всех наших сиротинушек
Отправить в более счастливую дороженьку.
Если через Ладожские воды переправятся
Тучи темные с артелюшкой поганой,
Если у мосточков наших деревень появятся,
Тогда вы, милые сыночки Красной Армии,
Ружья меткие с удалых плеч снимите-ка
И направьте эти ружья огнестрельные
На холодный берег — прямо в супротивника,
Чтобы из артели вредной и поганой
Пятьсот душ пало бы, шестьсот же — опрокинулось;

Когда под косяком наших дверей они появятся,
Дорогие вы сыночки Красной Армии,
Пятигранные мечи возьмите с пояса,
Чтобы из артели вредной и поганой
Пятьсот душ пало бы, шестьсот же — опрокинулось!»

* * *

Все же подлые холопы псов немецких здесь
Мимо Ладожского озера пробрались,
Все же перешла артель поганая
Через городские стены — крепости;
В Красной Армии родимых убивать стала,
Сиротливые деревни все сжигать стала.
Наш народ своими звала братьями,
Против русских стала восстанавливать.
И с командами родимой Красной Армии
На машинах сталинских, мимо едущих,
Отправлялись наши люди сиротливые
В длинную, но более счастливую дороженьку,
На сталинский и верный путь отправились;
Отвезли наших людей с детьми-росточками
К берегам большого озера, Онежского.
И поехали мы с дорогой командой детскою
Через озеро большое то, Онежское.
А поганая артель на сирот наших
Стала сыпать град железный с тучи темной.
В каждую минуту посреди сирот
Слезы лились, голос вопленицы слышался.
И тогда-то мы с сиротками все поняли,
Как мрачна эта погодушка ненастная,
И тогда-то у людей у сиротливых всех
На вершок рост поубавился.
Но попали мы в край далекий-то
И на спешные колхозные работушки.
И хоть жили мы в том далеком краю,
Но среди умных ростков — молодежи нашей
Веселые русские песни слышались,
Когда прогнали артель поганую.
И тогда мы, люди крестьянские,
Точно пчелы, в край родной — домой
Возвращаться собишались.
И теперь мы лучшее спасибо скажем

Нашему родному отцу Сталину
И нашей дорогой Красной Армии,
Что вернули они нас в край родной,
Жизнь былую довоенную по-старому —
Жизнь счастливую устанавливать.

77. О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Жили-были раньше люди,
Вдоволь горюшка видали.
При законах старых, царских,
Бедно жили здесь все люди.

При царе-то Николае
На богатых все трудились.
Наша молодость здесь вяла,
Кулаки нас угнетали;
Летом сутками кссили,
Гривенник платили в сутки.

Бедняки так с горем жили,
Не всегда им и платили,
Кулаки им говорили:

«Приходи, уплатим завтра!»
Восемнадцатый год грянул,
Стало слышно, как стреляют.
Мужики и говорят тут:

«Ведь из пушки там стреляют!»
На войне они узнали,
Как в бою стреляют пушки.
От народа весть приходит:

«Белыми взят Кангасярви!»¹
А из пушек все стреляют,
Наших красных убивают,
Чтоб границу передвинуть
И зажечь на наших землях.

В Эссойлу¹ пришли злодеи.
Мучает там красных белый,
К елям привязав спиною,
Босиком оставив красных,
Без одежды их оставив,
Чтобы жалили их шмели,
Чтобы жалили их осы.

¹ Кангасярви и Эссойла — населенные пункты южной Карелии.

Кровь из туловища каплет,
По ногам течет на землю.
Издевался Палосари¹:
«Войте, красные, кричите!»
На погост нагрянул белый,
Стал стрелять из пулемета.
Этот пулеметный стрекот
Слышен был верст за двенадцать.
Много крови белый пролил,
Убивал он много красных.
Он пошел на город штурмом;
И тогда решает Ленин:
«Надо встретить белых гадов
И подарочки послать им!»
Красные пошли навстречу
С грозными войны дарами.
Город брать собрался белый,
Но не взял и Сулажгору:²
Спешно в бегство обратился,
Не успел и оглянуться.

78. АНТИКАЙНЕН

Наших витязей народных
В теплый день на қосогоре
Принял Ленин, вскоре Сталин
Направлял героев славных
В дальний край, на крайний север.
Соловей был с голубями,—
То был славный Антикайнен,³
Был с командою военной.
Он скользил зимой на лыжах,
Он скользил по бездорожью,
По горам и по болотам,
По лесам, покрытым снегом.

¹ Палосари — белобандит времен гражданской войны в Карелии.

² Сулажгора — пригород Петрозаводска.

³ Тойво Антикайнен — легендарный герой карело-финского народа, разгромивший со своим лыжным отрядом в 1922 году под Кимасозером белофиннов.

По болотам гул проходит,
Вторит эхо за холмами,
И на лыжах Антикайнен
Вскоре в Реболы въезжает.¹
Труженик идет навстречу,
Антикайнен вопрошает:
«Где здесь белые засели?»
Труженик же отвечает:
«Здесь вчера они бывали,
Кое-кто в селе остался».
Едет славный Антикайнен
Через Реболы в деревню,
Белых он берет под стражу,
Всех с собой он забирает;
И на лыжах Антикайнен
Вновь скользит по бездорожью.
Было трудно пробираться,
В темень, долгими ночами.
Тучи их не задержали,
Буря нипочем героям,
Звери их не испугали.
Едет славный Антикайнен
К Кимасозеру² поближе,
Труженик идет навстречу.
Антикайнен вопрошает:
«Где здесь белые засели?»
Труженик же отвечает:
«В Кимасозере, у церкви,
Белые спой штаб открыли.
Офицеры там разжились,
Красных пленных караулят».
Въехал славный Антикайнен
В Кимасозеро на лыжах.
Соловьи тут засвистели,
Голуби в селе запели.
Звонко вскрикнул Антикайнен,
Гул прошел по всей вселенной.
Там откосы появились,
Тучи спрятались под ними,
Бури в недрах утихали,

¹ Реболы — село в средней Карелии.

² Кимасозеро — село в средней Карелии.

Звери в ямах оказались,
Под откос скатился белый.
И земля вся приподнялась,
Весь народ стал ближе к солнцу.
Потому героя имя
Чтит народ земли советской.

79. ЛЕНИН И СТАЛИН

Вот пришел к народу Ленин,
Власть советскую он создал,
От буржуев власть он отнял,
Передал он власть народу.
Толстопузые буржуи
Кулакам наказ давали:
Сжечь все хлебные запасы,
Заморить народ, чтоб голод
Им царя вернул обратно,
Власть буржуев с кулаками.
В городах не стало хлеба;
И тогда народ рабочий
Пробует ловить рыбешку
В мелкой городской речушке.
Нету рыбы в мутной речке,
Мрут уж с голоду детишки.
Вот со Сталиным наш Ленин
Вместе думу думать стали,
Как теперь нам жить и быть здесь,
Как от голода спастись.
Говорит вождю наш Сталин,
Перед Лениным он молвит:
«Кулаки Царицын-града
Обжираются все хлебом,
Хлеб они сжигают, портят,
Все мешки наполнив хлебом,
И амбары переполнив».
На царицынский фронт едет
Сталин, вождь родной, за хлебом
Для советских городов всех,
Кулаки чтоб не сжигали
Хлеб царицынский со злобы.
Жеребца уж запрягают,

Золотой взнуздав уздечкой,
Сбруей золотой покрывши,
Сани пестрые скрепляют
Копылочками из меди.
Богатырь удалый русский,
Наш Василий, малец-искра,
И кузнец с ним Ильмойллине
В путь со Сталиным собрались.
Им кулак идет навстречу,
И ломает он им сани.
Говорит кузнец карельский:
«Это нас не остановит,
Сделаем другие сани,
Сделаем мы крепче прежних,
Чтоб кулак не мог испортить,
Тех саней сломать не мог бы».
Едут, едут, поспевают,
Под Царицын к фрон у едут.
Говорит народ советский
Сталину, вождю родному:
«Не успели сжечь злодеи
Хлеб царицынский в амбарах».
Отдает то хлеб наш Сталин
Всем трудящимся советским...
И теперь спасибо скажем
Партии, советской власти,
И пошлем мы благодарность
Сталину, вождю родному:
Он прогнал буржуев, голод,
Отстоял он власть Советов,
И советскому народу
Жизнь счастливую устроил.

80. О ТУНГУДСКОМ «ЦАРЕ»

Мне пора запеть здесь песню,
Рассказать о многом надо!
Я спою о лже-Вейнеме,¹

¹ Вейнемейнен — так назвал себя тунгудский кузнец Сидоров, один из организаторов белофинской авантюры в Карелии в годы гражданской войны; Тунгуда и Сапосальма — села северной Карелии.

О тунгудском кулаке.
Он писал из Сапосальмы,
Сапосальминским бандитам:
«Не пора ли нам, ребята,
Всем купчинам бунтовать.
Не желаем оставаться
Под советской властью красных,
Средств и силы нашей хватит,
Чтобы свергнуть эту власть.
Три ружья уже имею,
Я припрятал их на случай,
С ними смело я сумею
Нападать и убивать.
Не пройдет и две недели —
Выгоним отсюда красных.
А на две недели вдоволь
Хватит хлеба здесь вполне».
Кулаками Сапосальмы,
Марк «царем» провозглашен был,
Сняли френч с милиционера,
На «царя» его надели.
«Царь» тому милиционеру
Выколол тогда глаза.
Мучал Марк милиционера
В Сапосальме трое суток,
Наконец, совсем замучив,
Приказал убить его.
И направился он к Ухте,
Походил бандит на лыжах
По лесным карельским тропам,
В Чижму «царь» тот приходил.¹
Вечер в Чижме он устроил,
Пировали, танцевали
Кулаки до поздней ночи,
Распивали здесь вино.
Марк хвлялся перед ними,
Как разбойник оголтелый
Перед шайкой опьяневшей
О разбойничьих делах.
Поздно ночью собирает
Всех бандитов он в дорогу,

¹ Чижма и Ухта — населенные пункты северной Карелии.

Ружьями вооружает
И читает им приказ.
Забрались ночью в Ухту,
По селу стрелять тут стали,
И заплакали хозяйки,
Выбежав из изб своих.
Эти выстрелы услышал
Симон, ухтинский купчина,
Побежал он спешно к Марку
И приветствовал его:
«Ждал тебя давно я в Ухту,
Дам тебе людей на помощь,
Уничтожим мы скорее
Власть советскую с тобою».
Страшный слух разнесся скоро:
«Марк пришел из Сапосальмы,
Чтобы власть купцов воздвигнуть,
Чтобы красных победить».
Расправлялся Марк жестоко
С теми, кто к нему попали,
В плен забрал с собою женщин,
Мирные дома сжигал.
В дом пришел тост Марк коварный
К матери милиционера
И жестокую расправу
Над старухой учинил.
Мать спросила: «Где Василий?»
«Царь» сердито отвечает:
«У березового мыса.
Скоро он домой приедет».
Увидала мать на Марке
Френч Василия надетый,
И заплакала старушка,
Слезы катятся ручьем.
Прибежал тут в дом и Симон,
И спалить избу старухи
Порешили они с Марком.
Марк у Симона спросил:
«Слышно ли чего о красных?»
Симон Марку отвечает,
Что в Вокनावолок сегодня
Ночевать они придут.
Марк бежит к большому камню,

Жертву чтоб подкараулить,
Притаился Марк за камнем,
Словно волк на берегу.
И, опасности не зная,
Шли товарищи на лыжах,
Они весело скользили
По весенней глади льда.
Только с камнем поровнялись —
Негодяй по ним дал выстрел,
А за ним другой и третий,
Он товарищей убил.
Вечером Марк был веселый,
Ходит взад-вперед по полу,
Как злодей, собой довольный,
Ухмыляясь, говорит:
«Бог в делах нам помогает,
Нам уж нечего бояться,
С неприятелем покончим.
Остальное не беда».
Тут же двое негодяев
Всю свою собрали нечисть,
С керосином четвертную
Взяли в кошеле с собой.
Прибежали вновь к старухе,
Дом облили керосином.
«Домик мой не поджигайте! —
Так взмолилась им старушка: —
Где под старость проживу я,
Если вы сожжете дом мой?»
Симон ей тогда ответил:
«Раз твой дом имеет цену,
Значит надо сжечь скорее».
Подожгли его бандиты,
И сгорел старушкин дом.
В тот же вечер порешили
Двигаться на Тикшезеро.¹
Ночью банда шла на лыжах
Злодеянья совершать.
А когда туда явились,
Никого там не застали,
Это храбрости придало.

¹ Тикшезеро — населенный пункт северной Карелии.

Но ждала их тут беда:
Красные пришли в деревню,
И пришел конец тут Марку,
Самозванцу старцу «Вейне»,
И бандитской своре всей.

81. БОРЬБА ЗА ВИДЛИЦЫ

Белофинские бандиты —
В Видлицы враги вступали;¹
Коммунисты той деревни
Собирались к церкви сельской,
За глухой стеной из камня.

Белофинские баниты
Церковь минами взрывали
И из пушек в цель стреляли.
Мучали они партийцев,
Ямы рыть их заставляли,
На краю могил казнили.

«Эй вы, палачи народа,
Прямо в грудь вы нам стреляйте;
Пусть падем, но власть Советов
Не сломить вам, супостатам!»

Дорогой же вождь наш Сталин
Крепко помогал карелам:
Он матросов к нам, героев,
Посылал на миноносцах.
Миноносцы наступали,
Финский транспорт разрушали.
Толстопузые спешили,
На машинах удирали.
Да не выехать далеко —
На версте от Видлиц третьей
Стали в них стрелять матросы —
В белофинские машины.

Побросав все на дороге,
Враг без шапок убегает.
Так родной наш Сталин выгнал

¹ Видлицы — село в южной Карелии, с которым связана яркая страница из истории гражданской войны в Карелии, когда, по инициативе тов. Сталина, были разгромлены белофинны на северо-восточном берегу Ладожского озера.

Из Карелии бандитов.
И послал народ карельский
Сталину привет горячий.

82. ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Славный богатырь родился,
Вырастал герой отважный,
Мы его не знали раньше
И совсем не угадали,
Что родился муж великий,
Вырастал отец наш Сталин.
Благо он принес с собою,
Лучшие порядки создал,
В руки взял бразды правленья,
Твердо принялся за дело
Низверженья царской власти;
Устраняя самодержца,
Он изгнал все злые силы
Из державы нашей русской.
Он собрал весь люд бедняцкий,
Устранил всех богатеев
Из державы сильной, прочной,
От земель всех наилучших.
Он собрал народ на сходку,
Произнес там речь большую,
Высказал такие мысли,
Что довольны стали люди.
Он слова такие молвил:
«Стройте-ка дома большие,
Создавайте вы колхозы».
Начали трудиться люди
И в артели записались.
Вот тогда наш верный братец,
Мудрый сын земли российской,
К нам коня прислал на помощь,
Что рожден не от кобылы,
Не от лошади обычной,
А у кузнеца в горниле:
Ильмаринен изготовил,
Молотками ударяя
По железной наковальне,
Из железа сделал ноги

И из стали стан лошадки.
Из ноздрей огонь был виден,
А из пасти искры взвились;
Отвели его в колхозы
И оставили в артелях.
Тракторист, прилежный парень,
Всех машин знаток отличный,
Запрягал коня стального,
И пахать конем принялся,
Землю бороздить он взялся,
Все межи вспахал прилежно,
Взбороздил колхозам землю,
В сторону отбросил камни,
Пни раскорчевал, отбросил,
Так он поле обработал,
Землю гладкую с суглинком.
Урожай весьма хороший
Получился на том поле,
Вырастал овес прекрасный,
Рожь богато уродилась,
И ячмень явился славный,
Пищи всем хватало вдоволь,
Было кушаний в достатке
У людей в столовых общих.
Так зажили все в артелях.

83. ПЕСНЯ О ВОЙНЕ 1939—1940 гг.

Суоми войной собралась,
Финны в битву устремились,
На Россию нападали,
На могучую державу,
Чтоб забрать леса густые,
Строевой наш лес похитить.
Витязи у нас в избытке,
И военные герои
Против белых выступают,
Победить врагов стремятся.
И нарком наш Ворошилов,
Сталинский герой военный,
Сыновей послал сражаться,
Посылал мужей с мечами.

С саблями героев славных,
Сбруя у коней сребрится,
Блещут медные подковы;
Поезда послал на север
По дороженькам железным,
По стальным путям катиться.
По шоссе бегут машины,
Мчатся танки по болотам;
Посылал он птиц железных,
Что летят под облаками,
А под птицами колеса,
И внутри гудят моторы.
Птицы те несут яички,
Но не птичьи это яйца,
Не гусиные те яйца,
Вылиты из стали яйца,
Из металла те яички.
Птицы-соколы летели,
В небе те орлы парили,
И на запад улетали,
И на север прилетали,
Возвращались к нам обратно,
Там, в Финляндии, побывши.
И по северным просторам
Вдоль и поперек летали,
И осматривались птицы,
Клади огненные яйца,
Из свинца большие бомбы.
А вдали металла отблеск
И резиновые стены
(Это Выборг был там виден);
Рвались огненные яйца,
Из свинца большие бомбы,
Падая из поднебесья,
Из-за темных туч на землю;
И резиновые стены,
И металл — все разлеталось.
Так-то поврежден был Выборг,
Штурмом взят огромный замок.
На дороженьках железных
Поезда остановились,
И машины не сновали.
Узник увидал свободу,

И рабы на ноги встали.
Из темницы славный Тойво
Антикайнен появился,
В заключении сидевший
В камере у белофиннов.
Сокрушались белофинны,
Маннергейм был опечален:
«Выборг перешел к России,
Древний город превратился
Для Карелии восточной
В лучший город Калевалы!»
И обрадовались люди,
И народ весь веселился,
Радовались все мужчины,
Женщины смеялись звонко,
Им победа улыбалась.

84. ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.

Птицы с запада летели,
Вороны — с чужбины дальней,
Коршун — из земель немецких.
Сел он на Онежский берег,
Над самим Петрозаводском,
Над тем городом красивым
Бомбы стал бросать стервятник,
Посылал стальные пули
Сверху вниз из поднебесья,
Из-за темных туч свинцовых
Поливал дождем железным...
Наши храбрые герои
Врукопашную схватились
С ратью вражеской; противник
К пригороду отступает;
Уходя, сжигал заводы,
Разрушал прекрасный город,
Он спалил там много улиц,
Магазины все ограбил,
Все красивые постройки,
Лучшие дома, квартиры;
Осуждал людей невинных.

Истязал детей и женщин,
Пес кровавый многих ранил,
Всех людей советских наших
Покорить хотел навеки.
Временно он занял город,
Голодом морил рабочих,
Убивал нуждой и гнетом.
Плакали, нуждались люди,
Умирали все больные;
Власть ужасная губила
Всех людей и всех героев.
Вот на дальнем горизонте
Красный флаг наш появился,
Это все герои наши,
Красной Армии сыночки.
И Петрозаводск от финнов
Храбрые освобождали,
И из пушек постреляли,
Из винтовок, автоматов.
И подавлен был противник,
И освобожден наш город.
«Понял ли наш враг, противник,
Угадал ли он, изведав
Силу русскую большую,
Мудрость Сталина родного,
И попарился ли вдоволь
В нашей бгне наш противник?»
Вражьи рати побежали
От «Катюш» и от «Андрюш»,
От оленей благородных,
Красной Армии героев.
Кое-кто в плену остался
Из разбитой вражьей рати.
Строить город их заставим!
Вот уж город лечит раны;
Все красивей становился,
Восстанавливался город;
В магазинах есть товары,
И столовые открылись,
И заводы задымили,
Жизнь налаживалась бурно;
Время мраиное уходит,
И нужда уж исчезает.

85. ПОИМКА ШПИОНА

Три охотника однажды
Повстречали незнакомца,
И охотники спросили:
«Чей такой, скажи, ты будешь?»
Человек им отвечает:
«Дед мой близко похоронен,
Вы мне родственники тоже;
Где-то здесь могила деда,
Там поставлен крест железный».
Тут охотники смекают:
«Обмануть прохожий хочет:
Он прошел через границу
И наверное шпионит».
Громко тут заговорили
И прохожего забрали:
«Не родня ты вовсе наша,
Ты родня, быть может, волку,
Как вредят хозяйству волки,
Так и ты хотел бы сделать».
Взяли крепко незнакомца:
«Поведем, куда не хочешь!»
Повели его — да прямо
На советскую заставу.

86. ОТ СТАЛИНГРАДА ДО БЕРЛИНА

Как кователь вековечный
Ильмойллине, так и новый
Наш кузнец земли советской
Принялся ковать железо.
Выковал он плуг железный,
Скоро трактор изготовил
Для людей земли советской,
Для полей больших, колхозных.
Но явился зверь фашистский,
Жизнь колхозную расстроил,
Все добро хотел расхитить,
Захватить желал все земли,
Сжечь хотел постройки наши,
Умертвить людей советских.

И тогда кузнец советский
Взял ружье себе на плечи
И пошел он в добровольцы,
В Красной Армии сражался.
Не хотел в звериных лапах
Оставлять родные земли...
Русский фронт остановился
Под великим Сталинградом.
И кузнец тогда припомнил,
Как Царицын защищали,
Как из города на Волге
Вырос Сталинград великий.
И собрал народ все силы
В Красной Армии сражаться,
А кузнец земель советских
Делал самолеты, танки.
В наступление собрались
Красной Армии солдаты,
И герои Сталинграда
До Берлина наступали.
Вновь собрались все люди
В разоренных деревушках.
Все дома, конюшни, склады.
Восстанавливают люди.
День Победы приближался,
Праздник наступил великий.
И на радостях народы
Сталину шлют обещанье:
Жизнь счастливую наладить,
Вновь за труд колхозный взяться.

87. СТАЛИНУ

Было времечко лихое,
Что народ весь вспоминает:
Всюду тучи поднимались,
Разразясь железным градом;
Слал Деникин град железный
На Царицын — славный город,
Пожелав железным градом
Уничтожить славный город.
Ветер бушевал повсюду,

Волны по морю гуляли.
Волны Ладожского моря
Берег Видлицкий разбили.
Видлицкий погост хотели
Вражеские волны сдвинуть...
Солнце красное поднялось
Над столицами большими.
Тучи темные рассеяв,
Град железный уничтожив.
Светоч солнца, ясный сокол
Радость приносил народу,
Вождь великий, ясный сокол,
Нас на верный путь направил...
И по верным тем дорогам
Быстро движутся машины,
На машинах тех мы едем
Посмотреть Москву родную.
И в Москве-столице славной
Солнце светит нам повсюду,
Под Москвой, в метро обширном,
Нам навстречу солнце светит.
Светлые в метро вокзалы,
Стены в них блестят, как иней,
Чистым воздухом мы дышим.
Поезд мимо нас несется,
И на поезде мы едем,
Точно коммунизм встречаем.
Вождь наш и отец наш Сталин
Нам в Москве идет навстречу:
Сталина мы в каждом деле,
В каждой мелочи встречаем.
На огромных наших стройках
Солнце из Кремля нам светит.
И у стен кремлевских древних,
Тысячу годин стоявших.
Ожидаемый и близкий
Зреет коммунизм грядущий.
Звезды на Кремле сияют
Очень ярко и красиво,
К Сталину идет под ними
Весь Союз республик наших.
Вождь наш и отец наш Сталин
Путь крепит социализм.

И народ советский всюду
С радостью его встречает.
Мы, сказители Советов,
Лишь вперед идти желаем.
Красной Армии сыночки —
С пулеметами и пушкой,
Мы — сказители Советов —
С песней и былиной звонкой.
Сталину — отцу родному
Долголетия желаем.

88. О НОВОЙ ЖИЗНИ

Женщины припоминают
Жизнь былую без отрады:
Печи черные в избушках,
Трубы длинные на крышах;
На плечах у всех одежда
Из холстины домотканной,
Обувь — из бересты лапти;
На пожоге все трудились,
Огораживались люди...
А теперь смотрите — чудо:
Трактор пашет наши нивы.
Все колхозники трудятся,
И колхоз наш богатеет.
Раньше здесь дороги были,
Точно муравей их сделал,
А теперь везде дороги
Широки, чисты и гладки.
И по этим-то дорогам
Едут люди на машинах,
Над землей счастливой нашей
Самолеты пролетают;
Нашим летчикам советским
Мы спасибо посылаем,
Благодарности достойны
Наши соколы родные.
Если б грамотна была я,
Сталину бы написала
Буквами да золотыми,
Серебром слова покрывши.

Даже сном^т моим владеют
Ленин и товарищ Сталин,
Не могу забыть их лица,
Днем и ночью вспоминаю, —
Светлым днем и в темень, в сумрак.
Вечно взор мой просветляют.
Сталин, наш отец родимый,
Приезжай смотреть — к нам в гости —
Как живут колхозы наши,
Как проходит сплав на реках,
Как работаем мы дружно,
По-стахановски трудимся...
Эту песенку я спела,
Над другой я думать стану,
А тебе желаю, Сталин,
Долголетия и счастья.

89. ХОЧУ ВОСПЕТЬ

Я в Карелии родилась —
В маленькой своей избушке,
В волости Вокнаволоксской,
А в деревне Ладвозерской.
Родом я из Перттуненов,
Руну я сложить собралась;
Песни я пою отлично,
Безупречно их пою я
Для людей страны советской,
Чтоб дышал весельем вечер,
Был бы радостным день завтра.
И еще хочу воспеть я
Труд колхозников артельный,
Труд карельских лесорубов.
Поднимаются колхозы,
Труд машинный применяют,
И на заготовках леса
Применяются машины.
Трактор движется повсюду,
Точно черный конь из сказки,
Из ноздрей сверкают искры.
Точно дым, дымится грива.

90. О ПОЕЗДКЕ В МОСКВУ

Кое-где огни мерцали
В засыпающей деревне,
Из Вокнаволока в Ухту
Повезли старушку Ремшу.
Посадили на машину —
Небольшая то тележка,
И колес всего четыре, —
В Кемь же в пять часов домчала.
Вот железная дорога —
Едем здесь еще быстрее.
На руках билет, на месте
Я сижу весьма удобном.
И часов через двенадцать
Были мы в Петрозаводске.
Не пешком плелась я в город,
Не на лошади тащилась,
Все там было по-иному,
Мой извозчик был особый:
Руль в руках его — не вожжи,
Правит быстрою машиной.
Привезли меня с почетом,
Посадили в ресторане.
Стол лэмился от закусок,
И вино сверкало в рюмках.
Не напрасно просидела
Я в богатом ресторане:
Я пила вино, что стоит
По червонцу за глоточек.
А на вечере в театре
Пригласили вверх подняться,
Дали лучшее мне место,
И товарищи просили:
«Спой нам песни «Калевалы»!
И с охотой я запела,
Мой язык не заплетался...
Все товарищи сказали:
«Поезжай в Москву ты, Ремшу!»
И, подумавши немного,
Я ответила: «Преду,
Мне на склоне лет приятно
Побывать в Москве-столице.

В Ленинграде мимоходом
Мы в кино зашли сначала,
А потом смотреть ходили
Мост чудесный, мост советский.
А в Москве я, первым делом,
Попросила показать мне
Знаменитую могилу,
Где лежит великий Ленин;
Увидала мавзолей я,
И представилось мне ясно,
Что лежит живой там Ленин,
Дорогой Ильич не умер...

91. МОЛОДОСТЬ

Говорить о днях веселых
И о молодости буду.
Дни работаем в колхозе,
Вечерами в клуб заходим.
Там у нас гармонь играет.
Там у нас всегда веселье:
Парни, девушки танцуют,
Старые сидят и смотрят,
Смотрят, меж собою судят:
Любят ли девчат ребята?
Любят ли ребят девчата?
А когда гармонь замолкнет,
Все тогда идут из клуба,
И свободно песня льется,
И у всех легко на сердце.
Девушки и парни вместе,
Им неведомо, что раньше
Парень с девушкой не смели
Вместе петь, играть, как нынче.
А теперь другое время:
От твоей заботы, Сталин.
Зажилось нам веселее,
Молодым ты дал дорогу.

92. О СТАЛИНЕ

Запою я песню вам
Старым своим голосом
О дорогих учителях
Ленине и Сталине.
Вот пятнадцатый уж год
Нету с нами Ленина,
Нам вождя оставил Ленин —
Дорогого Сталина.
А раз Сталин мудрый с нами, —
Хорошо живется,
Потому на старости
Песня звонко льется.
Раз артели созданы —
Лучше жить крестьянину,
И работа спорится,
И старость обеспечена.
А на поле трактор пашет,
Пять борозд ведет он враз,
На земле артельной нашей
Труд стал радостью для нас.
Потому и весело,
Что работе каждый рад,
И колхозники за счастье
Сталина благодарят.
А как вспомнишь прошлое —
Жил народ не в радости,
А в работе да в беде,
В тяжелой доле и в нужде.
Лошадьми да сохами
Лишь богачи работали,
А бедняки — мотыгой,
Ели хлеб с мякиною.
Выйду к Куйтто-озеру,
Слезы с глаз покатятся;
Тут мертвели рученьки,
Уставали плеченьки,
А теперь, при нашей власти,
Нас мотор перевезет,
Гресть не надо, как бывало,
С песней сядешь — повезет.
Хоть и ветер встречный дует,

Волны больше не страшны,
И народ сидит не тужит,
Песни радостью полны.
Еще спасибо Сталину
За шоссе с автобусом:
До Кеми-то на машине
За восемь часов доедешь.
А как прежде мы ходили,
Хлеб в Кеми искали,
По порогам две недели
С горем добирались.
По три фунта приносили
Хлеба мы домой всего.
Так мы впроголодь и жили,
Без приварка ели хлеб.
Власть советская родная
Разбудила разум наш —
Легче нам работать стало,
Лес на стройку мы даем.
Мы работаем ударно
И трудом довольны —
День рабочий семь часов,
А потом свободны.
И кушанья готовые —
Есть для нас столовые,
А почитать захочется —
Есть изба-читальня.
И школы всем открытые,
И дорога к знанию, —
Все молодые учатся,
Учатся и взрослые.
Дети в школу бегают
По мосту дощатому, —
Раньше они бегали
Грязною дорогою.
Взглянешь прежде на небо —
Птицы лишь одни парят,
А теперь посмотришь ввысь —
Самолеты там летят.
При теперешней-то власти
Все мы видим, слышим,
О всех событиях узнаем,
По радио услышим.

А вечером идем в кино,
Чтоб увидеть Сталина,
Посмотреть на славного
На нашего Папанина.
Весело всем молодым,
Старым жизнь красивая,
И со сталинским законом
Жизнь для всех счастливая.
Время горькое прошло,
Вспоминать не надо,
Счастье жить в колхозе нам,
Трудиться вместе рады.
Не напрасен труд теперь —
Зажиточными стали,
Потому что вражью нечисть
Прочь с пути изгнали.
Благодарна я за это
Дорогому Сталину,
Счастье жить в Стране Советов
Для народа нашего.
Если б мне такое счастье,
Да в Москву попала бы, —
Мавзолей бы увидала
Ленина великого.
Ну, а если б повстречала
Я вождя любимого,
Много разных рун и песен
Спела бы я Сталину.
Много песен спела бы
Я о жизни радостной
И помолодела бы
Да на целых двадцать лет.

93. В КОЛХОЗАХ СПОРИТСЯ РАБОТА

Потому теперь в колхозах
Наша спорится работа,
Что бедняк не ходит, плача,
К богатею на работу.
Потому у нас в колхозах
Хорошо живется людям,
Что отсутствует угроза
В рабство обратиться людям.

Потому на свете раньше
Грамоте нас не учили,
Чтобы наш народ бедняцкий
Не обрел в познаниях силу.
Потому на свете раньше
Бедный люд не просвещали,
Чтобы тяжесть царской власти
Бедняки не низвергали.
Потому теперь богатый
Косо смотрит на рабочих,
Что рабочий люд бедняцкий
Взял себе бразды правленья.
Потому теперь народ наш
Всем вождям шлет благодарность,
Что рабочий весь народ наш
От нужды освободился.
Тысячу больших спасибо
Сталину мы шлем родному,
Что освободил народ наш
От работы на богатых.

94. ПЕРВОЕ МАЯ

Снова год ушел в былое,
Дни весенние настали,
Наступил великий праздник,
Первомайское веселье.
Утро майское явилось,
Первый май сюда приехал,
И настало время сеять,
Выезжать в поля родные.
Ждали люди урожая,
Вся огромная Россия
К лету красному стремилась.
Ждал весны Союз Советский.
Трудовой денек кончался,
Время отдыха настало,
Вскоре трубы затрубили;
Медный барабан сверкает,
Люди песню запевают
И на кантеле играют.

Звукам кантеле внимает
Весь народ Страны Советов,
И такой игры чудесной
Там никто не помнил раньше.
Эхо по всему народу
Звуки кантеле разносит —
По полям земли советской,
По полянам Калевалы.
Каждый бор — огромный город,
На болотах же — деревни.
Где лишь птицы раньше нелли,
Там теперь воркуют девы,
Стайки девушек щебечут,
С ними воины толкуют —
Красной Армии солдаты.
На дворах цветут садоочки,
Зеленеют островочки.
У буфета красный воин
Девушек всех угощает.
Тех солдат число большое
Охраняет нашу землю.
Бдительно и неподвижно
На чеку стоят солдаты,
Чтобы беглецы не скрылись,
Чтоб шпион не появился
В край родной незваным гостем
Отравлять великий праздник.

95. С НЕМЦАМИ ВОЙНА КОНЧАЛАСЬ

О, мой дом родимый отчий.
Земли лучшие на свете!
О, поля, дуга и нивы,
О вы, рыбные уголья!
Рыба очень расплодилась,
Много рыбы появилось.
Братья без сетей сидели
И по рыбе все скучали.
Немец сжег рыбачьи снасти,
Затоптал рыбачьи сети,
В пепел обратив жилища,
Искрами рассыпав села.

У утеса ворон каркал,
Около развалин дома.
Села все осиротели,
И жилища опустели.
Враг четыре года рыскал
По окопам, по траншеям.
Наконец, печаль большая
Охватила белофиннов,
И возмездье их настигло —
Победила их Россия.
Начали они тут думать:
«Заклучимте мир с Россией,
Будем жить в согласьи добром,
Жить с Карелией в соседстве!»
С немцами война кончалась,
И исчез у немцев Гитлер.
Победил народ наш немцев,
Зло великое низвергнув.

96. НЕ ДЛЯ НЕМЦЕВ НАШИ ЗЕМЛИ

Множество мужей собралось,
Множество героев храбрых,
Чтобы победить германцев
Неприятельские силы.
Славный друг наш и учитель,
Мудрый вождь земли советской,
В бой повел полки героев,
Воинов направил в сечу,
Армией распоряжался.
Меч у каждого героя,
Конь оседланный под мужем,
Конь с серебряной уздечкой,
Жеребец с подковой медной.
Наши храбрые мужчины,
Красной Армии герон
Прямо на войну спешили,
В битву грозно устремлялись,
Чтобы, Гитлера за глотку
Взяв, живот вспороть мерзавцу.
Не для немцев — наши земли,
Не для них — леса густые.

97. О ВЕСЕННЕМ СЕВЕ

Вот уже колхозы наши
Сев весенний начинают,
Удобрение на поле
Лошади везут возами.
Взяли новые машины,
По полям гуляет пахарь,
Быстро вспахивая нивы,
Бороздит он новым плугом.
Сев весенний приближался,
День посевов начинался,
Красная весна настала,
Время милое шагало;
На земле весь снег растаял,
Лед исчез с озер и речек,
И земля вся почернела,
Все лужайки зеленеют.
В землю овощи сажают,
Семена на нивах зреют.
С радостью встречают люди
Отступление печалей,
С песней на поля собрались,
Веселятся все на нивах.
Будет урожай огромный,
Ждут его все с нетерпеньем.
И надежды зародились
У людей на жизнь с достатком:
Грянет лучшая година,
Время милое шагает.
Целых пять лет отдыхали
Все поля и нивы наши,
Их давно уж не пахали,
Их давно не боронили.
А теперь их вспашут кони,
Ведь недаром за коней тех
Тысячи рублей платили.
Целину конем поднимем,
Взбороздим всех змей на нивах,
Изгороди из железа
Изготовим, чтобы гады
Ниву нашу не топтали.

98. О, ВЕЛИКАЯ ОТЧИЗНА!

О, великая Отчизна,
Наша гордость, честь и слава.
О, наш вождь великий Сталин,
Вам спасибо посылаю,
Вам привет словами руны!
Помню я былое время,
Век насилий, угнетенья,
Царской власти гнет жестокий.
На земле обширной русской
Все хозяйство обнищало
И культура не заметна.
Время шло, лета летели,
Годы чаяний катились,
Век несчастный изменился,
Отодвинулся назад он.
Буря на Руси поднялась,
Резкий ветер разыгрался,
Власть царя он уничтожил.
Продолжал народ трудиться,
Стал искать свое он счастье
На своей земле могучей,
В государстве всенародном.
Ставил четкую задачу,
Твердый путь себе наметил
Наш народ, народ советский;
Здесь людей не угнетают,
Бедный люд не унижают.
И мечта тут стала былью,
Все надежды оправдались,
Дружбой связаны народы,
Стали братьями все люди.
Твердую найдя основу,
Власть советская все крепла,
План обширный зарождался,
Пятилетки появились,
Что перерождали землю,
Укрепляли государство,
Поднимали производство.
Тут вожди земли советской
Перед Сталиным великим,
Перед мудрым совещались

И народу разъясняли,
Сообща все обсуждали
Сталинской и всенародной
Конституции проект наш.
И трудящиеся люди,
Основной Закон принявши,
Повсеместно объявляли,
С радостью все одобряли.
В том законе отразились
Дружба всех народов наших,
Право всех людей трудиться,
Отдыхать и просвещаться.
Труд везде стал делом чести —
У народов всех советских;
И для нашей молодежи
Путь в науку открывался.
Право выборов свободных
У мужчин и женщин наших,
У советского народа
Есть и будет равным, тайным.
Власть народ осуществляет
Через депутатов наших
И от имени Советов.
Нет другой земли подобной;
Нет обширней стран на свете,
Нет красивей и дороже
Родины Советской нашей.
Все народы уважают
Тех, кто трудится прилежно,
Обеспечивая счастье
Для людей державы нашей.
От потомков всех Калевы
Благодарность мы приносим
Брату — русскому народу.
Шлем приветствие от сердца
Сталину — вождю родному.
Мир он людям обеспечил,
Все границы успокоил
И свободу обеспечил
На дворах страны Похьолы,
На дубравах Калевалы,
В дорогом Карельском крае,
На земле широкой русской.

СКАЗИТЕЛИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В СБОРНИКЕ

(В скобках даются №№ произведений в сборнике)

Ананина Ксения (10—11)

Родилась в 1876 году в селе Кимасозеро Ругозерского района Карело-Финской ССР. Будучи очевидицей Кимасозерского сражения между отрядом лыжников Интернациональной школы и белофиннами в 1922 году, сказительница сложила незадолго до Отечественной войны руну о командире красных лыжников Тойво Антикайнене, но рукопись этой руны погибла во время войны. Колхозница К. Ананина знала множество народных песен, рун, сказок. Умерла в 1942 году.

Брендоев Михаил (69)

Родился в 1872 году в селе Свитозеро Пряжинского района Карело-Финской ССР. Знал до 25 сказок на разные сюжеты.

Воронова Анастасия (60, 61)

Родилась в 1883 году в дер. Ронь-наволоок Ведлозерского района Карело-Финской ССР. Интересна как сказочница, рассказывающая на карельском языке русские былины.

Гаврилова Екатерина (1, 52, 53, 66, 81)

Родилась в 1888 году в селе Видлицы Олонецкого района Карело-Финской ССР. Крестьянка-беднячка, она усвоила свои песни и сказки от родителей и соседей. Во время Видлицкой трагедии в 1918 году белофинны убили ее мужа — красного партизана. В колхоз вступила в самом начале коллективизации. При-

существовала на Петрозаводской конференции сказителей в 1939 году. Гаприлонд сложила ряд новых произведений на советскую тематику. Отдельные записанные от нее песни публиковались в разных периодических изданиях и книгах. Годы Отечественной войны проводила в эвакуации и после возвращения в родную деревню активно принялась за восстановление родного колхоза.

Елизарова Мария (6, 67)

Родилась в 1889 году в селе Панозеро района Калевалы Карело-Финской ССР. Знает предания, сказки, эпические песни.

Иванова Парасковья (20, 23, 73, 88)

Родилась в 1889 году в дер. Посад Ведлозерского района Карело-Финской ССР. Ее муж до Октябрьской революции был взят в царскую армию, ватом добровольно вступил в Красную гвардию, позже служил в пограничных. Сын сказительницы в 1931 году добровольно ушел на флот. Сыновья и дочери сказительницы участвовали в Великой Отечественной войне и награждены орденами и медалями.

Крестьянка-колхозница Иванова создала ряд новых песен в плacheй. Участвовала в Петрозаводской конференции сказителей и в 1939 году и, после возвращения из эвакуации, в республиканском смотре художественной самодеятельности в 1946 году.

Исаков Андрей (56—58)

Родился в 1888 году в дер. Чинозеро Петровского района Карело-Финской ССР. Крестьянин-бедняк, усвоил сказки от своего отца и на лесозаготовках в южной Карелии, пользовался большой популярностью, как мастер рассказывать сказки. Во время первой мировой войны был ранен. После Октябрьской революции работал на разных строительствах и лесозаготовках. Награжден ценным подарком за поимку шпиона. Ездил в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, после чего сложил новую сказку на советскую тематику.

Коргуев Матвей (5)

Родился в 1872 году в селе Кереть Лоухского района Карело-Финской ССР. Крупнейший русский сказочник, награжденный орденом «Знак почета» и Почетной грамотой Верховного Совета АКСР. Кроме сказок усвоил в детстве от своей матери-карелки Степаниды Петровны Ванхала, родом из дер. Кушеванда, карельские руны, которые и исполнил на карельском языке. Умер в 1942 году.

Лебедева Анна (33, 59)

Родилась в 1893 году в селе Паданы Сегозерского района Карело-Финской ССР. Интересна, как одна из многих карельских исполнительниц русского фольклора на карельском языке.

Леттиева Матрена (28, 29)

Родилась в 1868 году в селе Войницы района Калевалы Карело-Финской ССР. От ее прадеда по материнской линии Андрея Малинена записывал руны Э. Ленрот. Большую часть своих рун Матрена Леттиева усвоила от своей матери.

Михеева Мария (13—16, 54, 55, 62, 63, 82—84).

Родилась в 1885 году в дер. Алаярви района Калевалы Карело-Финской ССР. Свои песни и сказки усвоила главным образом от отца и своей бабушки, сохранив в памяти отрывки, вычитанные из «Калевалы», вольно контаминируя их в своих произведениях. Крестьянка-колхозница, сложила ряд новых песен на советскую тематику, которые на карельском языке публиковались в периодических изданиях. Участвовала в 1941 году в Ухтинской конференции сказителей. На время Отечественной войны была эвакуирована в гор. Сегежу. В 1946 году награждена Почетной грамотой Верховного Совета Карело-Финской ССР.

Никифорова Анастасия (3—4, 21, 22, 34, 45—48, 70—72, 75, 76, 77, 79 85, 86,)

Родилась в 1888 году в дер. Эльмитозеро Петровского района Карело-Финской ССР. Усвоила свои песни и сказки от отца и частично от деда Архипа Муйлачу. Крестьянка-колхозница; на основе традиционного фольклора сложила ряд новых песен, плачей и сказок на советскую тематику. Участвовала в Московской и Петрозаводской конференциях сказителей в 1939 году и принимала участие в декаде карельского искусства в 1937 году в Ленинграде. В годы Отечественной войны находилась в эвакуации. Награждена в 1946 году Почетной грамотой Верховного Совета Карело-Финской ССР.

Перттунен Татьяна (9, 89)

Родилась в 1883 году в дер. Ладвозеро района Калевалы. Правнучка знаменитого певца рун Архипа Перттунена, знает много рун. Участвовала в Ухтинской конференции сказителей в 1941 году. Во время Великой Отечественной войны эвакуировалась в Архангельскую область. Ныне живет в селе Ухта.

Прохоров Ефим (12, 93)

Родился в 1878 году в селе Ухта района Калевалы Карело-Финской ССР. Незаурядный певец рун и сказочник. Принимал участие в Ухтинской конференции сказителей. Сложил несколько произведений на советскую тематику. Умер в 1942 году.

Ремшу Мария (7, 8, 24, 27, 31, 35—38, 64, 65, 89—91)

Родилась в 1869 году в дер. Кивиярви района Калевалы Карело-Финской ССР. Неоднократно бывала в Финляндии. От М. А. Ремшу записывал руны финский фольклорист В. Сальми-

нен. Свои песни она переняла от матери и от покойной Ирины Михайловны из дер. Войница. В 1932 году вступила в колхоз, затем перешла в дом престарелых. В 1935 году приняла участие в проведении 100-летнего юбилея первого издания «Калевалы». Несколько раз сидела в Москве, Ленинград, Петрозаводск; член Союза советских писателей, награждена Почетной грамотой Верховного Совета АКСР. Многие ее руны публиковались в разных изданиях. Сборник записанных от нее сказок вышел из печати в 1945 году. Умерла в 1942 году.

Савинов Иван (49, 50)

Родился в 1884 году в дер. Сармяги Обиканского сельсовета Олонецкого района Карело-Финской ССР. Незаурядный сказочник.

Соболев Василий (51)

Родился в 1896 году в дер. Майгелга Каскеснаволоцкого сельсовета Прижинского района Карело-Финской ССР. Знал множество сказок.

Терентьев Николай (68)

Родился в 1882 году в дер. Пунчойла Ведловерского района Карело-Финской ССР. Будучи сказочником, он даже руны передает в сказочном изложении.

Хотеева Мавра (17—19, 25, 26, 36—41, 74, 80, 92)

Родилась в 1865 году в селе Ухта района Калевалы Карело-Финской ССР. Славилась как вопленица, исполнительница свадебных песен и мастерица рассказывать сказки. Принимала участие в праздновании 100-летнего юбилея 1-го издания «Калевалы» в 1935 году. Сложила ряд новых произведений на советскую тематику, которые публиковались в разных изданиях. Умерла в 1938 году.

Федулина Ирина (2)

Родилась в 1846 году в селе Лахта Прижинского района Карело-Финской ССР. Знала много рун. Участвовала в праздновании юбилея «Калевалы» в 1935 г. в Петрозаводске. Умерла в 1936 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

Условные сокращения

Анд. — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Ленинград, 1929.

KKS. — Karjalais suomalaisia kansan satuja, M. Remsulta muistiinpani P. Kuikka — Карело-финские народные сказки, записи от М. Ремсун, сост. П. Куйкка, Петрозаводск, 1945.

КРС — Карьялан рахвахан суарнат (Карельские народные сказки), сост. К. Белова, Петрозаводск, 1939.

✓ КЭП — Карельский эпический нает (Карельские эпические песни), сост. И. Пайлаков, Петрозаводск, 1939.

✓ КВП — Карьялан ванханайгуизет нает (Старинные карельские песни), сост. Ф. Титкова и К. Стенниева, Петрозаводск, 1939.

КС — Карельские сказки, сост. И. Пайлаков, Петрозаводск, 1947.

НТ — Народное творчество К-ФССР, сост. В. Чистов, Петрозаводск, 1940.

✓ ПН — Песни народов К-ФССР, сост. В. Гудков, Петрозаводск, 1941.

РИП — Руны и исторические песни, сост. В. Евсеев, Петрозаводск, 1946.

ПИН — Про изверга немца. Карело-финские руны, сост. В. Евсеев, Беломорск, 1943.

СКР — Сампо. Сборник карело-финских рун, сост. В. Евсеев, Петрозаводск, 1940.

SKS Suomalaisia kansan satuja, I—II, toim. K. Krohn, Helsinki, 1886 (Сказки финского народа, I—II, сост. К. Кроп, Хельсинки, 1886).

SKST Suomen kansan satuja ja tarinoita. toim. E. Salmelaisen (Сказки и предания финского народа, сост. Э. Сальмелайнен, Хельсинки, по изд. 1920.)

SKVR Suomen kansan vanhat runot, I—XIII, toim. Niemi, Salminen ym. (Старинные руны финского народа, т. I—XIII, сост. Ниэми, Сальминен и др., Хельсинки, 1906—1940).

Остальные библиографические данные даются в примечаниях без сокращений. После сокращенного обозначения сборника отмечается том, книга, страница или № варианта фольклорного произведения. При всех ссылках на сюжеты русских сказок читатель отсылается к указателю сказочных сюжетов Андреева — Аарне. При отдельных ссылках на фольклорные произведения других народов дается полное название печатного источника.

Всесторонняя передача художественных качеств карельского текста является основным свойством переводов, одновременно сохраняющих научную документальность оригиналов фольклорных произведений. Подавляющее большинство переводов публикуется впервые.

Если рядом с кратким паспортом текста указывается печатный источник на русском языке, это значит, что имеется в виду публиковавшийся перевод текста. Если же источник дается не на русском языке, то в таком случае подразумевается карельский или финский фольклорный текст.

Записи всех фольклорных произведений, включенных в сборник, хранятся в архиве ИИЯЛ Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР.

Переводы сделаны:

Евсеевым — №№ 1—17, 20—24, 26—35, 42—45, 48—55, 57—72, 74—75, 77, 79—83, 85—91, 93—98.

Пайлаковым — №№ 18, 19, 25, 73, 76, 78, 84, 92.

Каллио — №№ 36—41.

Богдановым — №№ 46—47, 56.

ТРАДИЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР ЭПОС И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. Сватовство кузена Ильмойлланне — от Е. Гавриловой в 1935 г. В. Евсеев. На фонограф записали в 1936 г. Матид и Леви.

Сюжет широко распространен в южной Карелии, но мотив с появлением кузена в ранних рунах других сказителей отсутствует. Руну с потными приложениями и переводом на русский язык см. III, стр. 14.

2. Кузнец и смерть — от Н. Федулиной в 1935 г. В. Евсеев. Перевод несколько более ранней записи 1934 г. от той же сказительницы опубликован, см. «Красная Карелия» за 28 февраля 1935 г. Та, более ранняя, запись произведена сразу же после исполнения сказительницей частушек, чем и объясняется ее чепуховатость. Имеется лишь несколько вариантов этой эпической песни.

3. Куллерво — от А. Никифоровой в 1940 г. П. Куйка. В Калевале этот сюжет не использован. Ближайшие варианты см. КВП, 9, стр. 24—25, SKVR, I, 11, 61, II, 367, 1133—1144. В сюжетном отношении иначе поет о Куллерво сестра сказительницы, см. «Карелия и художественной литературе», Петрозаводск, 1940, стр. 243.

4. Выкуп девушки — от А. Никифоровой в 1940 г. П. Куйка. Ближайшие варианты см. КВП, 3, SKVR, II, 300—311. Мотив о русских сетях и шведских войнах сравн. SKVR, II, 1140. С потными приложениями в более краткой записи — см. ПН, стр. 22—23.

5. Вейнемейне и Какомьели — от М. М. Коргуева в 1935 г. В. Евсеев. Редкая контаминация руны о состязании в сватовстве и руны о Лемминийнене; тем более интересный вариант, что он записан от известного русского сказочника. Сравн. Калевала, руны 18 и 26 частично.

6. Ранение колена — от Елизаровой в 1945 г. Э. Гран. Сравн. Калевала, руна 8 и 9 частично.

7. Игра на кантеле — от М. А. Ремшу в 1934 г. П. Куйка. Произведенную в 1937 г. запись этой руны на фонограф с потными приложениями см. ПН, стр. 11; мало отличается от варианта матери сказительницы — М. Мартинен, который см. SKVR, I, 614. Сравн. Калевала, руны 40, 41, 44 частично.

8. Смерть и болезнь — от М. А. Ремшу в 1938 году П. Куйка. Ближайшие варианты см. SKVR, I, 1028—1037, VII, 948—951.

9. Погоня за лосем — от Т. Перттунен в 1941 г. Э. Гран. Вариант в записи от брата сказительницы — Архипа Перттунена (см. SKVR, I, 865) значительно отличается от данного варианта руны, главным образом своей полнотой.

10. Состязание женихов — от К. Ананиной в 1937 г. О. Демидова. Наиболее близкие варианты см. SKVR, I, 4, 2154, с которыми, как в данном случае, контаминируется руна об изготовлении и похищении Сампо. Сравн. Калевала, руна 18.

11. Состязание в пении — от К. Ананиной в 1937 г. О. Демидова. Мотив об отвержении Вейнемейненом немецком серебре и шведском золоте см. также SKVR, I, 203, РИП, стр. 22—24. В переводе на русский язык эту руну см. СКР, стр. 64—66. Сравн. Калевала, руна 3.

12. Месть Куллерво — от Е. Прохорова в 1938 г. И. Пажлаков. Запись на фонограф в 1940 г. Н. Н. Жемчужиной. Севернокарель-

ские варианты см. SKVR, I, 908—953. Сравни. Калевала, руны 32—33.

✓ 13. Антерво Випунен — от М. Михеевой в 1946 г. В. Евсеев. В руне чувствуется и влияние текста Калевалы, и отличие от ее 17 руны, равно как и от вариантов других неведов. См. SKVR, I, 382—432, II, 83—87, VII, 343—370. Сравни. также Калевала, руна 17.

✓ 14. Похищение солнца и Сампо — от М. Михеевой в 1946 г. В. Евсеев. Аналогичные контаминации сюжетов о солнце и Сампо — см. SKVR, I, 78. Сравни. Калевала, руны 42, 47, 48 частично.

✓ 15. Лемминкайне на войне — от М. Михеевой в 1946 г. В. Евсеев. В старых записях рун о Лемминкайне по району Калевалы К-ФССР (см. SKVR, I, 701—857) нет вариантов, где прямо говорится о поездке героя на войну. Сравни. Калевала, руны 26, 30.

✓ 16. Куллерво и его сестра — от М. Михеевой в 1946 г. В. Евсеев. Сюжет о кровосмешении в фольклоре карел, ингерманландских финнов (см. SKVR, I, 952—992, II, 246—247, VIII, 890—899, XIII, 1120—1135, V, 1, 364—368, 839—856 и т.д.), однако в качестве соблазнителя редко появляется Куллерво. Здесь влияние текста Калевалы, руны 35—36.

17. Поиски сына — от М. Хотеевой в 1937 г. Т. Ананина. Фрагмент эпической песни. Севернокарельские варианты песни — см. SKVR, I, 1124—1128. Сравни. Калевала, руна 50 частично.

18. Портной и ткачиха — от М. Хотеевой в 1937 г. Т. Ананина. Близкие варианты у сказительниц М. Ремшу, М. Леттиевой.

19. Анники и мышка — от М. Хотеевой в 1937 г. О. Демидова. Начало песни сближается с другими севернокарельскими вариантами, см. SKVR, I, 1891—1897 г. В конце фрагмент заговорной песни, которую сравни. SKVR, I, 4, 359—360.

20. Сестры на чужбине — от П. Ивановой в 1936 г. В. Евсеев. Аналогичный вариант песни им же записан от одной вохтоверской сказительницы, который в переводе на русский язык см. СКР, стр. 121—122. Сравни. также SKVR, II, 362—363.

21. Петр Великий в Выборге — от А. Никифоровой в 1940 г. П. Куйкка. Бытующие в К-ФССР варианты песни см. SKVR, II, 277—295. В переводе на русский язык близкие варианты песни см. СКР, стр. 140—143, РИЦ, стр. 73—78.

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

22. Свадебный пир — от А. Никифоровой в 1940 г. П. Куйкка. Варианты плача см. Rahvahan kandleh, 1922, стр. 75—76. Исполняется во время рассаживания за стол в доме невесты.

23. Плач о муже-рекруте — от П. Ивановой в 1937 г. К. Белова. Наиболее полноценный вариант из записей, хранящихся в архиве ИИЯЛ К-Ф базы АН СССР.

24. Прилетел орел — от М. Хотеевой в 1937 г. О. Демидова. Из карельских вариантов сравни. SKVR, I, 3, 1525—1535, ПН, стр. 25. См. Калевала, руна 19. Свадебная песня.

25. Зять приехал — от М. Ремшу в 1937 г. на фонограф Н. Леви. Из севернокарельских вариантов см. SKVR, I, 3, 1573—1588. Сравни. Калевала, руна 21. Исполняется во время свадьбы.

26. Приехал братец — от М. Хотеевой в 1937 г. О. Демидова. Из карельских вариантов сравн. SKVR, I, 3, 1708—1710, ПН, стр. 28. Сравн. Калевала, руна 25. Исполняется в доме жениха.

27. Муж поехал на охоту — от М. Ремшу в 1934 г. У. Харламова. Заклинательная песня. Она же в 1918 г. от М. Ремшу записана В. Сальминеном, см. SKVR, I, 2467. Исполнилась при возвращении мужа с охоты.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

28. Мы споем с тобой — от М. Леттиевой в 1947 г. Э. Гуттари. Один из вариантов этой песни, в записи от прадеда сказительницы Андрея Малинена, использован в первой руне Калевалы.

29. Все слова в клубок — от М. Леттиевой в 1947 г. Э. Гуттари. Вариант этой песни см. также в первой руне Калевалы.

30. Пели и сыны Саами — от Т. Перттунен в 1948 г. Э. Гран. Вариант идет от прадеда сказительницы — Архипа Перттунена и также использован в первой руне Калевалы.

31. Проходи скорее, время — от М. Ремшу в 1934 г. П. Куйikka. Встречаются и другие варианты этой лирической песни.

32. Гости едут — от М. Хотеевой в 1937 г. Т. Анапина. Песня более популярна в южной Карелии. Варианты см. ПН, стр. 41—44.

33. Долго нынче день тянулся — от М. Лебедевой в 1936 г. В. Гудков. Карельский текст с переводом и с нотными приложениями см. ПН, стр. 35.

34. Не училась петь — от А. Никифоровой в 1939 г. В. Евсеев. Опубликованных вариантов песни не обнаружено.

СКАЗКИ

35. Ворон, пичужка и лиса — от М. Ремшу в 1939 г. П. Куйikka. См. KKS, стр. 9. Близкие варианты финской и карельской сказки см. SKS, 81—82. См. Анд., 56, А. Сказку в другом переводе см. KC, стр. 89—90. у П

36. Продажа шкур — от М. Ремшу в 1937 г. Липкина. См. KKS, стр. 86. Другой перевод в обработке И. Пажлакова см. KC, стр. 119—121. Из близких вариантов сравн. карельскую сказку, записанную в Кестенге (см. Suomi, II, 14 стр. 61—64), см. Анд., 1535. у П

37. Хе-хе-хетивей — от М. Ремшу в 1939 г. П. Куйikka, см. KKS, стр. 83. Другой перевод см. KC, стр. 158—159. Варианты русских сказок см. Анд., 1660, очень приблизительно. П

38. Ручная мельница — от М. Ремшу в 1937 г. Липкина. Другой перевод см. KC, стр. 78—80. См. Анд., 565. П

39. Про белку, рукавицу и иголку — от М. Хотеевой в 1937 г. О. Демидова. Варианты финских сказок сравн. SKS, I, 175, SKST, 35. См. Анд., 90.

40. Черная утка — от М. Хотеевой в 1937 г. Л. Грендал. Варианты финских сказок частично см. SKS, II, 1, SKST, 6. См. Анд., 403 + 405 + 705.

41. Соснович — от М. Хотеевой в 1937 г. Л. Грендал. Финский вариант сказки см. SKS, 21. См. Анд., 461.

42. Голь кабацкая — от М. Хотеевой в 1937 г. Л. Грендал. См. Анд., 910. В Карельских вариантах с этим собирательным былинным именем не обнаружено.

43. Кумоха — от М. Хотеевой в 1937 г. Л. Грендал. Сказка, контаминированная из нескольких сказочных сюжетов, использована для либретто одноименной музыкальной комедии композитора Р. Пергамента. Другой перевод см. KC, стр. 105—110. См. Анд., 1538, 1+1539, В.

44. Ленивая жена — от М. Хотеевой в 1937 г. Л. Грендал. См. Анд., 901, В (частично).

45. Медведица-плакальщица — от А. Никифоровой в 1940 г. записала П. Куйкка. Из близких вариантов см. сказки карельские SKS, I, 66, 149, венские (Vepsän kielen näytteitä, Helsinki, 1928, № 41), русские сказки — Анд., 37 и сказки народа коми — «Фольклор народа Коми», № 13.

46. Бедный и богатый брат — от А. Никифоровой в 1940 г. П. Куйкка, см. Анд., 564+613. Карельские варианты см. KPC, 13, Rahvahan kandleh. toim. Ahtia. Viipuri, 1922, стр. 92—98; Karjalan kielen näytteitä, II, Helsinki, 1934, стр. 88—92, Lyydiläisiä kielen näytteitä, Helsinki, 1938, стр. 149—156. Финские варианты см. Suomi, II, 8, стр. 261. Русские варианты сказки см. Сказки Куприяны, 15. Сказки Господарева, 19.

47. Дочери богатого и бедного брата — от А. Никифоровой в 1938 г. К. Белова. Оригинальный вариант типа «Золушки», злая мачеха заменена женой богатого дяди. Карельскую сказку на этот сюжет в песенном изложении см. SKVR, I, 1457, см. Анд., 510 В.

48. Тухки Мурович — Иван Запечин — от А. Никифоровой в 1938 г. К. Белова. Контаминирована из разных сюжетов. См. Анд., 1009+1653 В+675.

49. Злая мачеха — от И. Савинова в 1937 г. Волкова. См. Анд., 480 В. Вариант сказки см. KC, стр. 122—124.

50. Сестра и девять братьев — от И. Савинова в 1937 г. Волкова. См. Анд., 709.

51. Иван Тухкимус — от В. Соболева в 1938 г. Ф. Фомкин. См. Анд., 675 («По щучьему веленью»).

52. Счастье бедного брата — от Е. Гавриловой в 1938 г. К. Белова. Широко известный сюжет в карельских, финских (см. SKS, II, 9), русских сказках (Сказки Господарева, 21, Сказки Куприяны, 5) и в сказках других народов (дополн. см. Анд., 735).

53. Смерть в бочке — от Е. Г. Гавриловой в 1935 г. В. Евсеев. В других вариантах сказка выступает без имени кузнеца, но у некоторых сказителей появляется в песенном изложении с именем кузнеца Ильмойллине. На карельском языке сказку см. KPC, стр. 23, альманах «Карелия» № 3 за 1939 г. и KC, стр. 85—87.

54. Мальчик и девочка — от М. Михеевой в 1946 г. Э. Гран. Почти тот же сюжет в сказке А. Никифоровой про горошницу. Другой карельский вариант см. KPC, 8. Венский вариант см. Näytteitä Etelä-Vepsästä, Helsinki, 1920, 1—31. Сравн. также варианты финских («Suomi», III, 20, стр. 290—300) и русских сказок (см. Анд., 1960 Г.)

55. Муж — домашняя хозяйка — от М. Михеевой в 1946 г. Э. Гран. Тот же сюжет появляется в сказках и Ремшу, см. КС, стр. 133—135, и других карельских сказителей. См. Анд., 1408.

56. Как волк помогал сыну бедняка — от А. К. Исакова в 1938 г. Ф. Фомкин. Близкий вариант, записанный К. Кроном в 1881 г. в селе Кондока в северной Карелии, — см. SKS, II, 9 А. См. Анд., 567 + 550.

57. Как попа учили охотиться — от А. К. Исакова в 1938 г. Ф. Фомкин. См. Анд., 1775.

58. Как мужик обманул трех разбойников — от А. Исакова в 1938 г. Ф. Фомкин. Вторую часть сказки см. Анд., 956 А.

59. Никитушка-Добрынушка — от Лебедевой в 1939 г. И. Пажлаков. Другие сказки с былинным сюжетом на карельском языке записаны в селе Паданы в конце XIX века. См. Suomi, II, 14, стр. 9—10, см. Анд., 891.

60. Илья Муромец — от А. Вороновой в 1939 г. И. Ругачев. Карельский вариант этой русской былины в сказочном изложении, записанный в селе Паданы, см. Suomi, II, 14, стр. 9—10. Русские варианты былины в сказочном изложении см. сказки Афанасьева. 174—175. См. Анд. 650, I.

61. Чуру Плюнкович и матушка Юккина — от А. Вороновой в 1939 г. И. Ругачев. Сюжет русской былины в сказочном изложении на карельском языке.

ПРЕДАНИЯ

62. Лапландец Челли — от М. Михеевой в 1946 г. В. Евсеев. Несколько иной вариант сравн. J. V. Juvellius. Muistoja pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta, Helsinki, 1888, стр. 68.

63. Уход лапландцев — от М. Михеевой в 1946 г. В. Евсеев. Особый вариант см. в той же книге, стр. 52.

64. Богатырь Куопели — от М. Ремшу в 1939 г. П. Куйikka. Смутное воспоминание о кобылицких карелах.

65. Туйю Матти — от М. Ремшу в 1939 г. П. Куйikka. Вариант в литературной обработке писателя Н. Янкола см. «Punalippu» № 3 за 1947 г. стр. 19—24.

66. Основание Видлиц — от Е. Гавриловой в 1935 г. В. Евсеев. Вариантов нет.

67. О лужайке мечей — от Елизаровой в 1945 г. Э. Гран. Других вариантов не записано.

68. Петр Первый и чудесный конь — от Н. Терентьева в 1945 г. В. Евсеев; контаминируются мотивы сказок и эпических песен. См. частично Анд., 1525 В.

69. Солдат и Петр Первый — от М. Брендоева в 1939 г. И. Яковлев, см. Анд., 952. Имя Петра Первого влетено в сказание под влиянием слышанных от стариков преданий о посещении Петром Первым родного села сказителя — Святозера. Тот же сюжет применительно к имени Петра Первого в вариантах Богдановой из села Вешкелицы Пряжинского района и Шайкина из дер. Виллала Олонецкого района К-ФССР.

70. В Швецию выданная девушка — от А. Никифоровой в 1940 г. П. Куйikka; почти тот же сюжет, в песенном изложении, записан от Ивановой, см. СКР, стр. 122—124. Сравн. также SKVR, II, 362—363, VII, 1306—1313.

СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

71. Два брата — от А. Ф. Никифоровой в 1940 г. П. Куйка. В переводе на русский язык эту сказку см. в газ. «Комсомольская правда» за 24 апреля 1940 г.

72. Думы о новой пятилетке — от А. Никифоровой в 1946 г. письмом в записи ее дочери — бригадира колхоза.

73. Сказ о сыне-добровольце — от П. Ивановой в 1937 г. К. Белова. Импровизация создана на основе предыдущего плача о муже-рекруте. Исполняется при проводах сына-добровольца в Красную Армию.

74. Сказ о Ленине — от М. Хотеевой в 1937 г. Т. Анапина. Исполнялась на вечере, посвященном памяти В. И. Ленина.

75. Плач о Ленине — от А. Никифоровой в 1940 г. П. Куйка. В переводе на русский язык в газ. «Комсомольская правда» за 22 апреля 1940 г. В этом причитании по-новому переосмыслены отдельные фольклорные мотивы из традиционных воплей.

76. Сказ об Отечественной войне — от А. Никифоровой в 1945 г. В. Евсеев.

77. О гражданской войне — от А. Никифоровой в 1939 г. Юдина. Вторая, менее удачная часть песни о социалистическом строительстве в Карелии в переводе не дается.

78. Антикайнен — от А. Никифоровой в 1941 г. В. Евсеев. Записанные от нее в кадр полнометражного звукового кинофильма «Карело-Финская ССР» и на тонфильм в 1937 г. бригадой Всесоюзного радиокомитета варианты этой песни несколько отличаются от первой записи. Независимо от нее возникшие варианты рун о Тойво Антикайнене в районе Калевалы К-ФССР записаны от К. Гаврилена, М. Хотеевой, М. Михеевой.

79. Ленин и Сталин — от А. Никифоровой в 1939 г. В. Евсеев. Менее полный вариант песни о поездке тов. Сталина на Царыцынский фронт записан в Ведлозерском районе К-ФССР от П. Ивановой.

80. О тунгудском царе — от М. Хотеевой в 1938 г. К. Белова. Другой вариант песни см. СКР, стр. 159—160.

81. Борьба за Видлицы — от Е. Гавриловой в 1938 г. Другой вариант песни — от А. Никифоровой, песню которой в переводе на русский язык см. СКР, стр. 157.

82. Песня о Сталине — от М. Михеевой в 1947 г. В. Евсеев. Более ранняя запись — см. журнал «Punalippi» № 5 за 1941 год и газ. «Totuus» за 28 февраля 1945 года. Сокращенный перевод печатался в журнале «На рубеже» № 4 за 1947 год.

83. Песня о войне 1939—1940 гг. — от М. Михеевой в 1945 г., получено почтой. Не публиковалась.

84. Об Отечественной войне 1941—1945 гг. — от М. Михеевой в 1945 г. получено, почтой. Не публиковалась.

85. Поимка шпиона — от А. Никифоровой на фонограф в 1937 г. Вариант песни на этот сюжет — в с. Поросозеро от П. Мининой, сказ на ту же тему — в с. Видлицы от Терентьевой А. П. в 1936—1942 гг. Песню Никифоровой с потными приложениями см. ПН, стр. 10—11, альманах «Карелия» № 9 за 1938 год и в переводе Зоргенфрея на русском языке см. газ. «Ленинградская правда» за 30 сентября 1937 г.

86. От Сталинграда до Берлина — от Никифоровой в 1945 г. В. Евсеев. Здесь образ кузнеца Ильмомойллы связывает традиционный фольклор с новообразованием. Вариант песни, исполненный сказительницей в День Победы 9 мая 1947 г. на одной из площадей г. Петрозаводска, несколько отличен.

87. Сталину — от А. Никифоровой в 1940 г. П. Куйка. Почти в том же виде эту песню исполняла сказительница на площади Ленина в г. Петрозаводске 9 мая 1947 года.

88. О новой жизни — от П. Ивановой в 1939 г. И. И. Левкин. Исполнялась на районных и республиканском смотре художественной самодеятельности. Варианты от Н. Гречневой (Пряжинский район К-ФССР) и Пугачевой (Ведлозерский р-н) см. НТ, стр. 44 и 59.

89. Хочу воспеть от Т. Перттунен — в 1948 г. В. Евсеев. Другой вариант песни — от ухтинского певца рун К. Гавринена.

90. О посездке в Москву — от М. Ремшу в 1935 г. В. Евсеев. Перевод публиковался, см. НТ, стр. 191.

91. Молодость — от М. Ремшу в 1938 г. И. Пажлаков. Перевод публиковался — см. НТ, стр. 60.

92. О Сталине — от М. Хотесовой в 1938 г. К. Белова. Русский перевод песни — см. НТ, стр. 39.

93. В колхозах спорится работа — от Е. Прохорова в 1939 г. Прохорова. Не публиковалась. Запись на фонограф в 1940 г. Н. И. Жемчужиной.

94. Первое Мая — от М. Михеевой в 1941 г. получена почтой. Вариантов от других сказителей не записано. Сокращенный перевод см. журн. «На рубеже» № 4 за 1947 г.

95. С немцами война кончилась — от М. Михеевой в 1945 г. Э. Гран.

96. Не для немцев наши земли — от М. Михеевой в 1945 г. получена почтой.

97. О весеннем севе — от М. Михеевой в 1946 г. получена почтой и напечатана в газ. «Totuus» за 19 мая 1946 г. Сокращенный перевод см. журнал «На рубеже» № 4 за 1947 г.

98. О великая Отчизна — от М. Михеевой получена почтой. См. в газ. «Totuus» за 29 января 1947 года. Рукопись в редакции газеты.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Современный карельский фольклор	3
Традиционный фольклор	13
Эпос и исторические песни	15
Обрядовая поэзия	49
Лирические песни	61
Сказки	65
Предания	153
Советский фольклор	171
Сказители, представленные в сборнике	208
Примечания	211

Редактор *Ф. Элиашберг* Техн. редактор *Т. Есеева*.

Подписано к печати 24 января 1949 г. 13³/₄ печати. л. 12,1
 уч.-изд. листа. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. Госиздат К-ФССР № 76
 Заказ № 734. Тираж 5.000. Е—00002

Сортавальская книжная типография Управления полиграфической
 промышленности при Совете Министров К-ФССР.
 г. Сортавала, Карельская, 32.

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
219	Сверху	Хочу воспеть от т. Перттунен	Хочу воспеть — от т. Перттунен